

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

896 Р. 5.

ДРЕВНІЕ ГОРОДА РОССІИ.

Историко-юридическое изслѣдованіе

Д. В. САМОКВАСОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. Замысловскаго. Вол. Мѣщ. д. № 33.

1873.

HLG 1858

№. 17443

wypisano do dubletu,
dla do: 2.6.1.13.

2.6.1.89.

2.20.6.55.

20.4.5.46.

20.4.5.46.

(3 ci a

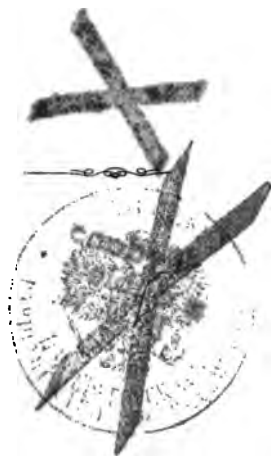
Стр. 896. Р. Б.

ДРЕВНІЕ ГОРОДА РОССІИ.

Самоквасов, Д. Я.

Историко-юридическое изслѣдованіе

Д. Я. САМОКВАСОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. Замысловскаго. Бол. Мѣщ. д. № 33.

1873.

Handwritten signature or text, possibly "C. J. ..."

Wydano
z dubletów
B. U. W.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение.	
Современное состояніе въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ и его причина	1
Историческое развитіе понятія о городѣ	33
Глава первая.	
Количество городовъ въ Россіи до татарскаго времени	74
Историческое значеніе сохранившихся городищъ	94
Глава вторая.	
Время первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и ихъ политическое значеніе въ древнѣйшій періодъ русской исторіи.	125
Теорія историческаго развитія народныхъ поселеній въ Рос- сіи.	143
Приложенія.	

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Современное состояніе въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ и его причина.

„Польза и важность исторіи городовъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ такъ очевидно, такъ хорошо, такъ краснорѣчиво изложены различными писателями, что въ настоящее время нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ“¹⁾. Не смотря на то, историко-юридическая литература настоящаго времени не владѣтъ научной исторіей русскихъ городовъ, въ которой были-бы, если не рѣшены, то изучаемы во взаимной связи вопросы о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, ихъ количествѣ, ихъ политической системѣ и ихъ значеніи въ общемъ строѣ политическихъ учрежденій въ тотъ или другой періодъ исторіи русскаго государства. Имѣющіяся спеціальныя изслѣдованія о древнихъ городахъ Россіи относятся къ тому или другому городу въ отдѣльности, или посвящены изученію историческаго образованія и развитія, такъ-называемаго, городскаго или средняго сословія или состоянія, то-есть, города въ переносномъ, и притомъ, въ новѣйшемъ смыслѣ. Въ сочиненіяхъ перваго рода обыкновенно ограничиваются опредѣленіемъ времени основанія даннаго города, изложеніемъ политическихъ событій, случившихся въ немъ или его окрестностяхъ и изученіемъ историческаго развитія города съ внѣшней стороны. Въ сочиненіяхъ втораго рода все вниманіе изслѣдователей обращается на юридическое разграниченіе общественныхъ элементовъ, на постепенное выдѣленіе изъ общей массы государственнаго народонасе-

¹⁾ Рус. Ист. Сборн. 1841 г. кн. 2 и 3, стрн. 155.

ленія особенныхъ видовъ въ формы сословныхъ корпорацій, юридическихъ обществъ съ особенными правами и обязанностями, утвержденными законодательствомъ. Общіе вопросы исторіи городовъ, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ не находятъ, да и не могутъ найти, спеціальнаго изученія. Въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи и исторіи русскаго права встрѣчаемъ смѣшеніе самыхъ разнородныхъ понятій о древнерусскомъ городѣ и безконечное разнообразіе мнѣній по самымъ существеннымъ вопросамъ изъ его исторіи, мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу, но равносильныхъ по своей аргументаціи, а потому, оставляющихъ нерѣшенными эти вопросы въ наукѣ. Беремъ, для примѣра, вопросъ о времени первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и посмотримъ на его состояніе въ наукѣ. Русскіе ученые до Шлёцеровской школы, не касаясь вопроса о времени первоначальнаго возникновенія древне-русскихъ городовъ, были убѣждены въ существованіи множества городовъ у Русскихъ Славянъ за-долго до времени призванія Рюрика и на этомъ фактѣ основывали свои понятія о гражданственности первобытныхъ Россіянъ. Изъ этихъ ученыхъ, послѣдній по времени, многосторонне образованный, изучившій множество отечественныхъ и иностранныхъ памятниковъ старины, Иванъ Волтинъ, опровергая само себѣ противорѣчащее положеніе француза Леклерка: „первоначальные Русскіе жили въ городахъ, какъ первобытные человѣки жили въ лѣсахъ: они изгнали изъ своего правленія гражданскаго и политическаго все то, что могло способствовать къ составленію онаго“ ²⁾, высказалъ въ 1788 году, слѣдующее: „*первобытные Россіане жили въ городахъ.* Довольно сего одного въ доказательство о просвѣщеніи Русскихъ тогдашняго времени, что жили они, по свидѣтельству самого автора, въ городахъ, и, слѣдовательно, иначе они жили, нежели первобытные человѣки въ лѣсахъ: для достиженія до состоянія городскихъ жителей потребны многіе вѣка. *Отъ рѣки Рейна до моря Балтійскаго не было ни одного города прежде IV вѣка* (Corning.

²⁾ Ист. др. и нов. Рос., стрн. 239.

Exercit. de urbib. Germ; Vol. I, §§ 25, 27, 31 и др.) У Русскихъ гораздо прежде сего времени были многіе и знаменитые города, что свидѣлствуютъ всѣ сѣверные писатели³⁾.

Шлёцеръ называлъ свидѣтельства сѣверныхъ писателей о древне-славянскихъ городахъ глупыми выдумками и, отвергнувъ убѣжденіе русскихъ ученыхъ въ существованіи множества городовъ у Русскихъ славянъ со времени Рюрика, объявилъ: „Полудикіе еще люди жили подѣ демократическимъ, или лучше ни подѣ какимъ правленіемъ и съ ближайшими даже сосѣдями своими не входили ни въ какія связи. Несторовы старожилы были въ одномъ положеніи съ Далекарліянами, кои еще при К. Сверрѣ не знали, что такое король. И это относится ко всему русскому сѣверу даже до середины IX столѣтія: на всемъ пространствѣ оного не было ни одного города, собственно такъ называемаго. Что-же теперь думать объ исландскихъ рассказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ голмгардскихъ и острогардскихъ, съ которыми датскіе и шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры еще до Р. X. и въ послѣдующія столѣтія? Заслуживали-ли сіи глупости того, чтобы Байеръ, Миллеръ, Щербатовъ, внесли ихъ въ русскую исторію и рассказывали о нихъ съ такою важностью, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ. Все это есть не иное что, какъ глупыя выдумки⁴⁾.”

Карамзинъ, слѣдуя теоріямъ Шлёцера въ представленіи общественнаго быта русскихъ Славянъ въ періодъ до призванія Рюрика⁵⁾, по вопросу о времени перваго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи выражается очень темно. Передавая извѣстія

³⁾ Примѣч. на Ист. др. и нов. Росс. Лекерка, т. II, стрн. 306 и 310.

⁴⁾ Шлёцер. Несторъ, II, стрн. 51 — 53. См. еще т. I, стрн. 214, 216, 305, 357, 419 — 420; II, стрн. 168, 178 — 180 ндр.

⁵⁾ «Сѣверяне, Радимичи и Вятичи, подобно Древлянамъ, обитали въ глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитой отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли (*hi paludes sylvasque pro civitatibus habent*). Иорнандъ, De reb. Get., стрн. 85). Предки наши, подобно всемъ народамъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего, не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣли ни влстелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думали, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека:

Нестора о расселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ Россіи, нашъ историографъ замѣчаетъ: „На берегахъ озера Ильмена поселились собственно, такъ называемые, Славяне, которые *послѣ Р. Х.* (?) основали Новгородъ. *Изъ тому-же времени* (?) лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, рассказывая слѣдующія обстоятельства... Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе славянскіе города въ Россіи, также весьма древніе: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ; знаетъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ IX вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ X, но они могли существовать и гораздо прежде“ ⁶⁾. Въ главѣ „О состояніи древней Россіи“ тотъ-же историкъ говоритъ: „Народы, изъ коихъ составилось государство Россійское и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія, ибо самые грубые Древляне жили *отчасти* (?) въ городахъ ⁷⁾. Затѣмъ, въ своей многотомной „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзинъ не удѣлилъ ни одного разсужденія древне-русскому городу, его значенію въ составѣ государственныхъ учреждений, его вліянію на развитіе русской гражданственности. Иначе и быть не могло, при взглядѣ на древне-русскіе города, какъ на результатъ дѣятельности призванныхъ князей. Слѣдующимъ теоріямъ древне-славянскаго общественнаго быта, созданнымъ Шлегелемъ, Гебгарди и другими учеными нѣмецкой школы, предложившими свое посредничество въ рѣшеніи вопросовъ русской исторіи и исторіи русскаго права, Карамзинъ представлялъ себѣ Сла-

хозяинъ господствовалъ въ домѣ, отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойно и безопасно; лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было небольшою, независимою республикою... Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія». Ист. госуд. Росс. изд. Эйнерлинга, 1842 г., т. I, стрн. 38 и 43.

⁶⁾ Тамъ-же, стрн. 19 — 20.

⁷⁾ Тамъ-же, стрн. 146.

вѣвъ до Юриковскаго періода полу-дикарями, неспособными къ построению городовъ, къ скученной, общинной жизни. Русскіе историки послѣ Шлецера и Карамзина почти до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, принимая положеніе, что „разрозненныя, полудикіе Славяне только со времени водворенія между ними Норманновъ сдѣлались общительными людьми, сосредоточились въ городахъ и образовали государство“, посвящали свои труды почти исключительно призванному элементу, оставляя безъ вниманія значеніе туземныхъ элементовъ въ образованіи Русскаго государства и ихъ силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и средоточіе этой силы древне-славянскій городъ⁸⁾. „Шлѣцеръ еще толковалъ намъ“ говорить, напримѣръ, прославленный З. Д. Ходаковский, „что прежде 860 года въ цѣломъ сѣверѣ Русскомъ, на всемъ пространствѣ онаго, не было ни одного города... не видимъ еще у нихъ въ половинѣ VI вѣка сего рода осѣдлости (Іоаннъ Христоръ Іорнандъ говоритъ, что они лѣса и болота вмѣсто городовъ имѣли). Ровно 300 лѣтъ прошло въ семь усыпленіи природы, пока смѣлость Норманновъ не пробудила нашего Сѣвера“⁹⁾. Только со времени открытія археографической комиссіи, издавшей множество памятниковъ древне-русской общественной жизни, начинается мало по малу возвращеніе историковъ къ воззрѣніямъ русскихъ ученыхъ XVIII столѣтія на начала древне-славянской гражданственности вообще и на эпоху появленія городской жизни у русскихъ Славянъ въ частности. М. А. Соловьевъ въ 1838 году въ первый разъ заявилъ: „До сихъ поръ наша историческая критика не сдѣлала того, съ чего должно было начать исторію Россіи, именно, не изслѣдовала и не опредѣлила числа и названій вѣсѣхъ городовъ, которые исторія застаетъ на Русской землѣ во время перваго образованія нашего народа. Этотъ инвентарій древней земли русской долженъ-бы служить основаніемъ вѣсѣхъ разсужденій о первоначальной исторіи сѣвера, который не былъ такою пустыней какъ вообще полагають. Древнѣй-

⁸⁾ См. Погодина Изслѣд. Замѣч. и Лек. т. II, стрн. 321, 400 (изд. 1846 г.).

⁹⁾ Русск. Ист. Сборн. 1837 г., кн. III, стрн. 51 — 53.

ітїе лѣтописные источники упоминають о существованіи въ этихъ странахъ многихъ городовъ, между которыми надо предполагать постоянныя дороги и другія средства сообщенія. Разбросанныя на всемъ сѣверѣ монеты востока доказываютъ древнюю его торговлю, которая требовала торговыхъ мѣстъ и городовъ“ ¹⁰⁾. Даниловичъ, въ 1841 году, въ статьѣ „Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ“, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Кто намъ опредѣлительно укажетъ начало Кіева и прочихъ городовъ восточной Руси. Объ основаніи его умалчиваетъ правдорѣчивый Несторъ, Стрыйковскому никто не повѣритъ. Бытіе Кіева, Новгорода и Смоленска восходитъ и по Нестору ко временамъ отдаленной, незапамятной древности“ ¹¹⁾. Но не смотря на родившееся сомнѣніе въ справедливости ученія Шлецера, изслѣдователи русской старины не могли примирить мнимыя противорѣчія въ свидѣтельствахъ источниковъ о времени появленія городской жизни у Русскихъ Славянъ, а потому возвращеніе къ воззрѣнію русскихъ ученыхъ XVIII вѣка, по которому города въ предѣлахъ Россіи существовали задолго до призванія Рюрика, не имѣло никакихъ послѣдствій для науки, и 862 годъ продолжали считать нормальнымъ для начала славянскихъ городовъ. Такъ, Даниловичъ, непосредственно за вышесказаннымъ, продолжаетъ: „Строеніе другихъ, меньшихъ городовъ начинается у Нестора съ 862 года. (Несторъ по Кенигсбергскому списку, стрн. 16: „Рюрикъ роздая мужемъ своимъ волости и города рубити, оному Полтескъ, оному Ростовъ, другому Бѣлоозеро“). Число сіе принимаю за нормальное для начала славянскихъ городовъ“ ¹²⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же ученый замѣчаетъ: „Правдорѣчивый Несторъ съ 862 года начинаетъ построеніе городовъ Руси“ ¹³⁾. Въ третьемъ „Нигдѣ не являлись города вдругъ и въ одно время. Многія столѣтія выжидали постепеннаго ихъ образованія. По свидѣтельству

¹⁰⁾ Энцикл. Лексиконъ, изд. 1838 г., статья «Города». т. XV, стрн. 15.

¹¹⁾ Русск. Истор. Сбор. 1841 г., т. IV, кн. II, стрн. 165, 166.

¹²⁾ Тамъ-же.

¹³⁾ Тамъ-же, 201.

Юрнанда въ половинѣ VI вѣка обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою Славяне, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ кровожадныхъ враговъ ¹⁴⁾).

Сочиненіемъ, сдѣлавшимъ переворотъ въ понятіяхъ русскихъ ученыхъ о древне-славянской общественной жизни, было „Славянскія древности“ Шафарика. По напечатаніи историческихъ изслѣдованій Шафарика, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи того времени говорилъ своимъ слушателямъ: „Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть, съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Дrevлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположителемъ исторической критики прошедшаго столѣтія — Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія древности“ производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Книга его, плодъ трудовъ многолѣтнихъ, дѣлаетъ эпоху въ наукѣ, какую въ свое время сдѣлалъ у насъ Шлецеръ изданіемъ толковаго Нестора, или Карамзинъ сочиненіемъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности...“ ¹⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ, представивъ очеркъ ученія Шафарика, тотъ-же историкъ восклицаетъ: „Вѣрно не находились Русскіе Славяне на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и

¹⁴⁾ Тамъ-же, 170.

¹⁵⁾ Погодинъ, Изсл., Замѣч. и Лек. т. II, стр. 321.

Кіевъ, и Смоленскъ и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ... Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполне, или считая непонятными, пропускали, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами изслѣдованій и искать тамъ, гдѣ найти что-либо отнята была даже надежда подѣ страхомъ жестокой, ученой насмѣшки“ ¹⁶⁾). Таково было впечатлѣніе, произведенное сочиненіемъ Шафарика на современниковъ. Что-же сдѣлалъ Шафарикъ? Онъ объявилъ: „Нѣкогда, задолго до призванія Варяговъ, въ странахъ между Пономъ и Бельтомъ была несравненно большая населенность, и образованность и общественная дѣятельность, нежели какъ думали прежніе ученые. Земли, кои заняты были многочисленными славянскими племенами и вошли въ составъ Россіи, заключали въ себѣ множество городовъ задолго до времени прибытія Варяговъ“ ¹⁷⁾). Читателя, желающаго познакомиться съ фактическими доказательствами нововведеній Шафарика въ русскую исторію, отсылаемъ къ самому сочиненію его. Остановимся здѣсь только на доказательствахъ непосредственно интересующаго насъ въ настоящее время положенія Шафарика, по которому эпоха появленія городовъ у Русскихъ Славянъ отодвинута на нѣсколько вѣковъ до призванія Рюрика. „Я знаю“, говоритъ авторъ, „что многіе, помня слова Гюнанда о жилищахъ Славянъ въ озеряхъ и лѣсахъ, не мало удивятся, когда я стану говорить въ этомъ отдѣленіи (сочиненіи) о городахъ Славянъ въ такое отдаленное время (то-есть, въ періодѣ до второй половины V-го столѣтія послѣ Рождества Христова). Но я убѣжденъ, что (Славяне и въ это древнее время какъ и въ началѣ IX столѣтія, по свѣдѣтельству исторіи жили не только въ селеніяхъ, но и въ обширныхъ укрѣпленныхъ городахъ или крѣпостяхъ.) Въ другомъ мѣстѣ я приведу въ пользу такого мнѣнія нужныя доказательства, здѣсь-же скажу только, что около 839 года

¹⁶⁾ Тамъ-же, 384.

¹⁷⁾ Славян. Древ. т. I, кн. II, стрн. 416 — 420. Перев. Бодянского, изд. 1848 г. Журн. Мин. Нар. Просв., т. XIV, отд. IV, стрн. 223: письмо къ М. П. Погодину.

городъ Кіевъ, коимъ въ то время владѣли Козары, ясно называется уже градомъ; что Варяги, призванные въ 862 году владѣть нѣкоторыми вѣтвями Славянъ, нашли землю ихъ наполненную городами и крѣпостями, изъ коихъ многіе упоминаются въ лѣтописяхъ по именамъ, какъ-то: Новгородъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Изборскъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Муромъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ, Плесковъ, Переяславль, Овручъ, Коростень, Выпгородъ, что о городахъ или градахъ Закарпатскихъ Славянъ упоминаютъ неизвѣстный сочинитель Мюнхенскихъ Записокъ (въ концѣ IX столѣтія) и Константинъ Багрянородный, и что Славяне, пришедши въ Германію, уже въ самомъ началѣ своего пребыванія въ ней построили множество славныхъ и многолюдныхъ городовъ на берегу Балтійскаго моря. Конечно эти города были построены не по греческому и римскому образцу, деревянные; при всемъ томъ они были обнесены рвами, насыпями и палисадами и имѣли ворота. Несторъ въ своей лѣтописи всюду тщательно отличаетъ городъ отъ села. Нельзя также думать, чтобы ихъ было очень мало, или-же, чтобы они были выстроены незадолго только до прибытія Варяговъ. Въ лѣтописи упоминается о большомъ числѣ городовъ въ небольшой Древлянской землѣ (Ольга, осаждая городъ Искоростень, говорила жителямъ его, что уже всѣ прочіе крѣпкіе города Древлянъ ей покорились, и потому напрасно они противятся и не сдаются ей). Вульфстанъ говоритъ по собственному опыту, что родичи Славянъ Прусы, Литовцы и Латыши имѣли, 890 — 900 г. множество городовъ: „Das Estland (то-есть; восточная Балтійская земля) ist sehr gross, und es sind viele Städte. Dahlmann Forsch, I, 428), а судя по извѣстіямъ древнѣйшихъ лѣтописей о Новгородѣ (городъ Новгородъ платилъ дань князю Владиміру ежегодно 3,000 фунт. серебра), навѣрное можно сказать, что такой большой, многолюдный и богатый городъ, какимъ былъ Новгородъ, не могъ вдругъ, въ одну ночь возникнуть. Если-же Славяне въ VIII и IX столѣтіяхъ имѣли такое множество городовъ и крѣпостей, то отъ чего-же ихъ не могло быть въ III и IV столѣтіяхъ? Кто, скажите, научилъ ихъ строить такъ наскоро

ііе ~~дѣтальные~~ ~~источники~~ упоминають о существованіи въ этихъ странахъ многихъ городовъ, между которыми надо предполагать постоянныя дороги и другія средства сообщенія. Разбросанныя на всемъ сѣверѣ монеты востока доказываютъ древнюю его торговлю, которая требовала торговыхъ мѣстъ и городовъ“ ¹⁰⁾. Даниловичъ, въ 1841 году, въ статьѣ „Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ“, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Кто намъ опредѣлительно укажетъ начало Кіева и прочихъ городовъ восточной Руси. Объ основаніи его умалчиваетъ правдорѣчивый Несторъ, Стрыйковскому никто не повѣритъ. Бытіе Кіева, Новгородъ и Смоленска восходитъ и по Нестору ко временамъ отдаленной, незапамятной древности“ ¹¹⁾. Но не смотря на родившееся сомнѣніе въ справедливости ученія Шлещера, изслѣдователи русской старины не могли примирить мнимыя противорѣчія въ свидѣтельствахъ источниковъ о времени появленія городской жизни у Русскихъ Славянъ, а потому возвращеніе къ воззрѣнію русскихъ ученыхъ XVIII вѣка, по которому города въ предѣлахъ Россіи существовали задолго до призванія Рюрика, не имѣло никакихъ послѣдствій для науки, и 862 годъ продолжали считать нормальнымъ для начала славянскихъ городовъ. Такъ, Даниловичъ, непосредственно за вышесказаннымъ, продолжаетъ: „Строеніе другихъ, меньшихъ городовъ начинается у Нестора съ 862 года. (Несторъ по Кенигсбергскому списку, стрн. 16: „Рюрикъ роздая мужемъ своимъ волости и города рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“). Число сіе принимаю за нормальное для начала славянскихъ городовъ“ ¹²⁾. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же ученый замѣчаетъ: „Правдорѣчивый Несторъ съ 862 года начинаетъ построеніе городовъ Руси“ ¹³⁾. Въ третьемъ „Нигдѣ не являлись города вдругъ и въ одно время. Многія столѣтія выжидали постепеннаго ихъ образованія. По свидѣтельству

¹⁰⁾ Энцикл. Лексиконъ, изд. 1838 г., статья «Города». т. XV, стрн. 15.

¹¹⁾ Русск. Истор. Сбор. 1841 г., т. IV, кн. II, стрн. 165, 166.

¹²⁾ Тамъ-же.

¹³⁾ Тамъ-же, 201.

Горнанда въ половинѣ VI вѣка обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою Славяне, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ мѣстахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ кровожадныхъ враговъ ¹⁴⁾).

Сочиненіемъ, сдѣлавшимъ переворотъ въ понятіяхъ русскихъ ученыхъ о древне-славянской общественной жизни, было „Славянскія древности“ Шафарика. По напечатаніи историческихъ изслѣдованій Шафарика, одинъ изъ главѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи того времени говорилъ своимъ слушателямъ: „Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть, съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Дrevлянахъ, Вятичахъ и Радимицахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самый первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи ~~племеничества~~, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположителемъ исторической критики прошедшаго столѣтія — Шлецеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ „Славянскія древности“ производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Книга его, плодъ трудовъ многолѣтнихъ, дѣлаетъ эпоху въ наукѣ, какую въ свое время сдѣлалъ у насъ Шлецеръ изданіемъ толковаго Нестора, или Карамзинъ сочиненіемъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Шафарикъ принуждаетъ насъ начинать славянскую исторію съ глубочайшей древности...“ ¹⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ, представивъ очеркъ ученія Шафарика, тотъ-же историкъ восклицаетъ: „Вѣрно не находились Русскіе Славяне на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и

¹⁴⁾ Тамъ-же, 170.

¹⁵⁾ Погодинъ, Иссл., Замѣч. и Лек. т. II, стр. 321.

лѣтописца; въ средней полосѣ у Дреговичей, Радимичей и Вятичей не встрѣчается упоминенія о городахъ“ ²¹⁾).

Въ противоположность тому, послѣдователь Шафарика, Егоръ Классень, утверждаетъ: „Руссы и вообще всѣ Славяне имѣли множество городовъ, вели жизнь не только гражданскую, но и политическую. Что Славяне, населявшіе Россію въ 862 году, имѣли множество городовъ, явствуетъ изъ лѣтописей русскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и скандинавскихъ“ ²²⁾).

Школа Шафарика, доказывая существованіе множества городовъ въ предѣлахъ Россіи за долго до времени призванія Варяговъ, не коснулась вопроса о времени и условіяхъ ихъ первоначальнаго образованія. Далѣе ея въ этомъ отношеніи пошли послѣдователи, такъ-называемой, школы общиннаго быта древне-русскихъ Славянъ. Извѣстный представитель этой школы, И. Д. Бѣляевъ, отвергнувъ теорію первоначальнаго разбѣянія славянскаго народонаселенія въ предѣлахъ Россіи и сосредоточенія его въ городахъ со времени Рюрика, высказываетъ слѣдующія мнѣнія о времени первоначальнаго возникновенія городовъ въ Россіи и о его условіяхъ: „Славяне, по своему шаткому, ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыя дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь-бы кто самъ пожелалъ вступить въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россіей; ихъ новостъ поселенія въ незнакомомъ краю, ихъ малочисленность сравнительно съ старожилами-туземцами, невольно вынуждали ихъ прибѣгать къ городскому общинному устройству ихъ жизни, которое одно позволяло сплачиваться въ значительныя массы, въ которыхъ не спрашивалось, кто какого рода и племени, и обезпечивало

²¹⁾ Ист. Россіи. I, стрн. 69, изд. 1866 г. См. еще тамъ-же, стрн. 116; т. XIII, стрн. 4—6, изд. 1863 г.

²²⁾ Нов. Матеріалы для древней Ист. Славяно-Руссовъ до-Рюриковскихъ временъ. Вып. 1, стр. 37—39, изд. 1854 г.

ихъ отъ нападеній туземцевъ, которые, живучи разрозненно, не могли съ успѣхомъ нападать на укрѣпленные города. *И дѣйствительно, Славяне-пришельцы* большею частію такъ и устраивали свою жизнь въ здѣшнемъ краѣ; они *селились преимущественно городами и подлѣ городовъ подлѣ ихъ защитой* и такъ много настроили городовъ въ Русской землѣ, что сосѣди ихъ на сѣверо-западѣ, жители Скандинавіи, нынѣшней Швеціи и Норвегіи, иначе не называли Россію того времени какъ страной городовъ на ихъ языкѣ Гардариккіей“ ²³⁾. Только одно изъ племенъ славянскихъ, по мнѣнію автора, находилось внѣ только что изображенныхъ условій общественнаго быта: „Не такова была жизнь Полянъ“, говоритъ авторъ, „поселившихся на правомъ берегу Днѣпра, въ мѣстности, кажется, никѣмъ не занятой, удаленной отъ иноплеменниковъ; они, по свидѣтельству лѣтописи, долго жили въ родовомъ бытѣ, вразсыпную, по тамошнимъ горамъ и лѣсамъ, каждый съ своимъ родомъ и только уже въ болѣе позднее время, можетъ быть, въ VII столѣтіи по Р. Х., выстроили въ своемъ краю первый городъ Кіевъ, на самомъ берегу Днѣпра. Но, кажется, одни только Поляне пользовались такимъ положеніемъ, которое дозволяло имъ довольно долго оставаться въ родовомъ бытѣ, по крайней мѣрѣ, о нихъ однихъ свидѣлствуетъ лѣтопись“ ²⁴⁾.

Сравнивая приведенныя воззрѣнія ученыхъ историковъ и юристовъ, мы видимъ, что одни изъ нихъ приближаютъ эпоху первоначальнаго образованія русскихъ городовъ ко времени призванія Варяговъ сѣверными Славянскими и Финскими племенами, другіе начинаютъ эту эпоху временемъ изгнанія Варяговъ тѣми-же народами; третьи, не опредѣляя точно времени появленія первыхъ городовъ въ Россіи, утверждаютъ, что въ ея предѣлахъ города существовали во множествѣ за нѣсколько вѣковъ до времени изгнанія или призванія Варяговъ; четвертые, отдаляютъ время перваго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи въ эпоху перво-

²³⁾ Разказы изъ Русск. Ист., кн. I, стрн. 5—7.

²⁴⁾ Тамъ-же, стрн. 7.

начального ихъ занятія Славянами. Каждое изъ этихъ мнѣній, по убѣжденію ихъ авторовъ, основано на прямыхъ свидѣтельствахъ источниковъ и имѣетъ современныхъ послѣдователей между учеными; но, существуя рядомъ, какъ равносильныя, они оставляютъ не рѣшеннымъ для науки вопросъ о времени первоначальнаго появленія городовъ у Русскихъ Славянъ, такъ какъ нѣсколько равносильныхъ, но разногласныхъ рѣшеній такого вопроса, гдѣ можетъ быть только одно рѣшеніе, взаимно игнорируютъ другъ друга. А между тѣмъ точное опредѣленіе эпохи первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи имѣетъ первенствующее значеніе, какъ для историка, такъ и для ученаго юриста: это пунктъ, вокругъ котораго сосредоточивается все историко-юридическое міросозерцаніе даннаго ученаго, въ отношеніи эпохи образованія Русскаго государства; отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса зависятъ основныя воззрѣнія въ отношеніи первоначальныхъ условій образованія Русскаго государства и началъ древне-славянскаго общественнаго быта.

Обращаясь къ вопросу о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи, мы замѣчаемъ ту-же неустойчивость въ воззрѣніяхъ современныхъ ученыхъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, русскіе ученые, не придавая важнаго значенія городамъ въ образованіи и развитіи Русскаго государства, начиная эпоху образованія русскихъ городовъ со времени водворенія варяжскихъ дружинъ въ земляхъ восточныхъ Славянъ, не обращали вниманія и на ихъ количество. Мы привели уже высказанное въ 1838 году мнѣніе М. А. Соловьева о важномъ пробѣлѣ въ нашей ученой литературѣ того времени, именно, недостаткѣ изслѣдованій о количествѣ городовъ, которые исторія застаегъ на Русской землѣ во время перваго образованія нашего народа. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, авторъ насчиталъ до 150 городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью въ предѣлахъ Россіи до XIII вѣка ²⁵⁾. Съ того времени вопросу о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи посвящали труды свои гг. Погодинъ, Неволинъ, Плошинъ.

²⁵⁾ Энцикл. Лексик., т. XV, стрн. 15—17.

скій и Барсовъ. Г. Погодинъ, въ изслѣдованіи о границахъ и количествахъ городовъ первыхъ русскихъ княжествъ, насчитываетъ по лѣтописи до 350 городовъ въ Россіи до монгольскаго опустошенія, то-есть, на 200 городовъ болѣе сравнительно со спискомъ М. А. Соловьева ²⁶⁾. То-же количество городовъ, въ тотъ-же періодъ, встрѣчаемъ въ „Общемъ спискѣ русскихъ городовъ“, составленномъ Неволинымъ ²⁷⁾. Но уже простое сличеніе списковъ, составленныхъ гг. Погодинымъ и Неволинымъ, даетъ болѣе 400 городовъ, упоминаемыхъ лѣтописями въ Россіи до татарскаго нашествія. Въ спискѣ Неволина встрѣчаемъ болѣе 50 городовъ не внесенныхъ въ списокъ г. Погодина; на оборотъ, въ спискахъ г. Погодина встрѣчаемъ до 50 городовъ не внесенныхъ въ списки Неволина. С. М. Соловьевъ, основываясь на указанномъ изслѣдованіи Погодина о количествахъ городовъ первыхъ русскихъ княжествъ, замѣчаетъ: „О количествахъ городовъ въ русскихъ княжествахъ древней Россіи можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ. Въ Киевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Туровскомъ болѣе 10, въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и Землею Вятичей около 70, въ Рязанскомъ около 15, въ Переяславскомъ около 40, въ Суздальскомъ около 20, въ Смоленскомъ около 8, въ Полоцкомъ около 16, въ Новгородскомъ около 15. Слѣдовательно, во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ ²⁸⁾. Но способомъ изчисленія древне-русскихъ городовъ, который указанъ почтеннымъ историкомъ, можно составить не приблизительно вѣрное понятіе о количествахъ городовъ въ древне-русскихъ княжествахъ, а самое невѣрное, потому что лѣтописи наши — не географическія сочиненія, а историческія повѣствованія, въ которыхъ о городахъ упоминается только случайно, при описаніи тѣхъ или другихъ событій, а потому далеко не о всѣхъ.

²⁶⁾ Изслѣд., Замѣч. и Лекціи, т. IV, стрн. 145—336.

²⁷⁾ Полн. Собр. Соч., т. VI, стрн. 36—95.

²⁸⁾ Исторія Россіи, т. III, стрн. 41, изд. 1862 г.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ первомъ томѣ своей „Русской Исторіи“, въ главѣ „Матеріальное состояніе общества въ удѣльный періодъ“, основываясь на томъ-же изслѣдованіи г. Погодина, замѣчаетъ: „Всѣхъ городовъ въ до-татарское время насчитываютъ до 300. Конечно, не всегда можно быть увѣреннымъ въ томъ, что мѣстность, упоминаемая въ лѣтописи, именно городъ, а не село ²⁹⁾“.

Нынѣ г. Барсовъ, въ своихъ „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“, называетъ около 100 городовъ ³⁰⁾ въ Россіи древнѣйшаго періода, поименованныхъ въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и болѣе 200 древнѣйшихъ городовъ, перечисленныхъ въ географическомъ отрывкѣ Воскресенской лѣтописи, но не внесенныхъ въ списки древнѣйшихъ городовъ, составленные гг. Погодинымъ и Невוליнымъ.

Г. Плошинскій, въ изслѣдованіи историческаго развитія городского или средняго состоянія русскаго народа, въ главѣ „Территоріальная система древнихъ городовъ русскихъ“, на всемъ пространствѣ древней Руси, отъ исхода IX столѣтія до конца XV вѣка (862 — 1499 гг.), насчитываетъ только до 350 городовъ ³¹⁾; въ списокѣ Неволіна, въ періодъ между 862 и 1462 годами, показано ихъ болѣе 650.

Г. Хлѣбниковъ, въ сочиненіи „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“, въ главѣ „Города“, между прочимъ говоритъ: „Всѣхъ городовъ по Судебнику Іоанна III считается 63, по Судебнику Іоанна IV — 68, въ 1610 году ихъ было 132“ ³²⁾; въ Книгѣ Большому Чертежу, поновленной въ разрядѣ въ 1627 году, упоминается болѣе 300 городовъ въ Россіи того времени ³³⁾; въ списокѣ Неволіна, въ періодъ между 1462 — 1689 годами показано до

²⁹⁾ Русская Исторія гл. IV, стрн. 257, изд. 1872 г.

³⁰⁾ Географ. Словарь Рус. Зѣмли.

³¹⁾ Городск. Сост. русск. народа, стрн. 9—22.

³²⁾ Стрн. 82.

³³⁾ Кн. Больш. Черт. или Древ. Карта Росс. Госуд. Изданіе Языкова, 1838 г.

450 городовъ. Въ книгахъ разрядныхъ, обнимающихъ періодъ времени отъ 1614 по 1679 г., упоминается болѣе 400 городовъ ³⁴⁾).

Слѣдовательно, и въ вопросѣ о количествѣ древне-русскихъ городовъ, гдѣ произволъ въ заключеніяхъ кажется невозможнымъ, замѣчается между учеными большое разногласіе, доказывающее, что и этотъ вопросъ, подобно вопросу о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, остается нерѣшеннымъ въ нашей ученой литературѣ. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію М. А. Соловьева, „съ опредѣленія количества городовъ историческая критика должна-бы была начать исторію Россіи“.

Наконецъ, обращаясь къ вопросу о значеніи древне-русскаго города въ составѣ политическихъ учрежденій древней Россіи, мы замѣчаемъ, что и объ этомъ предметѣ существуетъ въ наукѣ множество противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній. Шлецеръ объявилъ: „До середины IX столѣтія по Р. Х. на всемъ пространствѣ Русскаго сѣвера не было ни одного города, собственно такъ-называемаго“ ³⁵⁾; но что должно разумѣть подъ городомъ собственно, Шлецеръ не опредѣлилъ.

Ходаковский смотритъ на города русскихъ Славянъ до христіанскаго времени, какъ на храмы, мѣста совершенія языческихъ обрядовъ. „Еще Шлецеръ толковалъ намъ“, говоритъ онъ, „что прежде 860 года въ цѣломъ сѣверѣ русскомъ, на всемъ пространствѣ онаго, не было ни одного города, собственно такъ-называемаго. Извѣстно также, что сѣверная и средняя Европа находилась въ подобномъ состояніи. Слѣдовательно, что тогда знаменовало слово городъ?.. Нашедши едва не при всѣхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Россіи до 989 года, земляные маленькіе городки, замѣтивъ ихъ вездѣ при урочищахъ одноименныхъ съ славянскими божествами, не могу не опредѣлить, что сіи однохарактерные окопы значили въ первой нашей эпохѣ священныя ограды, осѣняемыя рощами или дубравами,—гаями: словомъ они

³⁴⁾ См. Указатель къ Разр. Книг. (именъ географическихъ), стр. 173—266, 1856.

³⁵⁾ Шлецеръ. Несгоръ, т. II, стрн. 52.

были нашими lucus“ ³⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ, у Ходаковского читаемъ: „Въ договорахъ Руси съ Византіей 906, 912, 945 гг. не только Олегъ и Игорь называются свѣтлыми великими князьями, но и тѣ, которые остались въ городахъ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Любечѣ, Полотескѣ, Ростовѣ и прочихъ... Города въ означенныхъ мѣстахъ (то-есть, русскіе города, перечисленные въ договорѣ Олега съ Греками) должно понимать посвященными оградами или рощами, lucus, а свѣтлыхъ князей первосвященниками“ ³⁷⁾. М. П. Погодинъ высказываетъ:

„Города на западѣ съ остатками римской образованности и гражданственности сдѣлались пребываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностію, а наши города были тѣ-же села съ одинаковыми жителями и занятіями и названы городами потому только, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя или для своихъ мужей и воевъ, и огородили. По этой причинѣ они не могли сдѣлаться особливимъ элементомъ государства. Промышленность городская, разумѣется только-относительно удовлетворенія первыхъ потребностей этого рода, оставалась, какъ прежде, занятіемъ поселянъ“) ³⁸⁾.

С. М. Соловьевъ въ древнеславянскихъ городахъ признаетъ „обиталища одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ“, и подобно г. Погодину, видитъ въ нихъ „не иное что, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ“. Не смотря на то, по понятіямъ этого историка, „первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городская жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ: въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе

³⁶⁾ Русск. Ист. Сборн. 1837 г., кн. III, стрн. 51—53.

³⁷⁾ Тамъ-же, 81, 82.

³⁸⁾ Древняя Русск. Ист. до Монгол. ига. т. I стрн. 145 и Изслѣд., Замѣч. и Лекц., т. III, стрн. 504. Въ VII томѣ, въ главѣ «Города и ихъ обитатели», читаемъ: «Всѣ дѣйствія, приписываемыя лѣтописями жителямъ городовъ, обличаютъ въ нихъ военныхъ людей: города наши въ древности были военными посадами, какъ теперь болѣею частію они суть (посады) административныя».

повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала“ ³⁹⁾.

И. Д. Бѣляевъ видитъ въ древне-славянскихъ городахъ обиталища договорной, а не родовой общины: „Славяне, по своему пяткому ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыхъ дозволялось поступать всякому и чужеродцу... Ихъ новостъ поселенія въ краѣ невольно вынуждала ихъ прибѣгать къ городскому, общинному устройству ихъ жизни“ ⁴⁰⁾. „Славянское общество на Руси“, говоритъ г. Бѣляевъ въ другомъ своемъ сочиненіи, „еще задолго до прибытія Варяговъ, состояло уже не изъ однородныхъ элементовъ и утратило характеръ родовой общины на Руси; они нашли здѣсь уже общину договорную“ ⁴¹⁾.

По мнѣнію г. Гильфердинга: „Славянскій городъ не имѣлъ постоянного населенія, то было огороженное, укрѣпленное, но не застроенное жилище домами мѣсто, въ которомъ народъ изъ окрестныхъ деревень или жупа могла собираться въ случаѣ непріятельскаго нашествія; единственные въ „городѣ“ строенія могли быть храмы, съ какими нибудь пристройками, да княжій дворъ и, можетъ быть, дворъ Жупана“ ⁴²⁾.

По мнѣнію г. Макушева, „все народонаселеніе области сосредоточивалось въ деревняхъ и селахъ, центромъ же административнымъ и религіознымъ былъ городъ... городъ въ противоположность деревнѣ означалъ огороженное и укрѣпленное мѣсто. Не имѣя постоянного народонаселенія, города служили для окрестныхъ жителей надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Сюда сходились также для поклоненія и жертвоприношенія богамъ, равно какъ и для общественныхъ дѣлъ. Отъ того въ городѣ не было другихъ построекъ, кромѣ храма и княжескаго двора“ ⁴³⁾.

³⁹⁾ Исторія Россіи, т. I, стрн. 67 и 255.

⁴⁰⁾ Разсказы изъ Русской Исторіи, I, стрн. 6.

⁴¹⁾ Русская Бесѣда, 1856 г., I, стрн. 103—104.

⁴²⁾ Ист. Балт. Слав. гл. LVIII, 151, гл. LXI, 175.

⁴³⁾ Сказ. Иностр. о бытѣ и нрав. Славянъ, ч. II, гл. II, стрн. 112.

И. И. Срезневскій видитъ въ славянскихъ городахъ древнѣйшей эпохи „жилая мѣста, огороженныя стѣнами земляными, деревянными или каменными, жителями ихъ были не одни мирные граждане, а преимущественно воины, военныя дружины“ ⁴⁴⁾).

По мнѣнію г. Корсакова „городъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи, могъ быть такимъ-же терминомъ поселенія, какъ и деревня, съ тѣмъ только различіемъ, что выраженіе: „деревня“ означало матеріалъ построенія, а „городъ“ — способъ обезпеченія окраинъ поселенія, способъ огораживанія поселенія вокругъ. Позднѣйшее значеніе города начинаетъ выясняться въ эпоху утвержденія княжеской власти; въ землѣ Ростовско-Суздальской и въ другихъ областяхъ Руси городъ является въ ту эпоху въ значеніи земскаго, административно-княжескаго военнаго центра“ ⁴⁵⁾).

Наконецъ, г. Антоновичъ смотритъ на древнеславянскіе города, какъ на отдѣльныя юридическія единицы: „какъ отдѣльныя юридическія единицы, города въ южной Руси существовали еще въ до-историческое время“. Понятіе-же отдѣльной юридической единицы авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Городъ представлялъ въ государствѣ отдѣльную юридическую единицу, община городская управлялась особенными правами, отличными отъ правъ, присвоенныхъ другимъ жителямъ края: они составляли отдѣльное сословіе“ ⁴⁶⁾).

Такимъ образомъ, одни изъ ученыхъ признаютъ въ древнеславянскихъ городахъ постоянныя жилая мѣста, другіе — пустыя ограды, населенныя только въ военное время; одни населяютъ ихъ родовыми общинами, другіе — договорными общинами, третьи исключительно военными людьми, четвертые жрецами; одни видятъ въ нихъ исключительно религіозные центры, другіе административныя, третьи земскіе; въ общемъ, — масса противорѣчій и путаница понятій, исключающія возможность примиренія.

Мнѣнія ученыхъ о значеніи древне-русскаго города въ послѣ-

⁴⁴⁾ Записки Импер. Акад. Наукъ. т. II кн. II. Читенія о Древ. Русск. Лѣтоп., стр. 3.

⁴⁵⁾ Мера и Ростовское Княжество, стр. 59 и 60.

⁴⁶⁾ Исслѣд. о городахъ въ Ю.-З. Россіи, 1870 г. стр. 1 и 2.

дующіе періоды русской исторіи также чрезвычайно разногласны ⁴⁷⁾. Какъ на примѣръ, укажемъ на извѣстный споръ о древне-русской общинѣ между двумя учеными, гг. Чичеринымъ и Бѣляевымъ, въ которомъ высказаны самыя несходныя воззрѣнія въ отношеніи значенія городовъ до-Петровскаго періода, начиная съ основнаго вопроса о времени отдѣленія сель отъ городовъ въ территоріальномъ, правительственномъ и общественномъ отношеніяхъ. По убѣжденію г. Бѣляева, „отдѣленіе сель отъ городовъ существовало искони въ законахъ и въ жизни, и въ этомъ случаѣ, новаго въ XVII вѣкѣ ничего не произошло“; по убѣжденію г. Чичерина „стремленіе къ устройству и обособленію городовъ отъ сель выразилось въ первый разъ въ указѣ 1648 года“ ⁴⁸⁾. Въ своихъ воззрѣніяхъ спорящія стороны опирались на прямые свидѣтельства источниковъ, и, не смотря на то, споръ кончился тѣмъ, что каждый ученый остался при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, какъ доказываютъ ихъ позже вышедшія сочиненія.

IV Вотъ какъ запутанно разрѣшены въ современной ученой литературѣ элементарнѣйшіе вопросы исторіи русскаго города. Тоже безконечное разногласіе между учеными видимъ мы и относительно другихъ вопросовъ: политической системы древне-русскихъ городовъ, ихъ устройства, управленія, состава городского населенія, и т. д. Гдѣ-же причина разномыслія ученыхъ изслѣдователей старинны по вопросамъ, недопускающимъ различныхъ рѣшеній? Почему свидѣтельства источниковъ, убѣждающія однихъ

⁴⁷⁾ Для удѣльнаго періода ср. *Соловьева*, Истор. Росс., т. III, гл. I; т. XIII, гл. I; *Погодина* Изслѣд., Замѣч. и Лекц., т. VII, гл. III — V; *Чичерина*, Опыты по Ист. Рус. Пр., стрн. 13, 14, 28—36 и др. *Хлебникова*, О вліян. общест. на орг. госуд., глава III, Общество и Государство, гл. II; *Плошинскаго*, Городек. Сост. русск. народа, періодъ первый; *Антоновича*, Изсл. о городахъ въ Ю.-З. Россіи, стрн. 2 и слѣд.; *Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецк. право въ Польшѣ и Литвѣ, гл. IV стрн. 109 и слѣд.; *Бестужева-Рюмина*, Русская Исторія, гл. IV, стрн. 258; *Костомарова* «Начало единодержавія», Вѣст. Европы, 1870, кн. II, стрн. 27 и слѣд.; кн. 12 стрн. 511; *Сергеевича*, Вѣче и Князь, гл. II, стрн. 25, 26; *Градовскаго*, Ист. Мѣст. управ., I, гл. III; *Горчакова*, О земл. влад. митроп., 144 и слѣд.

⁴⁸⁾ Чичеринъ. Опыты по Ист. Русск. Права, статьи 1 и 2, Русская Бесѣда 1856 г. I. Критическая статья Бѣляева.

ученных въ данномъ положеніи, кажутся неубѣдительными для другихъ? Какъ предупредить себя отъ заблужденій въ пониманіи источниковъ? На этихъ вопросахъ прежде всего должно быть сосредоточено вниманіе изслѣдователя, приступающаго къ ученой разработкѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ, если онъ не желаетъ новыми заблужденіями увеличить массу прежнихъ, если онъ не желаетъ, чтобы трудъ его затерялся въ безднѣ уже существующихъ теорій, если желаетъ внести полезный свѣтъ въ ученую разработку важнаго, но совершенно не разработаннаго наукою угла исторіи нашего права. По нашему убѣжденію, причина существующихъ въ наукѣ недоразумѣній, по вопросамъ изъ исторіи русскаго города, скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что изслѣдователи русской старины неясно сознаютъ, какъ имѣвалось значеніе слова городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка.

Понятія древнихъ писателей, служащихъ въ настоящее время источниками изученія политическаго быта древнихъ народовъ, чрезвычайно разнятся отъ понятій новаго времени, а потому легко ускользаютъ отъ пониманія новѣйшихъ историковъ и ученыхъ юристовъ, или понимаются ими въ измѣненной формѣ. И притомъ, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, тѣмъ болѣе измѣнившихся понятій въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе жертвыхъ словъ въ языкѣ, тѣмъ труднѣе понять истинный смыслъ текста историческихъ памятниковъ этой эпохи, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе возможности для невѣрнаго пониманія точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ, для произвола въ созиданіи теорій древняго общественнаго быта, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности.

„Слова возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ“ ⁴⁹⁾; но выражаемые словами понятія способны къ измѣчивости еще болѣе ⁵⁰⁾. До новѣйшаго времени на указанныя обстоятельства обращалось въ нашей наукѣ слишкомъ ничтожное

⁴⁹⁾ Шлец. Несторъ, I, с. 395.

⁵⁰⁾ «Les mots sont plus durables que les choses qu'ils représentent, ils se respectent, mais pour exprimer des idées nouvelles des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société.» Laurent. Hist. du droit des gens, t. VII, p. 456.

вниманіе. Обыкновенно изслѣдователи общественнаго быта древнихъ народовъ, задавшись тою или другою теоріею, толкуютъ народныя понятія данной эпохи не свободно, безпристрастно, а подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда, въ томъ смыслѣ, какой болѣе подходитъ подъ ихъ теорію, подбирая тѣ мѣста источниковъ, гдѣ данныя слова имѣютъ смыслъ, подходящій подъ требованія предвзятыхъ теорій, и опуская свидѣтельства имъ противорѣчащія. Изслѣдованіе точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ является въ современныхъ историко-юридическихъ сочиненіяхъ только случайнымъ, когда авторъ находитъ это полезнымъ для подтвержденія высказываемыхъ имъ воззрѣній въ отношеніи тѣхъ или другихъ началъ общественнаго быта. Чаше же всего ссылаются на свидѣтельства источниковъ, не провѣряя истиннаго смысла этихъ свидѣтельствъ, придавая имъ значеніе произвольное, или заимствованное изъ языка, современнаго автору ⁵¹⁾).

Изучая историко-юридическіе труды нашихъ ученыхъ, мы пришли къ убѣжденію, что значительнѣйшая часть встрѣчающихся въ нихъ, недоразумѣній, противорѣчій, сомнительныхъ выводовъ, заблужденій, явилась не столько вслѣдствіе недостатка источниковъ къ изученію древняго быта народовъ, сколько вслѣдствіе невѣрнаго пониманія свидѣтельствъ имѣющихся источниковъ, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ современныхъ авторовъ представленій и усвоить понятія древнихъ народовъ. Сказанное нами въ отношеніи древнихъ понятій вообще относится и къ понятію древняго русскаго города. Словомъ городъ въ древне-русскихъ памятникахъ означаются понятія, неимѣющія ничего общаго между собою, но понятіямъ намъ современнымъ, изъ которыхъ каждое получило, съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего языка, особенное названіе. Изслѣдователи русской старины, приступая къ чтенію ис-

⁵¹⁾ Прямѣры см. въ нашей статьѣ «Современное состояніе вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ древней Руси», помѣщ. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1869 г. Кн. XI, стр. 40—105, XII, стр. 217—248. Еще въ прошедшемъ столѣтіи знаменитый Монгескье замѣтилъ: «Transporter dans des siècles reculés toutes les idées du siècle où l'on vit c'est des sources de l'erreur celle qui est la plus féconde». Esprit des lois. Livr. XXX c. XIV p. 510 (Paris, 1860).

торическихъ памятниковъ съ новыми понятіями о городѣ и встрѣчая въ источникахъ тѣ или другія свидѣтельства о городахъ древне-русскихъ, смотрятъ на послѣдніе съ точки зрѣнія новыхъ понятій о городѣ и тѣмъ искажаютъ, помимо воли своей, истинный смыслъ древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, а сами впадаютъ въ заблужденія. Накопленіе рождающихся отсюда противорѣчій и ошибокъ, со временемъ дѣлающихся очевидными, заставляетъ послѣдующихъ ученыхъ обратиться къ логическому анализу историческихъ свидѣтельствъ и тогда оказывается, что прежде построенныя теоріи покоятся на мнимыхъ основаніяхъ, потому что ихъ авторы придавали даннымъ словамъ, въ данныхъ свидѣтельствахъ историческихъ источниковъ, смыслъ языка современнаго автору, но не языка его предковъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ доказательство несуществованія городовъ у русскихъ славянъ въ VI вѣкѣ обыкновенно ссылались и ссылаются на Іорнанда, будто бы, свидѣтельствующаго, что въ его время „Славяне, обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою и далѣе на сѣверо-востокъ, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ враговъ ⁵²⁾“. Вотъ свидѣтельство Іорнанда: „*Slavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ ⁵³⁾. Но говорить-ли Іорнандъ приведенными словами, что Славяне еще въ половинѣ VI вѣка не имѣли городовъ? Совсѣмъ нѣтъ, онъ говоритъ только: *болота и лѣса служатъ Славянамъ вмѣсто городовъ*, въ смыслѣ укрѣпленій, крѣпостей, то есть, что характеръ страны Славянъ защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ нападений. Это не препятствовало Славянамъ жить не въ болотахъ и лѣсахъ, а въ городахъ, изъ которыхъ одинъ Іорнандъ именуетъ въ приведенномъ же мѣстѣ. Слова: „*hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ относятся къ характеру страны славянской, а не къ характе-

⁵²⁾ См. выше.

⁵³⁾ De Reb. Get. cap. 5; у Шафарика, Слав. Древн. т. II, кн. III, Приложенія, стр. 31, изд. 1848 г.

ру ихъ жизни. Латинское слово *civitas* ⁵⁴⁾, какъ греческое *polis* ⁵⁵⁾ и славянское градъ, городъ ⁵⁶⁾, между различными значеніями, имѣло значеніе крѣпости, укрѣпленій, обороняющихъ народъ отъ непріятельскихъ нападеній, и въ приведенномъ мѣстѣ употреблено Іорнандомъ въ этомъ смыслѣ. Слѣдовательно, слова „*hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ нисколько не противорѣчаютъ свидѣтельствамъ о существованіи у Славянъ многихъ городовъ въ отдаленнѣйшія времена, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и важнѣйшій аргументъ, служившій въ пользу теоріи не существованія городовъ у Русскихъ Славянъ—свидѣтельство современника.

Г. Плошинскій, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописи Нестора: „возсташа Славяне, и Кривици, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани и начаша сами себѣ владѣти и города ставити“ ⁵⁷⁾, относитъ начало строенія первыхъ городовъ Руси ко времени изгнанія Варяговъ съверными Славянами и Финскими племенами (Даниловичъ, основываясь на свидѣтельствѣ той же лѣтописи Нестора: „Рюрикъ, роздая волости мужамъ своимъ и города рубити овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро ⁵⁸⁾“, эпоху призванія Варяговъ призналъ за нормальную для начала Славянскихъ городовъ въ Россіи ⁵⁹⁾. Но если возможно, для доказательства этой мысли, основываться на выраженіяхъ лѣтописи Нестора: „изгнаша Варяги за море и начаша города ставити“ или „Рюрикъ“ роздая волости мужемъ своимъ и „города рубити“, то съ одинаковымъ правомъ возможно начать эпоху образованія городовъ въ Россіи съ княженія Олега, или Владиміра, или Ярослава, потому что, подъ 882 годомъ той же лѣтописи, сказано: се же *Олегъ нача города ставити*“, подъ 988 годомъ: „*Владиміръ нача ставити города*“, подъ 1032 годомъ: „*Ярославъ нача ставити города*“ и

⁵⁴⁾ Шафарикъ, Слав. Древ. Т. I, кн. II, стр. 418.

⁵⁵⁾ Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde, t. 1, p. 316, 317.

⁵⁶⁾ Невелинъ, Полн. Собр. соч., т. VI, стр. 27.

⁵⁷⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт. Т. IV, стр. 173.

⁵⁸⁾ Тамъ же, т. I стр. 9, варианты.

⁵⁹⁾ Плошинскій. Город. сост. русс. нар. стр. 9. Даниловичъ. Рус. Ист. Собр. Т. IV, кн. II, стр. 116.

т. д. ⁶⁰⁾. Въ приводимыхъ извѣстіяхъ Нестора, подѣ словами: „ставить города“ и „рубить города“, должно разумѣть построеніе городовъ не въ новомъ значеніи этого слова, а въ одномъ изъ древнихъ значеній, именно, въ значеніи укрѣпленій, городскихъ стѣнъ, крѣпостей, которыя могли быть вновь возводимы, или только подновляемы, или расширяемы по изгнаніи или призваніи Варяговъ, въ городахъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, существовавшихъ издавна. Основываясь на извѣстіи Кенигсбергскаго списка: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ и города рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, г. Даниловичъ, а за нимъ и г. Соловьевъ ⁶¹⁾ не обратили вниманія на свидѣтельства всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора, и между ними самого Кенигсбергскаго, слѣдующее тотчасъ послѣ приведеннаго свидѣтельства, подѣ тѣмъ же 862 годомъ: „и по тѣмъ городамъ находницы суть Варязи, а первыи насельницы въ Новгородѣ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Веси въ Муромѣ Мурома и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ“ ⁶²⁾. Слѣдовательно, Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ существовали до призванія Рюрика, а приказаніе Рюрика „города рубити“ означало только новую постройку или подновленіе укрѣпленій въ этихъ городахъ.

Г. Хлѣбниковъ, на основаніи описи городамъ, вѣдавшимся въ разрядѣ въ 1668 году (и вѣроятно полуофициальнаго документа, составленнаго въ Москвѣ между 1610—1613 годами), дѣлаетъ выводъ, будто-бы въ 1610 году въ Россіи было только 138 городовъ, да и тѣ представляли собою военныя острожки, съ крестьянскимъ населеніемъ, въ которыхъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не было посадскихъ торговыхъ ⁶³⁾. Но въ приложеніи къ XIII тому

⁶⁰⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 10, 52, 65.

⁶¹⁾ Ист. Рос., т. I, стр. 116.

⁶²⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁶³⁾ О вліяніи общ. на организ. госуд., стр. 82: «Въ 1610 году городовъ въ Россіи было 138. Но все это были военныя острожки, въ которыхъ не было посадскихъ и въ XVII столѣтіи (Соловьевъ, т. XIII, прилож.), или города съ крестьянскимъ населеніемъ, въ которыхъ почти не было посадскихъ торговыхъ». Авторъ не указалъ источника, откуда онъ заимствовалъ число 138.

„Исторіи Россіи“ г. Соловьева, на которое ссылается г. Хлѣбниковъ, помѣщена опись городамъ Россіи XVII вѣка, вѣдавшимся въ разрядѣ; въ разрядномъ же приказѣ, въ XVII столѣтіи, вѣдались не воѣ города Россіи, а только тѣ, которые служили военно-административными центрами приписанныхъ къ нимъ округовъ-уѣздовъ. Въ каждомъ изъ городовъ, въ смыслѣ военно-административныхъ округовъ, носившихъ названіе центрального пункта, въ которомъ жилъ воевода, могло состоять по нѣскольку городовъ, какъ центровъ низшихъ административныхъ дѣлений и центровъ мѣстной промышленности, которые не были вносимы въ разрядныя росписи ⁶⁴⁾.

Сохранившіеся акты XVII столѣтія называютъ болѣе 400 городовъ въ Россіи того времени ⁶⁵⁾. Въ смыслѣ городовъ, уѣздовъ, округовъ должно понимать и списокъ русскихъ городовъ, составленный для Владислава и Сигизмунда въ началѣ XVII столѣтія. ⁶⁶⁾ Ошибается г. Хлѣбниковъ и въ своемъ воззрѣніи, по которому тѣ города Россіи XVII вѣка, въ которыхъ не было посадскихъ торговыхъ людей, были населены крестьянами. Дѣйствительно, изъ вышеупомянутого документа, напечатаннаго г. Соловьевымъ, и изъ другихъ подобныхъ актовъ видно, что въ XVII вѣкѣ существовало въ Россіи много городовъ, въ которыхъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не было посадскихъ торговыхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти города были заселены крестьянами. Изъ тѣхъ же актовъ открывается, что подобные города были

городовъ, будто-бы, исчерпывавшее собою число городовъ Россіи въ 1610 году; извѣстенъ только одинъ актъ, указанный нами въ текстѣ съ числомъ городовъ указаннымъ авторомъ, и относящійся къ началу втораго десятилѣтія XVII стол. Акты Ист. т. II, № 355.

⁶⁴⁾ Котошихинъ. О Россіи въ царст. Алек. Мих., изд. 1840 г., стр. 69. «Разрядный приказъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ всякія воинскія дѣла, и города строеніемъ и крѣпостями и починкою и ружьемъ и служилыми людьми, также вѣдомы бояре... и куды кого лучиться послати на службу, въ войну и въ воеводства въ города».

⁶⁵⁾ Справ. Кн. Вольш. Чертежу. Изд. 1838; Полн. собр. ооч. Невомина, т. VI, стр. 36—95; Росписи г. родамъ, помѣщ. въ разряд. Книг. XVII столѣтія. Изд. 1853 года. Акты археогр. экспед., т. IV, стр. 345—351, № 250 и др.

⁶⁶⁾ Это замѣтилъ уже г. Лохницкій въ сочиненіи своемъ «Губернія», стр. 33.

заселены лицами не крестьянского, а дворянского сословія, служилыми людьми, а въ этомъ громаднѣя разница: въ первомъ случаѣ эти города ничѣмъ не отличались бы отъ селъ, а во второмъ они являются особеннымъ элементомъ въ государствѣ, и потому должны обратить на себя серьезное вниманіе науки.

Относительно новѣйшаго значенія русскаго города знаменитый нашъ юристъ-теоретикъ, Неволинъ, высказываетъ слѣдующее воззрѣніе: „Русскіе города *нынѣ* перестали быть мѣстомъ жительства однихъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ; они сдѣлались средоточіемъ духовной и вещественной жизни въ государствѣ, сдѣлались мѣстомъ жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ людей въ государствѣ. Съ этой, между прочимъ, точки зрѣнія они рассматриваются и въ Городовомъ положеніи Императрицы Екатерины II ⁶⁷⁾. Но развѣ русскіе города были когда либо мѣстами жительства однихъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ? Русскіе города никогда не были поселеніями, предназначенными исключительно для жизни и дѣятельности третьяго сословія; они всегда были мѣстами жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ государствѣ, средоточіями духовной и вещественной жизни всего общества, имѣли не сословное, а земское значеніе. Условія историческаго развитія общественной жизни народовъ на западѣ Европы привели къ тому, что у нихъ городомъ стало называться мѣщанское поселеніе, отдѣленное своими привилегіями отъ поселеній сельскихъ, а горожанами обитатели этихъ поселеній, принадлежащіе къ промышленнымъ классамъ, надѣленные въ противоположность остальнымъ классамъ общества, особыми правами, и тѣмъ, выдѣленные въ сословную, исключительную корпорацію. На востокѣ Европы, въ Великороссіи, такой противоположности между городскими поселеніями и сельскими, съ одной стороны, и между городскими обитателями и сельскими, съ другой, никогда не было. Мѣста, предназначенныя исключительно для жизни и дѣятельности торговаго и ремесленнаго классовъ,

⁶⁷⁾ Неволинъ, Полн. Собр. Соч., т. VI, стр. 29.

для лицъ, принадлежащихъ къ „городскому сословію,“ въ западно-европейскомъ смыслѣ, назывались въ древней Россіи не городами, а посадами, и это названіе, остается за поселеніями мѣщанскими, исключительными центрами промышленности, и по законодательству новаго времени, какъ-то видно изъ Высочайше утвержденнаго 10-го августа 1807 года доклада министра внутреннихъ дѣлъ о выгонной землѣ для посадовъ. Въ этомъ докладѣ выражено, что „различіе между посадами и городами, кромѣ образа ихъ управленія, состоитъ въ томъ, что между городскими обывателями считаются не одни торговые, но и другихъ состояній люди, посады же въ существѣ своемъ состоятъ изъ однихъ людей, записанныхъ въ купеческое и мѣщанское званіе“ ⁶⁸). Западно-европейское понятіе о городѣ, какъ исключительномъ „пристанищѣ торго и руководѣлій“, при перенесеніи своемъ на русскіе города законодательствомъ XVIII столѣтія, встрѣтивъ сопротивленіе исторически сложившихся и неизвѣстныхъ западу Европы условій историческаго развитія русскихъ городовъ, осталось теоретическимъ началомъ въ манифестѣ, данномъ Императрицею Екатериною II по поводу изданія ею Городоваго Положенія 21-го апрѣля 1785 года, и не получило развитія ни въ жизни, ни въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра I и Екатерины II не лишало древне-русскіе города земскаго значенія, и не только тѣ изъ нихъ, за которыми оставлено значеніе центровъ мѣстной администраціи (города губернскіе или областные и уѣздные), но и тѣ, у которыхъ отнято это значеніе (города заштатные).

Приложеніе западно-европейскаго понятія о городѣ, какъ мѣщанскомъ поселеніи, къ русскому городу и явившееся отсюда смѣшеніе понятій о городѣ съ понятіемъ о посадѣ повело къ неопредѣленности и путаницѣ постановленій, характеризующихъ собою законодательство о городахъ и городскихъ обывателяхъ Екатерины II. Тоже явленіе замѣчается и въ воззрѣніяхъ ученыхъ на значеніе древне-русскаго города. Имѣя въ виду городское поло-

⁶⁸) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22587.

ученыхъ въ данномъ положеніи, кажутся необудительными для другихъ? Какъ предупредить себя отъ заблужденій въ пониманіи источниковъ? На этихъ вопросахъ прежде всего должно быть сосредоточено вниманіе изслѣдователя, приступающаго къ ученой разработкѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ, если онъ не желаетъ новыми заблужденіями увеличить массу прежнихъ, если онъ не желаетъ, чтобы трудъ его затерялся въ безднѣ уже существующихъ теорій, если желаетъ внести полезный свѣтъ въ ученую разработку важнаго, но совершенно не разработаннаго наукою угла исторіи нашего права. По нашему убѣжденію, причина существующихъ въ наукѣ недоразумѣній, по вопросамъ изъ исторіи русскаго города, скрывается, главнымъ образомъ, въ томъ, что изслѣдователи русской старины неясно сознаютъ, какъ имѣнялось значеніе слова городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка.

Понятія древнихъ писателей, служащихъ въ настоящее время источниками изученія политическаго быта древнихъ народовъ, чрезвычайно разнятся отъ понятій новаго времени, а потому легко ускользаютъ отъ пониманія новѣйшихъ историковъ и ученыхъ юристовъ, или понимаются ими въ измѣненной формѣ. И притомъ, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, тѣмъ болѣе измѣнившихся понятій въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе мертвыхъ словъ въ языкѣ, тѣмъ труднѣе понять истинный смыслъ текста историческихъ памятниковъ этой эпохи, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе возможности для невѣрнаго пониманія точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ, для произвола въ созиданіи теорій древняго общественнаго быта, не соответствующихъ дѣйствительности.

„Слова возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ“ ⁴⁹⁾; но выражаемыя словами понятія способны къ измѣчивости еще болѣе ⁵⁰⁾. До новѣйшаго времени на указанные обстоятельства обращалось въ нашей наукѣ слишкомъ ничтожное

⁴⁹⁾ Шлец. Несторъ, I, с. 395.

⁵⁰⁾ «Les mots sont plus durables que les choses qu'ils représentent, ils se perpétuent, mais pour exprimer des idées nouvelles des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société.» Laurent. Hist. du droit des gens, t. VII, p. 456.

вниманіе. Обыкновенно изслѣдователи общественнаго быта древнихъ народовъ, задавшись тою или другою теоріею, толкуютъ народныя понятія данной эпохи не свободно, безпристрастно, а подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда, въ томъ смыслѣ, какой болѣе подходитъ подъ ихъ теорію, подбирая тѣ мѣста источниковъ, гдѣ данныя слова имѣютъ смыслъ, подходящій подъ требованія предвзятыхъ теорій, и опуская свидетельства имъ противорѣчащія. Изслѣдованіе точнаго смысла историческихъ свидетельствъ является въ современныхъ историко-юридическихъ сочиненіяхъ только случайнымъ, когда авторъ находитъ это полезнымъ для подкрѣпленія высказываемыхъ имъ воззрѣній въ отношеніи тѣхъ или другихъ началъ общественнаго быта. Чаше же всего ссылаются на свидетельства источниковъ, не провѣряя истиннаго смысла этихъ свидетельствъ, придавая имъ значеніе произвольное, или заимствованное изъ языка, современнаго автору ⁵¹⁾.

Изучая историко-юридическіе труды нашихъ ученыхъ, мы пришли къ убѣжденію, что значительнѣйшая часть встрѣчающихся въ нихъ, недоразумѣній, противорѣчій, сомнительныхъ выводовъ, заблужденій, явилась не столько вслѣдствіе недостатка источниковъ къ изученію древняго быта народовъ, сколько вслѣдствіе невѣрнаго пониманія свидетельствъ имѣющихся источниковъ, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ современныхъ авторамъ представленій и усвоить понятія древнихъ народовъ. Сказанное нами въ отношеніи древнихъ понятій вообще относится и къ понятію древняго русскаго города. Словомъ городъ въ древне-русскихъ памятникахъ означаются понятія, неимѣющія ничего общаго между собою, по понятіямъ намъ современнымъ. Изъ которыхъ каждое получило, съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашего языка, особенное названіе. Изслѣдователи русской старины, приступая къ чтенію ис-

⁵¹⁾ Примѣры см. въ нашей статьѣ «Современное состояніе вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ древней Руси», помѣщ. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1869 г. Кн. XI, стр. 40—105, XII, стр. 217—248. Еще въ прошедшемъ столѣтіи знаменитый Монтеスキє замѣтилъ: «Transporter dans des siècles reculés toutes les idées du siècle où l'on vit c'est des sources de l'erreur celle qui est la plus féconde». Esprit des. lois. Livr. XXX c. XIV p. 510 (Paris, 1860).

торическихъ памятниковъ съ новыми понятіями о городѣ и встрѣчая въ источникахъ тѣ или другія свидѣтельства о городахъ древне-русскихъ, смотрятъ на послѣдніе съ точки зрѣнія новыхъ понятій о городѣ и тѣмъ искажаютъ, помимо воли своей, истинный смыслъ древнихъ историческихъ свидѣтельствъ, а сами впадаютъ въ заблужденія. Накопленіе рождающихся отсюда противорѣчій и ошибокъ, со временемъ дѣлающихся очевидными, заставляетъ послѣдующихъ ученыхъ обратиться къ логическому анализу историческихъ свидѣтельствъ и тогда оказывается, что прежде построенныя теоріи покоятся на мнимыхъ основаніяхъ, потому что ихъ авторы придавали даннымъ словамъ, въ данныхъ свидѣтельствахъ историческихъ источниковъ, смыслъ языка современнаго автору, но не языка его предковъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ доказательство несуществованія городовъ у русскихъ славянъ въ VI вѣкѣ обыкновенно ссылались и ссылаются на Іорнанда, будто бы, свидѣтельствующаго, что въ его время „Славяне, обитавшіе между Днѣстромъ и Вислою и далѣе на сѣверо-востокъ, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ враговъ ⁵²⁾. Вотъ свидѣтельство Іорнанда: „*Slavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus, commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ ⁵³⁾. Но говорить-ли Іорнандъ приведенными словами, что Славяне еще въ половинѣ VI вѣка не имѣли городовъ? Совсѣмъ нѣтъ, онъ говоритъ только: *болота и лѣса служатъ Славянамъ вмѣсто городовъ*, въ смыслѣ укрѣпленій, крѣпостей, то есть, что характеръ страны Славянъ защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ нападеній. Это не препятствовало Славянамъ жить не въ болотахъ и лѣсахъ, а въ городахъ, изъ которыхъ одинъ Іорнандъ именуетъ въ приведенномъ же мѣстѣ. Слова: „*hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ относятся къ характеру страны славянской, а не къ характе-

⁵²⁾ См. выше.

⁵³⁾ De Reb. Get. cap. 5; у Шафарика, Слав. Древн. т. II, кн. III, Приложенія, стр. 31, изд. 1848 г.

ру ихъ жизни. Латинское слово *civitas* ⁵⁴⁾, какъ греческое *polis* ⁵⁵⁾ и славянское градъ, городъ ⁵⁶⁾, между различными значеніями, имѣло значеніе крѣпости, укрѣпленій, обороняющихъ народъ отъ непріятельскихъ нападеній, и въ приведенномъ мѣстѣ употреблено Іорнандомъ въ этомъ смыслѣ. Слѣдовательно, слова „*hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“ нисколько не противорѣчатъ свидѣтельствамъ о существованіи у Славянъ многихъ городовъ въ отдаленнѣйшія времена, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и важнѣйшій аргументъ, служившій въ пользу теоріи не существованія городовъ у Русскихъ Славянъ—свидѣтельство современника.

Г. Плошинскій, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописи Нестора: „возсташа Славяне, и Кривици, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани и начаша сами себѣ владѣти и города ставити“ ⁵⁷⁾, относитъ начало строенія первыхъ городовъ Руси ко времени изгнанія Варяговъ сѣверными Славянами и Финскими племенами (Даниловичъ, основываясь на свидѣтельствѣ той же лѣтописи Нестора: „Рюрикъ, роздая волости мужамъ своимъ и города рубити овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро ⁵⁸⁾“, эпоху призванія Варяговъ призналъ за нормальную для начала Славянскихъ городовъ въ Россіи ⁵⁹⁾. Но если возможно, для доказательства этой мысли, основываться на выраженіяхъ лѣтописи Нестора: „изгнаша Варяги за море и начаша города ставити“ или „Рюрикъ“ роздая волости мужемъ своимъ и „города рубити“, то съ одинаковымъ правомъ возможно начать эпоху образованія городовъ въ Россіи съ княженія Олега, или Владиміра, или Ярослава, потому что, подъ 882 годомъ той же лѣтописи, сказано: се же *Олегъ нача города ставити*,“ подъ 988 годомъ: „*Владиміръ нача ставити города*“, подъ 1032 годомъ: „*Ярославъ нача ставити города*“ и

⁵⁴⁾ Шафарикъ, Слав. Древ. Т. I, кн. II, стр. 418.

⁵⁵⁾ Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde, t. 1, p. 316, 317.

⁵⁶⁾ Неволинъ, Полн. Собр. соч., т. VI, стр. 27.

⁵⁷⁾ Полн. Собр. Русс. Лѣт. Т. IV, стр. 173.

⁵⁸⁾ Тамъ же, т. I стр. 9, варианты.

⁵⁹⁾ Плошинскій. Город. сост. русс. нар. стр. 9. Даниловичъ. Рус. Ист. Сбор. т. IV, кн. II, стр. 116.

т. д. ⁶⁰⁾. Въ приводимыхъ извѣстіяхъ Нестора, подъ словами: „ставить города“ и „рубить города“, должно разумѣть построеніе городовъ не въ новомъ значеніи этого слова, а въ одномъ изъ древнихъ значеній, именно, въ значеніи укрѣпленій, городскихъ стѣнъ, крѣпостей, которыя могли быть вновь возводимы, или только подновляемы, или расширяемы по изгнаніи или призваніи Варяговъ, въ городахъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, существовавшихъ издавна. Основываясь на извѣстіи Кенигсбергскаго списка: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ и города рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, г. Даниловичъ, а за нимъ и г. Соловьевъ ⁶¹⁾ не обратили вниманія на свидѣтельство всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора, и между ними самого Кенигсбергскаго, слѣдующее тотчасъ послѣ приведеннаго свидѣтельства, подъ тѣмъ же 862 годомъ: „и по тѣмъ городамъ находницы суть Варязи, а первыи насельницы въ Новгородѣ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Веси въ Муромѣ Мурома и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ“ ⁶²⁾. Слѣдовательно, Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ существовали до призванія Рюрика, а приказаніе Рюрика „города рубити“ означало только новую постройку или подновленіе укрѣпленій въ этихъ городахъ.

Г. Хлѣбниковъ, на основаніи описи городамъ, вѣдавшимся въ разрядѣ въ 1668 году (и вѣроятно полуофициальнаго документа, составленнаго въ Москвѣ между 1610—1613 годами), дѣлаетъ выводъ, будто-бы въ 1610 году въ Россіи было только 138 городовъ, да и тѣ представляли собою военные острожки, съ крестьянскимъ населеніемъ, въ которыхъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не было посадскихъ торговыхъ ⁶³⁾. Но въ приложеніи къ XIII тому

⁶⁰⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 10, 52, 65.

⁶¹⁾ Ист. Рос., т. I, стр. 116.

⁶²⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁶³⁾ О вліяніи общ. на организа. госуд., стр. 82: «Въ 1610 году городовъ въ Россіи было 138. Но все это были военные острожки, въ которыхъ не было посадскихъ и въ XVII столѣтіи (Соловьевъ, т. XIII, прилож.), или города съ крестьянскимъ населеніемъ, въ которыхъ почти не было посадскихъ торговыхъ». Авторъ не указалъ источника, откуда онъ заимствовалъ число 138

„Исторіи Россіи“ г. Соловьева, на которое ссылается г. Хлѣбниковъ, помѣщена опись городамъ Россіи XVII вѣка, вѣдавшимся въ разрядѣ; въ разрядномъ же приказѣ, въ XVII столѣтіи, вѣдались не все города Россіи, а только тѣ, которые служили военно-административными центрами приписанныхъ къ нимъ округовъ-уѣздовъ. Въ каждомъ изъ городовъ, въ смыслѣ военно-административныхъ округовъ, носившихъ названіе центрального пункта, въ которомъ жилъ воевода, могло состоять по нѣскольку городовъ, какъ центровъ низшихъ, административныхъ дѣлений и центровъ мѣстной промышленности, которые не были вносимы въ разрядныя росписи⁶⁴⁾.

Сохранившіеся акты XVII столѣтія называютъ болѣе 400 городовъ въ Россіи того времени⁶⁵⁾. Въ смыслѣ городовъ, уѣздовъ, округовъ должно понимать и списокъ русскихъ городовъ, составленный для Владислава и Сигизмунда въ началѣ XVII столѣтія.⁶⁶⁾ Ошибается г. Хлѣбниковъ и въ своемъ воззрѣніи, по которому тѣ города Россіи XVII вѣка, въ которыхъ не было посадскихъ торговыхъ людей, были населены крестьянами. Дѣйствительно, изъ вышеупомянутого документа, напечатаннаго г. Соловьевымъ, и изъ другихъ подобныхъ актовъ видно, что въ XVII вѣкѣ существовало въ Россіи много городовъ, въ которыхъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не было посадскихъ торговыхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти города были заселены крестьянами. Изъ тѣхъ же актовъ открывается, что подобные города были

городовъ, будто-бы, исчерпывавшее собою число городовъ Россіи въ 1610 году; извѣстенъ только одинъ актъ, указанный нами въ текстѣ съ числомъ городовъ указаннымъ авторомъ, и относящійся къ началу втораго десятилѣтія XVII стол. Акты Ист. т. II, № 355.

⁶⁴⁾ Котошихинъ. О Россіи въ царст. Алек. Мих., изд. 1840 г., стр. 69. «Разрядный приказъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ всякія воинскія дѣла, и города строеніемъ и крѣпостями и починкою и ружьемъ и служилыми людьми, также вѣдомы бояре... и куды кого лучиться послати на службу, въ войну и въ воеводства въ города».

⁶⁵⁾ Справ. Кн. Вольш. Чертежу. Изд. 1838; Полн. собр. соч. Невомина, т. VI, стр. 36—95; Росписи г. родамъ, помѣщ. въ разряд. Книг. XVII столѣтія. Изд. 1853 года. Акты археогр. экспед., т. IV, стр. 345—351, № 250 и др.

⁶⁶⁾ Это замѣтилъ уже г. Дюхницкій въ сочиненіи своемъ «Губернія», стр. 33.

заселены лицами не крестьянскаго, а дворянскаго сословія; служилыми людьми, а въ этомъ громаднѣя разница: въ первомъ случаѣ эти города ничѣмъ не отличались бы отъ селъ, а во второмъ они являются особеннымъ элементомъ въ государствѣ, и потому должны обратить на себя серьезное вниманіе науки.

Относительно новѣйшаго значенія русскаго города знаменитый нашъ юристъ-теоретикъ, Неволинъ, высказываетъ слѣдующее воззрѣніе: „Русскіе города *нынѣ* перестали быть мѣстомъ жительства однихъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ; они сдѣлались средоточіемъ духовной и вещественной жизни въ государствѣ, сдѣлались мѣстомъ жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ людей въ государствѣ. Съ этой, между прочимъ, точки зрѣнія они разсматриваются и въ Городовомъ положеніи Императрицы Екатерины II ⁶⁷⁾. Но развѣ русскіе города были когда либо мѣстами жительства однихъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ? Русскіе города никогда не были поселеніями, предназначенными исключительно для жизни и дѣятельности третьяго сословія; они всегда были мѣстами жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ государствѣ, средоточіями духовной и вещественной жизни всего общества, имѣли не сословное, а земское значеніе. Условія историческаго развитія общественной жизни народовъ на западѣ Европы привели къ тому, что у нихъ городомъ стало называться мѣщанское поселеніе, отдѣленное своими привилегіями отъ поселеній сельскихъ, а горожанами обитатели этихъ поселеній, принадлежащіе къ промышленнымъ классамъ, надѣленные въ противоположность остальнымъ классамъ общества, особенными правами, и тѣмъ, выдѣленные въ сословную, исключительную корпорацію. На востокѣ Европы, въ Великороссіи, такой противоположности между городскими поселеніями и сельскими, съ одной стороны, и между городскими обитателями и сельскими, съ другой, никогда не было. Мѣста, предназначенныя исключительно для жизни и дѣятельности торговаго и ремесленнаго классовъ,

⁶⁷⁾ Неволинъ, Позв. Собр. Соч., т. VI, стр. 29.

для лицъ, принадлежащихъ къ „городскому сословію“, въ западно-европейскомъ смыслѣ, назывались въ древней Россіи не городами, а посадами, и это названіе, остается за поселеніями мѣщанскими, исключительными центрами промышленности, и по законодательству новаго времени, какъ-то видно изъ Высочайше утвержденнаго 10-го августа 1807 года доклада министра внутреннихъ дѣлъ о выгонной землѣ для посадовъ. Въ этомъ докладѣ выражено, что „различіе между посадами и городами, кромѣ образа ихъ управленія, состоитъ въ томъ, что между городскими обывателями считаются не одни торговые, но и другихъ состояній люди, посады же въ существѣ своемъ состоятъ изъ однихъ людей, записанныхъ въ купеческое и мѣщанское званіе“ ⁶⁸⁾. Западно-европейское понятіе о городѣ, какъ исключительномъ „пристанницѣ торга и руководѣлій“, при перенесеніи своемъ на русскіе города законодательствомъ XVIII столѣтія, встрѣтивъ сопротивленіе исторически сложившихся и неизвѣстныхъ западу Европы условій историческаго развитія русскихъ городовъ, осталось теоретическимъ началомъ въ манифестѣ, данномъ Императрицею Екатериною II по поводу изданія ею Городоваго Положенія 21-го апрѣля 1785 года, и не получило развитія ни въ жизни, ни въ самомъ законодательствѣ. Законодательство Петра I и Екатерины II не лишило древне-русскіе города земскаго значенія, и не только тѣ изъ нихъ, за которыми оставлено значеніе центровъ мѣстной администраціи (города губернскіе или областные и уѣздные), но и тѣ, у которыхъ отнято это значеніе (города заштатные).

Приложеніе западно-европейскаго понятія о городѣ, какъ мѣщанскомъ поселеніи, къ русскому городу и явившееся отсюда смѣшеніе понятій о городѣ съ понятіемъ о посадѣ повело къ неопредѣленности и путаницѣ постановленій, характеризующихъ собою законодательство о городахъ и городскихъ обывателяхъ Екатерины II. Тоже явленіе замѣчается и въ воззрѣніяхъ ученыхъ на значеніе древне-русскаго города. Имѣя въ виду городовое поло-

⁶⁸⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22587.

женіе Еватерны II, и подобно ему, не отдѣляя понятія о городѣ, какъ центрѣ промышленномъ отъ понятія о городѣ какъ центрѣ административномъ, изслѣдователи русской старины смотрятъ на древне-русскіе города съ точки зрѣнія городского подожженія. Отсюда является смѣшеніе историческихъ извѣстій о городахъ съ извѣстіями о посадахъ, тогда какъ древне-русскій городъ и древне-русскій посадъ представляютъ собою два совершенно различные предмета. Древне-русскій городъ, включая въ себя посадъ, какъ свою составную часть, въ этомъ составномъ понятіи, имѣлъ тройное значеніе: военное, административное и промышленное, и въ силу этого тройкаго значенія, былъ населенъ лицами, принадлежавшими къ высшимъ, благороднѣйшимъ, образованнѣйшимъ и богатѣйшимъ классамъ государственнаго народонаселенія, былъ средоточіемъ духовной, вещественной и политической жизни общества. Въ качествѣ военно-гражданскаго административнаго центра городъ населяли лица, принадлежащіе къ высшему, служилому сословію, военные и приказные люди, въ качествѣ промышленнаго центра, его населяли торговые и ремесленные люди. Управление городовъ всегда сосредоточивалось въ рукахъ правительственныхъ, а не земскихъ агентовъ. Наоборотъ, посады, съ перваго появленія ихъ въ исторіи, представляются поселеніями отличными отъ городовъ по составу населенія, по управленію и по значенію въ общемъ составѣ государственныхъ учреждений, они населены преимущественно торговыми и ремесленными людьми, управляются выборными начальниками и имѣютъ служебное значеніе по отношенію къ городамъ. Съ этой точки зрѣнія должны быть изучаемы свидѣтельства о городахъ и посадахъ до Петровской Россіи.

Указанныя заблужденія, какъ и множество имъ подобныхъ, явились въ нашей ученой литературѣ вслѣдствіе невѣрнаго пониманія тѣмъ или другимъ ученымъ значеніе слова городъ въ свидѣтельствахъ источниковъ. До настоящаго времени, въ нашей историко-юридической литературѣ не установилось о древне-русскомъ городѣ то понятіе, въ которомъ онъ долженъ сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изученія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

„польза и важность исторіи городовъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ такъ очевидна, такъ хорошо изложена различными писателями, что въ настоящее время нѣтъ надобности распространяться объ этомъ предметѣ“. Но дѣло въ томъ, что когда мы начинаемъ исторію русскаго города съ отдаленнѣйшаго времени, то должно опредѣлять точно, что мы разумѣемъ подъ словомъ городъ. А безъ того несогласія между учеными, относительно самыхъ элементарныхъ вопросовъ будутъ продолжаться до безконечности. Одинъ скажетъ: „города въ предѣлахъ Россіи существовали за много вѣковъ до времени Рюрика“, и сошлется на свидѣтельство того или другаго изъ скандинавскихъ, нѣмецкихъ, византійскихъ писателей или на свидѣтельство отечественнаго лѣтописца; другой возразитъ: „города въ предѣлахъ Россіи появились только въ эпоху призванія Рюрика“, и укажетъ на свидѣтельство Иорнанда: *hi paludes silvasque pro civitatibus habent*“, или на свидѣтельство Нестора: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ, и города рубити: овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, или: „изгнаша Варяги за море и поча города ставити“, и проч. Одинъ скажетъ: „древне-русскіе города были заселены крестьянами до времени Петра Перваго“, и укажетъ на „описъ городамъ, вѣдавшимся въ разрядъ въ 1668 году“; другой можетъ доказывать, что древне-русскіе города были заселены служилыми людьми и сослаться на тотъ же актъ; третій можетъ опровергать то и другое, доказывая, что древне-русскіе города были заселены посадскими торговыми людьми, сославшись на „Выписку изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрельцамъ 1681 года“, гдѣ перечисляется только посадское населеніе городовъ⁶⁹). Но отъ подобныхъ выводовъ, не смотря на то, что они основаны на историческихъ свидѣтельствахъ, не много пользы для науки.

Множество часто діаметрально противоположныхъ воззрѣній въ нашей наукѣ, въ отношеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ изъ исторіи русскаго города, доказываетъ неясность современныхъ пред-

⁶⁹) Акты археогр. экспед., т. IV, № 250.

ставленій о послѣднемъ, какъ о предметѣ науки, въ силу котораго неправильно понимаются историческія свидѣтельства о городахъ, смѣшиваются и приурочиваются къ одному предмету извѣстія, относящіяся совершенно къ различнымъ предметамъ. Словомъ, городъ въ древнихъ памятникахъ означаетъ множество самыхъ разнородныхъ предметовъ, не имѣющихъ, по современнымъ намъ понятіямъ, ничего общаго съ тѣми понятіями о городѣ, какія получило это слово въ новой Россіи. Современные же изслѣдователи древне-русскаго общественнаго быта, приступая къ изученію древнихъ источниковъ съ тѣми или другими изъ позднѣйшихъ понятій о городѣ, безъ критическаго разбора, смѣшиваютъ свидѣтельства источниковъ о городахъ, въ которыхъ слово городъ имѣетъ не одинаковое значеніе, часто отличное отъ того, какое придаетъ этому слову авторъ, и на основаніи такого смѣшенія дѣлаются тѣ или другіе выводы. Отсюда въ современной историко-юридической литературѣ хаосъ противорѣчій, недоразумѣній, догадокъ, сомнительныхъ выводовъ, которымъ и конца не видно.

Въ силу сказаннаго, изслѣдователь, приступающій къ изученію историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ, прежде нежели станетъ высказывать тѣ или другія сужденія о древне-русскомъ городѣ, долженъ, намъ кажется, предварительно остановиться на рѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ. Какія значенія соотвѣтствуютъ слову городъ въ историческихъ памятникахъ? Какія значенія соотвѣтствовали слову городъ въ данную историческую эпоху? Съ котораго изъ значеній слова городъ должно быть начато научное систематическое изложеніе исторіи русскаго города? Рѣшеніе этихъ вопросовъ дастъ возможность избѣжать смѣшенія историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ различнымъ предметамъ, не-имѣющимъ между собою ничего общаго.

II.

Историческое развитіе понятія о городѣ.

Слову *городъ* въ древне-русскомъ языкѣ соотвѣствовало множество значеній, по современнымъ намъ понятіямъ, не имѣющихъ ничего общаго, какъ между собою, такъ и съ нынѣшнимъ понятіемъ о городѣ.

а) *Городомъ* называлась всякая *ограда*, защищающая данное мѣсто отъ постороннихъ вторженій вообще: „созда *градъ* на *церкви* Пречистое Владычица наша Богородица, аже не стерпѣвше оскверненія храма своего“; „есть же монастырь той *городомъ* одѣланъ весь около“; „создалъ *городъ* камень, твердъ вельми, около *пещеры* тоя“ ¹⁾.

б) *Городомъ* называлось всякое *укрѣпленіе*, содланное съ цѣлію защиты отъ непріятелей: „сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою, надъ *Калкомъ*, бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту *створи городъ*, около себя въ *копѣхъ*, и бися съ ними изъ города того по три дни“; „сташа Новгородцы на *островѣ*, а они противу ставше, *начаша городъ чинити*“; „устроить повелѣ окрестъ дальнихъ *посадовъ градъ древяны*;... близъ же града, яко поприща два, *поставити градъ*, *обозъ нарицаемый*, *иже нѣкою мудростію*, на *колесницахъ устроенъ* и къ бранному ополченію *зело удобенъ*“ ²⁾.

в) *Городомъ* назывались *укрѣпленія* болѣе *значительныхъ*

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 162; т. III, стр. 76, 77; Книга Болъ Черт., стр. 124, 140; Пут. Игум Дан., стр. 53.

²⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 218; т. III, стр. 11, 40; т. VII, стр. 337, 338. Полевое обозное укрѣпленіе называлось *городомъ-туляемъ*, см. о немъ *Карамзина*, Ист. Гос. Росс., т. IX, прим. 391; Энцикл. Лексик., т. XV, стр. 234.

*пунктовъ народнаго поселенія, воздвигнутыя съ цѣлю предохра-
нить эти пункты отъ нападеній непріятеля и соотвѣтствовавшія
современному намъ понятію городскихъ укрѣпленій, стѣнъ города,
крѣпости: „Словѣни же сѣдоша около езера Илмера, прозваннаго
своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша Новгородъ“;
„приде въ Дунаевъ, възлюбилъ мѣсто и сруби градъ малъ, хо-
таше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущій“;
„заложилъ Мстиславъ Новгородъ болѣе перваго; томъ же лѣтѣ,
Павель, посадникъ Ладожскій, заложилъ Ладогу, городъ камянъ“;
„около Смоленска города величина полтретьи версты“; „а ко-
торый городъ попортится, или за старостію развалится, и
на строеніе городовъ, для починки и вновь, казну собираютъ
того города съ торговыхъ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ
крестьянъ, по вытѣнѣ... а будетъ въ Московскомъ государствѣ по-
строенныхъ каменныхъ городовъ, кромѣ монастырей, съ 20 го-
родовъ, или мало болѣе, а достаточныя дѣланы всѣ деревянные,
на земляныхъ валахъ и просто на землѣ, и для войны насы-
паютъ тѣ города пескомъ и каменемъ“³⁾.*

г) Городамъ назывались укрѣпленныя мѣстности, то-есть, защищенныя отъ непріятельскихъ нападеній какою-либо оградой, насыпью, рвомъ, и служившія пунктами народнаго поселенія; „Нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежови, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и поча набирати мужѣ лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады“; „Святополкъ повелѣ рубити градъ на Витичевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополкъ градъ, и повелѣ епископу Марину съ Юрьевы сести ту, и Засаковцемъ и прочимъ отъ иныхъ градовъ; а Юрьевъ зажегоша Половцы пусть“; „городъ Бѣлоозеро по осыпи рубленой, на немъ восемь башенъ, крыты тесомъ; въ городъ двои ворота; мѣрою городъ по осыпи 550 сажень съ полусаженіемъ. Въ городѣ соборная церковь... да соборную же церковь вновь строить каменную... въ городѣ жъ

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 3, 4; т. III, стр. 6; Акты Арх. Эксп., т. IV, № 89, стр. 128; Котошичинъ, О Россіи, стр. 102.

дворъ воеводской, въ длину 25 сажень, поперегъ 22 сажени... И всего въ городъ на Вѣлѣозерѣ... (перечисленіе церквей, дворовъ, избъ, лавокъ и проч.)... Да на Вѣлѣ жъ озерѣ, за городомъ, на посадѣ: церковь каменная, да 18 церквей деревянныхъ“ и т. д. ⁴⁾).

д) *Городамъ назывались различныя территориальныя дѣленія политическаго или административнаго характера.* Въ этомъ смыслѣ, слову городъ въ древнихъ памятникахъ соответствуютъ послѣдовательно понятія земли и волости, княжества и государства, уѣзда и провинціи.

Понятія города и земли равнозначительны: „аче кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаеть въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти“; „О сводѣ. Аже будетъ во единомъ городѣ то ити истыцю до конца тою свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третью свода... а изъ своего города въ чужю землю свода нѣтутъ“; „аже кто многинъ долженъ будетъ, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземецъ... то вести я на торгъ и продати и отдати же первое гостеву боуны, а домашнимъ, что ся останеть“ ⁵⁾).

Понятія города и волости равнозначительны: „прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады (Лаврентьевскій списокъ)—и раздая мужемъ своимъ волости (Ипатьевскій и Хлѣбниковскій списки): овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Вѣлоозеро. И по тѣмъ городамъ суть находници Варязи“; „заповѣда Олегъ... даяти уклады на русскіе города: первое на Кіевъ, то же и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая городи“ ⁶⁾).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ княжества: „и вышедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ прія власть его“; „бѣ бо Рогволодъ пришедъ изъ заморья, имяше власть свою въ

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 52; Ник. спис., ч. II, стр. 11; Акты Юридич. № 231.

⁵⁾ Р. Правда, на осн. 4-хъ списковъ раз. ред. изд. Н. Калачевымъ, 1847 г. стр. 8, 9, 12, 32.

⁶⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 9, 13, 160.

Полотскъ, а Туръ Туровъ“; „мы же да подивимся чюду новому и великому Матере Божья, како заступи градъ свой отъ великихъ бѣдъ, и гражданъ своя укрѣпляетъ: не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася князя два имуще въ власти сей“; „се же поручаю въ себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславъ, а Игорю Володимиръ, а Вячеславу Смоленскъ, и тако раздѣли имъ грады“; „мощь граду тому въ немъ же князь унъ“⁷⁾).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ государства: „О владѣтельствѣ царствъ и государствъ, и земель, и городовъ, которые подъ Россійскимъ царствомъ лежатъ, и тѣхъ государствъ о воеводѣхъ. Великій Новгородъ, царствы Казанское, Астраханское, Сибирское, государство Псковское, княжества Смоленское, Полотское—и тѣхъ государствъ въ первые города посылаются воеводы, бояре и околничіе...; и вѣдаютъ тѣ государства съ пригороды и съ уѣзды, во всякихъ государственныхъ и земляныхъ дѣлахъ, противъ того жъ, какъ вѣдаютъ на Москвѣ бояре и думные люди... — А ворами, разбойникамъ и татемъ, и инымъ злочинцамъ, указъ бываетъ противъ того жъ, какъ и на Москвѣ. А казнити ихъ за ихъ воровства смертію, кто бъ каковъ ни былъ, безъ указу царскаго и не описався къ нему не велѣно, и учинити никто не смѣетъ, кромѣ Сибири, и Астрахани, и Терка, потому что изъ тѣхъ городовъ къ Москвѣ къ царю письма ихъ, и отъ царя противъ ихъ писемъ о всякихъ дѣлѣхъ указу вскорѣ приходити не мочно, и ихъ въ такихъ дальнихъ городѣхъ велѣно казнити и безъ указу царскаго... А которые къ тѣмъ государствамъ и большимъ городамъ надлежатъ города, всякою вѣдомостью, и владѣтельствомъ, и податями: и въ тѣ пригороды посылаются воеводы, дворяне и дѣти боярскіе, съ Москвы и тѣхъ городовъ отъ воеводъ. А велѣно имъ дѣла дѣлать по наказамъ, каковы даются имъ тѣхъ городовъ отъ бояръ и воеводъ;... а даются царевичамъ въ удѣлъ города негосударствен-

⁷⁾ Тамъ же, стр. 32, 70, 60, 160.

ные, а царствъ Казанскаго и Астраханскаго и Сибирскаго, и государствъ Владимирскаго, Новгородскаго и Псковскаго давати опасаются, понеже чрезъ великую силу досталь первый царь подъ свое владѣніе и привелъ въ совокупленіе“⁸⁾).

Понятіе города тождественно съ понятіемъ провинціи. Значеніе провинціи слово *городъ* имѣетъ въ выраженіи: „на Москвѣ и въ *городахъ*“, очень часто встрѣчаемомъ въ памятникѣхъ XVI и XVII столѣтій, а равно въ подобныхъ выраженіяхъ: „приказчики и крестьяне живутъ въ *городѣхъ* во *власетинскихъ* и въ *боярскихъ* вотчинахъ и въ *помѣстьяхъ*“; „а всего на Москвѣ, *кромѣ* *городовыхъ* и патриаршихъ приказовъ и таможенъ 42 приказъ“; „того же году были по *городамъ* бояре и воеводы и дьяки“; „воеводы переменялись кто въ которомъ году и въ *которомъ* *городѣ* былъ“⁹⁾).

в) *Городами назывались центры администрации:* „Рядъ узаконеній, начиная съ царствования Петра Великаго, учреждаетъ *города* въ однихъ мѣстахъ Россіи и упраздняетъ ихъ въ другихъ, смотря по удобству для устройства администрации въ различныхъ частяхъ государства“¹⁰⁾; „которые *города* хотя и *выключены* изъ штата, но способностію для учрежденія *воеводскихъ канцелярій* лучше, то *таковые* назначаютъ, а *неспособно лежащіе*, хотя бы оныя и въ штатномъ числѣ состояли, *исключать*“¹¹⁾).

ж) *Городамъ назывались „пристанища торго и рукодѣльнѣй“*, то-есть, *центры промышленности*, основанные правительствомъ, надѣленные путемъ законодательства извѣстными правами и обязанностями, и тѣмъ превращенные въ юридическія лица: „Всероссійскіе самодержцы, отъ самыхъ древнихъ лѣтъ, съ расширеніемъ предѣловъ владычества ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножали и число городовъ, давая въ нихъ безопасное приста-

8) Котошихинъ, стр. 15, 98, 99, гл. VIII.

9) Полн. Собр. Зак., I, стр. 70. Котошихинъ, стр. 92; Дворцов. разр., 235, 730.

10) Городск. посел. въ Россійск. имп., I, стр. VI.

11) Полн. Собр. Зак., т. XVI. № 12.259.

нице торгу и рукодѣльямъ. Полезнымъ таковымъ установленіямъ предковъ нашихъ мы тщилися подражать по мѣрѣ размноженія народа и возвращенія богатствъ его, какъ то свидѣтельствуютъ города, въ 23-лѣтнее царствованіе наше, числомъ 216, воздвигнуты повсюду, идѣ того требовали или мѣстныя выгоды, или стеченіе окрестныхъ жителей. Не оставили мы какъ ихъ, такъ и тѣ, кои предками нашими сооружены были, снабдить надлежащимъ управленіемъ, освободить рукодѣля, промыслы и торговлю отъ принужденій и притѣсненій и преподать имъ различные полезные способы и одобренія. Съ Божіею помощію видимъ въ толь краткое время добрые плоды намѣреній нашихъ, да и несомнѣнно уповаемъ, что вѣрноподданные наши, граждане городовъ нашихъ, похвальнымъ радніемъ, доброю вѣрою въ торговлю, промыслахъ и ремеслахъ и поведеніемъ, соотвѣтствующимъ благому нашему о нихъ попеченію, будутъ способствовать возвышенію мѣстъ, ими населяемыхъ, въ цвѣтущемъ состояніи, и тѣмъ выше заслужать нашу императорскую въ себѣ милость и благоволеніе,—въ залогъ коихъ восхотѣли мы, данныя отъ насъ городамъ, изъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ выгоды и преимуществъ подтвердить нашею жалованою грамотою“¹²⁾. Въ Городовомъ положеніи Екатерины II опредѣлены права и пренуждества, а равно обязанности и повинности городовъ; городъ имѣетъ грамоту, гербъ и планъ за подписаніемъ руки Императорскаго Величества, имѣетъ собственныя недвижимыя имѣнія и движимыя имущества, собственные доходы и расходы, особенное управленіе и т. д.¹³⁾.

Указанныя до сихъ поръ значенія слова *городъ* могутъ быть названы *прямыми*, *территоріальными* или *мѣстными*, въ противоположность *нижеслѣдующимъ*, *переноснымъ* или *личнымъ*. Отъ мѣста жительства названіе города перешло на его обитателей. Сюда относятся:

¹²⁾ Собр. Законовъ. № 16.187.

¹³⁾ Город. Полож. Екатерины II, ст. 1—3, 7, 8, 3, 17, 18, 24—26, 28, 57, 151, 152, 167, 177.

б) Понятіе о городѣ, какъ общинѣ, пользовавшейся политической автономіей, и „тянувшей“, по древнему выраженію, къ данному укрѣпленному пункту (городу въ прямомъ смыслѣ), какъ центру политической жизни общины: *Новгородцы* бо изъ *начала* и *Смоляне*, и *Кіяне*, и *Полочане* и вся *власти* якоже на думу на *вѣче* сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть; а здѣсь *городъ старый Ростовъ* и *Суздавъ*, и вси *боляре*, *хотяще* свою *правду* поставити, не *хотяху* *створити* *правды* *Божья*; но „*како* намъ *любо*“, *ребоша*, такоже створимъ, *Володимеръ* есть *пригородъ* нашъ“ ¹⁴). Въ понятіе города, въ смыслѣ политической общины, входитъ совокупность населенія всѣхъ пригородовъ, селъ и починковъ, вѣбствъ съ населеніемъ центрального пункта, составляющаго политическое тѣло.

б) Понятіе о городѣ, какъ общинѣ, члены которой соединены извѣстными связями съ даннымъ укрѣпленнымъ пунктомъ, какъ военнымъ такъ и административнымъ, центромъ общины: „взяша *Всеволождъ* градъ на щить, и *ина* въ немъ бѣста два города *вошла*. Слышавше *иніи* *грады*, *Уненеждъ*, *Вѣлавѣжа*, *Бохмачъ*, оже *Всеволождъ* *взять*, и побѣждаща *Чернигову*, и *иніи* *грады* *мнози* бѣжаща. Слышавше *Изяславъ* и *Ростиславъ*, посласта по нихъ и постигоша на *поли*, и ту *взяша* *ти* *три* *города*, а *иніи* *уйдоша*“ ¹⁵). Города, въ смыслѣ общины, „тянувшихъ“ къ даннымъ укрѣпленнымъ пунктамъ, состоявшихъ въ зависимости отъ городовъ, имѣвшихъ высшее политическое значеніе, заключали въ себѣ населеніе такъ называемыхъ пригородовъ и тянувшихъ къ нимъ пригородковъ, селъ, деревень и починковъ. Города назывались пригородами только по отношенію къ высшему политическому центру, старѣйшему городу ¹⁶).

в) Городомъ называлась совокупность жителей даннаго укрѣпленнаго пункта: „изыде *противу* ему *весь* *городъ* *Киевъ*, и *въложиша* *тѣло* его на *сани*, *повезоша* и, съ *пѣснми* *попове*

¹⁴) П. С. Р. Л., I, стр. 160.

¹⁵) Тамъ же, II, стр. 36.

¹⁶) Тамъ же, I, стр. 160.

и черноризцы понесоша и въ градъ, и не бѣ слышати пѣнѣя во плачи, велицѣ вопли, плака бо ся по немъ весь городъ Кыевъ“ ¹⁷⁾).

г) Городомъ называлась совокупность лицъ служилого сословія, приписанныхъ къ данному укрѣпленному пункту, какъ военному центру, для его защиты: „послалъ государь.... и мноіе города дворянъ и дѣтей боярскихъ и атамановъ и казаковъ, и стрѣльцовъ, и многихъ ратныхъ людей подъ Великій Новгородъ“: „пришли къ Москвѣ, изъ Суздаля сборщики, а съ ними дворяне и дѣти боярскіе — Суздальцы и Володимирцы и иные города“; „боярину и воеводамъ збиратца съ города, съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, а быть съ ними городамъ: Кострома, Ярославль, Галичъ, Вологда, Суздаль, Володимерь, Лухъ, Гороховецъ, Переяславль, Ростовъ, Муромъ, Арзамасъ, Нижній Новгородъ, Юрьевъ-Польскій, опричь тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть подъ Смоленскомъ. Да въ тѣхъ же городѣхъ собирать охочихъ всякихъ людей боярскихъ и дворянскихъ, и приказчиковъ, и монастырскихъ слугъ, и даточныхъ людей съ посадовъ и уѣздовъ“ ¹⁸⁾).

д) Городомъ называлась совокупность обитателей данной мѣстности, объявленной городомъ со стороны правительства, городомъ въ смыслъ административнаго и промышленнаго центра: это „городскія общества“ въ обширномъ смыслѣ по законодательству новаго времени ¹⁹⁾).

е) Городомъ называлась совокупность лицъ такъ называемаго средняго или третьяго сословія, обитавшихъ въ данномъ пунктѣ, объявленномъ городомъ со стороны правительства, надѣленныхъ извѣстными правилами и обязанностями и вслѣдствіе того получившихъ значеніе юридическаго лица, мѣстной, сословной корпораціи. Это городскія общества въ тѣсномъ смыслѣ по законодательству новаго времени ²⁰⁾).

¹⁷⁾ Тамъ же, стр. 86.

¹⁸⁾ Дворц. Разряды, т. I, стр. 107, 198. Книги Разрядныя, т. I, стр. 10.

¹⁹⁾ Городовое Положеніе Екатерины II, ст. 58 — 68. Полное Собраніе Законовъ т. XII, стр. 363, 364.

²⁰⁾ Городовое Положеніе Екатерины II., гл. V—IX.

Перечисленными примѣрами исчерпывается все количество значеній, соотвѣствующихъ слову *городъ* въ историческихъ памятникахъ. Но возстановленіемъ различныхъ значеній этого слова въ историческихъ памятникахъ еще не рѣшается вопросъ, какія значенія соотвѣтствовали ему въ данную историческую эпоху? Въ различные эпохи, слову *городъ* соотвѣтствовали различные значенія, но какія именно? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ точное пониманіе историческихъ свидѣтельствъ о городахъ въ то или другое время. Рѣшить же этотъ вопросъ возможно, только изучивъ историческое развитіе понятія о городѣ.

Не смотря на полное несходство, по современнымъ намъ понятіямъ, между указанными значеніями слова *городъ*, они произошли одно изъ другаго, а слѣдовательно, имѣютъ между собою генетическую связь, изученіе которой и будетъ изученіемъ историческаго развитія понятія о городѣ.

Этимологическое происхожденіе слова *городъ*, *градъ*, разнѣ объясняется филологами. Одни изъ нихъ производятъ его отъ германскаго слова *garda* или *warða*, на томъ основаніи, что „*garda* и *городъ* равно значили мѣсто защищенное и защищаемое, обведенное стѣною или валомъ“²¹⁾; другіе считаютъ это слово имѣющимъ славянское происхожденіе и образовавшимся изъ соединенія двухъ несомнѣнно славянскихъ словъ, — *гора* и *родъ*, — вслѣдствіе фактическаго соединенія въ жизни древнихъ Славянъ предмета, соотвѣтствовавшаго понятію о горѣ съ предметомъ, соотвѣтствовавшимъ понятію о родѣ²²⁾.

Въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ слово *городъ*, *градъ*, имѣетъ уже нѣсколько значеній, изъ которыхъ „кореннымъ, первоначальнымъ“ считается понятіе крѣпости, укрѣпленія, ограды, защищавшей отъ непріятеля²³⁾. Первою потребностію славянскихъ родовъ, осѣвшихъ на извѣстныхъ мѣстахъ для постояннаго жительства, была потребность оградить занятія мѣстности отъ внѣшнихъ нападеній. Первоначально, простыя из-

²¹⁾ Энцикл. Лексик., т. XV, стр. 15.

²²⁾ Русск. Ист. Сборн., ч. I, № 3, стр. 84.

²³⁾ *Неволинъ*, Полн. собран. сочин., т. VI стр. 27.

города, — плетень, тынъ, частоколъ, острогъ, деревянная стѣна, — были достаточны для удовлетворенія сказанной потребности, такъ какъ возвышенные пункты, выбираемые родами для поселеній, сами по себѣ были не легко доступны, при первоначальныхъ средствахъ нападенія.

Эти то постройки, искусственныя укрѣпленія, отпавныя съ цѣлю предохранить отъ внѣшнихъ нападеній мѣста, занятыя нѣкогда славянскими родами для постоянного поселенія, названныя городами, и были первоначальнымъ, родовымъ понятіемъ города, послужившимъ родоначальникомъ всѣхъ остальныхъ значеній этого слова. Съ теченіемъ времени, стали ограждать искусственными укрѣпленіями не только мѣста, занятыя родовыми общинами, пункты народнаго поселенія, но и другія мѣстности, съ цѣлю предохранить ихъ отъ непріятельскихъ нападеній: сторожевые посты, военные станы, пограничныя линіи, а равно извѣстные участки пахатной земли (огородъ), отдѣльные дворы, церкви, монастыри, съ цѣлю предохранить ихъ отъ постороннихъ вторженій вообще. И такъ какъ всѣ эти укрѣпленія были первоначально похожи одно на другое, представляя простыя изгороди, то и были безразлично называемы городами, пока дальнѣйшее развитіе отличительныхъ признаковъ не привело къ сознанію различія понятій и къ замѣнѣ нѣкоторыхъ видовъ изъ указанныхъ укрѣпленій измѣненными формами слова *городъ*: — *горѣда, изгорода, горожа, изгородь, огорода, ограда, а затѣмъ и другими словами: тынъ, плетень, частоколъ и проч.* Въ историческихъ памятникахъ, слово *городъ*, въ значеніи безразличнаго укрѣпленія, изгороди, ограды, встрѣчается уже довольно рѣдко; въ большинствѣ случаевъ, оно замѣняется измѣненными формами *города* или другими словами; въ значеніи же болѣе специальномъ, въ смыслѣ укрѣпленія, защищающаго отъ нападеній непріятеля, слово *городъ* встрѣчается на каждомъ шагѣ, во весь древній періодъ исторіи Россіи, и только въ XVIII столѣтіи вышло изъ употребленія, будучи замѣнено словами *фортеція, укрѣпленіе*. Сказанное объясняетъ въ какомъ смыслѣ должно понимать выраженія древнихъ памятниковъ: „срубить, поставить, заложить,

создать, построить городъ“; это значило — обнести какое либо мѣсто извѣстною оградой, тыномъ, плетнемъ, частоколомъ, острогомъ, деревянною или каменною стѣною, съ цѣлію предохранить это мѣсто отъ внѣшнихъ вторженій. А потому, можно было по понятіямъ древнихъ много разъ, въ данномъ пунктѣ, уничтожать и снова ставить городъ, но это не значило уничтожать и создавать городъ, по позднѣйшимъ понятіямъ. Данный городъ, въ смыслѣ пункта народнаго поселенія, могъ существовать съ незапамятнаго для исторіи времени, хотя извѣстіе о его построеніи въ первый разъ встрѣчается въ памятникахъ XI, XII, или XIII в.в. Такъ, по свидѣтельству нашего древнѣйшаго лѣтописца, Новгородъ построенъ Славянами при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя: „Словѣни же сѣдоша около озера Ильмеря сѣлаша градъ и нарѣкоша и Новгородъ“ ²⁴⁾. Затѣмъ, извѣстія о построеніи Новгорода относятся къ 864 году: „и прія Рюрикъ власть всю одиѣ, и пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ“ ²⁵⁾; къ 1044: „на весну заложи Новгородъ и содѣла и“ ²⁶⁾; къ 1114: „Мстиславъ заложи Новгородъ“ ²⁷⁾; къ 1262: „срубина Новгородци городъ новъ“ ²⁸⁾; къ 1302: „заложина городъ камень Новгороду“ ²⁹⁾; къ 1331: „заложіи Владыка Великій городъ камень“ ³⁰⁾; и, наконецъ, къ 1425 году: „ставиша въ Новгородѣ городъ“ ³¹⁾. Кіевъ, подобно Новгороду, существовалъ уже въ незапамятныя для исторіи времена ³²⁾, но извѣстія о его построеніи встрѣчаемъ еще подъ 1017 годомъ: „заложіи Ярославъ градъ Кіевъ“ ³³⁾ и подъ 1037 годомъ: „заложіи Ярославъ

²⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 3.

²⁵⁾ Тамъ же, 9, варианты. Лѣт. по Ипат. Ст. стр. II.

²⁶⁾ Никон. сп. ч. I, с. 138.

²⁷⁾ Ипат. сп. П. С. Р. Л., II, 4.

²⁸⁾ Тамъ же, III, 57. Новг. I.

²⁹⁾ Тамъ же, 68.

³⁰⁾ Тамъ же, 76.

³¹⁾ Тамъ же, 140, Новг. II.

³²⁾ П. С. Р. Л. I, с. 4.

³³⁾ Ник. сп., I, 124.

городъ великій Къневъ“ ³⁴⁾. О построеніи городовъ Суздаля, Переяславля, Русы, Твери, Серпухова и т. д., существовавшихъ издавна, въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 1191 годомъ: „заложенъ бысть градъ Суздаль“ ³⁵⁾; подъ 1195 годомъ: „заложенъ бысть градъ Переяславль“ ³⁶⁾; подъ 1201 годомъ: „Русу срубиша“ ³⁷⁾; подъ 1369 годомъ: „градъ Тверь срубили“; „Володимеръ Андреевичъ заложи градъ Серпуховъ“ ³⁸⁾.

Такъ какъ каждое отдѣльное укрѣпленіе, окружавшее и защищавшее какое либо мѣсто, носило въ древности названіе города, то въ одномъ городѣ, по понятіямъ позднѣйшимъ, могло заключаться нѣсколько городовъ, въ смыслѣ понятій болѣе древнихъ. И дѣйствительно, почти во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ Россіи встрѣчаемъ по нѣскольку городовъ: въ Новгородѣ старый и новый города, въ Черниговѣ внутренній и внѣшній, во Владимірѣ Новый и Печерный, въ Переяславлѣ два города; въ Москвѣ четыре: Бѣлый городъ, Земляной, Деревянный и Китай-городъ и т. д. ³⁹⁾.

Отъ *укрѣпленія* названіе города было перенесено на мѣсто укрѣпленное и стало означать *укрѣпленный пунктъ*, то есть, понятіе укрѣпленія и мѣста укрѣпленнаго въ совокупности. Соответственно развитію понятія о городѣ, въ смыслѣ укрѣпленія, развивалось и понятіе о городѣ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта. Въ послѣднемъ смыслѣ слово *городъ* означало первоначально укрѣпленную мѣстность, занятая Славянами для постоянного поселенія, а затѣмъ стало означать всякую укрѣпленную мѣстность, то есть обнесенную градомъ (въ смыслѣ изгороди, ограды), тыномъ, плетнемъ, частоколомъ, стѣной и проч., на что указываютъ и донныя сохранившіяся измѣненныя формы слова *городъ* и со-

³⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 65.

³⁵⁾ Ник. сп. ч. II, с. 256.

³⁶⁾ П. С. Р. Л. I, с. 173.

³⁷⁾ Тамъ же, III, с. 25.

³⁸⁾ Ник. сп.

³⁹⁾ П. С. Р. Л. I, 86, 89, 197, III, 144; Улож. Ц. Ал. Мих., гл. XIX, стр. 40.

отвѣтствующія имъ понятія—въ великорусскомъ нарѣчїи *огородъ*, въ малорусскомъ *городъ*.

Съ теченіемъ времени, различные укрѣпленные пункты стали называться именами предметовъ, находящихся въ огражденной мѣстности, внутри укрѣпленій, *напримѣръ: дворъ, сторожа, церковь, монастырь* и пр., а за словомъ *городъ* осталось только его первоначальное значеніе въ рассматриваемомъ смыслѣ, значеніе укрѣпленного пункта народнаго поселенія. Это значеніе слово *городъ* сохраняетъ до времени Петра Перваго, при которомъ оно было замѣнено словомъ *крѣпость*.

Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, когда изъ общей массы древне-русскаго народонаселенія еще не выдѣлились особенныя группы, предназначенныя спеціально для особыхъ видовъ общественной дѣятельности ⁴⁰⁾, русскіе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, заключали въ себѣ населеніе, представлявшее безразличную массу въ юридическомъ отношеніи. Горожане были въ одно и то же время воинами, купцами, ремесленниками и земледѣльцами ⁴¹⁾.

Съ водвореніемъ между Русскими Славянами варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, мало по малу образовался въ Россіи обширный классъ людей, извѣстный подъ именемъ „служилаго сословія“ и имѣвшій своею спеціальною задачею защиту государства отъ вѣншихъ нападеній ⁴²⁾. Чрезъ построеніе укрѣпленій и заселеніе ихъ служилыми людьми Московское государство распространяло свои южные, юго-восточные и восточные предѣлы ⁴³⁾. По распоряженію правительства, пограничная линія отодвигалась на извѣстное разстояніе въ мѣстности, еще не занятія русскимъ народомъ; составлялись росписи и чертежи, въ какихъ пунктахъ

⁴⁰⁾ См. *Сергеевича*, Вѣче и князь, стр. 31—40.

⁴¹⁾ Княгиня Ольга говоритъ Древлянамъ: «все гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ». П. С. Р. Л. I, 25, 52.

⁴²⁾ См. *Градовскаго*, Исторія мѣст. управ. въ Россіи, т. I, глава I.

⁴³⁾ *Бяльева*, О сторож., стан. и полев. службѣ на польск. укр. Моск. госуд. въ *Чтен. Москов. общ. истор. и древн.* 1846 г. № 4; Воронежск. Акты, т. III, прилож., стр. I—V.

вновь назначенной граничной линіи поставить города, жилые и стоялые остроги и другія укрѣпленія; затѣмъ, въ опредѣленныхъ пунктахъ, строились новые города, а между ними проводилась линія укрѣпленій, состоящая изъ землянаго вала, жилыхъ и стоялыхъ острожковъ, засѣкъ и проч. ⁴⁴⁾. Во вновь основанные города, какъ для защиты самыхъ городовъ, такъ и для охраненія вновь занятаго пространства, а съ нимъ государственной территоріи вообще, переводились изъ внутреннихъ областей государства лица служилаго сословія, которыми и заселялись вновь основанные города. Проходили десятки и сотни лѣтъ, пока въ этихъ городахъ и возлѣ этихъ городовъ возникало промышленное населеніе, состоящее изъ „торговыхъ“ и „ремесленныхъ“ людей. Еще въ концѣ XVII столѣтія встрѣчаемся со множествомъ городовъ, населенныхъ исключительно военными, служилыми людьми, въ которыхъ, и даже при которыхъ совсѣмъ не было „посадскихъ“, то есть, торговыхъ и ремесленныхъ людей. Изъ двадцати городовъ, вѣдавшихся въ разрядномъ приказѣ въ 1668 году, къ числу такихъ городовъ, принадлежали 55: Крапивна, Дѣдиловъ, Пронскъ, Гремячъ, Печерники, Кашинъ, Сапожокъ, Рязскъ, Шацкъ, Козельскъ, Орелъ, Кромь, Брянскъ, Сѣвскъ, Каменный, Мценскъ, Ливны, Елифанъ, Чернь, Данковъ, Лебедянъ, Талецкъ, Черкасскъ, Ефремовъ, Осколь, Обоянъ, Суджа, Болховъ, Карповъ, Хотмыжскъ, Вологскъ, Олешня, Корочъ, Яблониновъ, Новый Осколь, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Уричъ, Костенскъ, Вѣлоколодезь, Орловъ, Сокольскъ, Усманъ, Доброе Городище, Тамбовъ, Валуйка, Чугуевъ, Салтовъ, Красный Куть, Богодуховъ, Вобровка, Балыклея ⁴⁵⁾. Почти всѣ перечисленные города вновь основаны Московскимъ правительствомъ.

Во времени Московскаго государства измѣнилось и значеніе старыхъ городовъ древней Россіи: изъ мѣстъ жительства общины, не имѣющей сословнаго характера, они превращаются въ мѣста жительства высшихъ лицъ, привилегированныхъ классовъ и въ мѣста, гдѣ помѣщаются учрежденія, имѣющія общегосударствен-

⁴⁴⁾ Тамъ же, стр. 47. и слѣд.

⁴⁵⁾ См. первое приложеніе къ т. XIII Исторіи Россіи *Соловьева*.

ное значеніе. Въ Московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій жили только липа, служилое, военнаго сословія, духовенство и приказные люди; классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были вытѣснены изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора; внѣ городскихъ укрѣпленій помѣщались и мѣстныя, общинныя учрежденія ⁴⁶). Такимъ образомъ, древнерусскіе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, не имѣли того значенія, какое придано имъ законодательствомъ новаго времени: въ древнѣйшій періодъ русской исторіи это были укрѣпленные пункты общинныхъ поселеній, по своему населенію не имѣвшіе сословнаго значенія; въ Московскій періодъ это были военно-административные пункты, населенные лицами высшихъ классовъ, служилыми и приѣзными людьми. Классы торговые и ремесленные жили преимущественно внѣ городовъ, „на посадахъ“, не имѣвшихъ значенія городовъ.

При дальнѣйшемъ развитіи понятія о городѣ, слово *городъ* стало означать различныя территоріальныя дѣленія политическаго и административнаго характера. Чтобы понять историческое происхожденіе такого понятія о городѣ и его генетическую связь съ понятіями о городѣ, уже рассмотрѣнными нами, должно имѣть въ виду воззрѣніе, по которому *города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, были первичными поселеніями Славянъ, поселившихся въ предѣлахъ Европы* ⁴⁷).

Съ постепеннымъ и незамѣтнымъ расширеніемъ земельныхъ владѣній первоначальнаго, старѣйшаго города, расширялось постепенно и незамѣтно и понятіе о немъ, захватывая въ себя, по мѣрѣ возникновенія, мѣста, застѣнья, или посады, перегородья или пригороды, села, деревни и починки. Перечисленныя поселенія, возникая исподоволь, незамѣтно входили въ понятіе старѣйшаго города, какъ его составныя части. По мѣрѣ образованія заселенныхъ мѣстностей вокругъ первоначальной городской ограды, понятіе города, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта, расширялось, при-

⁴⁶) Акты, юридич. №№ 231, 230.

⁴⁷) См. ниже, глава II.

нимая въ себя эти мѣстности, входившія въ него, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время входило и входитъ въ понятіе города { понятіе о предмѣстьи. Въ понятіи города соединились представленія о мѣстности, лежавшей внутри городской ограды, и заселенной мѣстности, прилегавшей къ этой оградѣ, то-есть, позднѣйшія понятія „осады“ и „посада“ или „мѣста“. Сознаніе о различіи заселенной мѣстности внутри городской ограды и внѣ ея еще не опредѣлилось. и потому объ мѣстности, какъ прилегавшія къ городу-укрѣпленію, соединились въ одно понятіе, на которое было перенесено названіе города. Въ послѣдствіи, различіе осады и посада, какъ особенныхъ предметовъ было сознано, и эти мѣстности названы особенными словами: мѣстность внутри укрѣпленія названа была „осадою“, внѣ ея — „посадою“, слободою и проч.“; но въ цѣломъ объ мѣстности составляли, по прежнему, одинъ предметъ, одно понятіе, по прежнему носившее названіе города. Такъ слово городъ стало означать не только укрѣпленный пунктъ, но и всѣ мѣстности, къ нему прилегавшія, ему принадлежавшія, занятія однимъ родомъ или племенемъ и составлявшія территорію данной общины. Перегородья или пригороды, будучи городами, въ смыслѣ отдѣльных укрѣпленій, входили въ понятіе старѣйшаго города, какъ его составныя части; напримѣръ, въ понятіе города Чернигова входили представленія о внѣшнемъ и внутреннемъ городахъ, въ понятіе города Владиміра представленія о Печернемъ и Новомъ городахъ; въ понятіе Москвы — представленія о Бѣломъ городѣ, Китай-городѣ, Земляномъ и Деревянномъ городахъ, и т. д. Съ образованіемъ пригородовъ, удаленныхъ отъ старѣйшихъ городовъ на значительное разстояніе, а равно, съ появленіемъ въ промежуткахъ между городами сельскихъ, не укрѣпленныхъ поселеній, на нихъ переходило названіе города, какъ на части цѣлаго. Въ конечномъ развитіи, понятіе старѣйшаго города заключаетъ въ себѣ представленіе всей территоріи, занятой извѣстнымъ племенемъ или общиной, пользовавшеюся политическою автономіей, примыкавшею къ данному укрѣпленному пункту, какъ центру правительственному, со всѣми посадами, городами, пригородами, селами и починками, на ней находившимися.

ски изъ территоріи государства; каждый могъ пріобрѣсти землю на посадѣ и поселиться на ней, а равно оставить посадъ, когда ему угодно; законъ не запрещалъ расширять размѣры стараго города или построить при укрѣпленіи существовавшемъ новое укрѣпленіе и тѣмъ превратить посадъ въ городъ. Съ разрушеніемъ укрѣпленій, посадъ превращался въ поселеніе, удаленное отъ городовъ, не укрѣпленное, и потому переходилъ въ разрядъ сельскихъ поселеній.

Юридическое выдѣленіе посадовъ изъ ряда другихъ поселеній на государственной территоріи является со времени образованія въ государствѣ сословія служилыхъ людей, съ одной стороны, и крестьянскаго сословія, съ другой, подъ вліяніемъ политики Московскихъ государей, когда масса народонаселенія государства была раздѣлена на юридически разграниченныя группы, и каждой изъ нихъ былъ назначенъ особый видъ дѣятельности и особенныя мѣста жительства, перемѣнить которыя никто не имѣлъ права безъ воли государства. Въ періодъ Московскаго государства большинство древне-русскихъ городовъ-осадъ и всѣ города, вновь основанные князьями, получаютъ значеніе исключительно военно-административныхъ пунктовъ; въ нихъ помѣщаются воеводы, служилые, военные и приказные люди, осадные дворы, куда перебирались уѣздное населеніе во время нашествія непріятеля, и правительственныя учрежденія: приказыныя избы, губныя избы, тюрьмы и сторожки, а также погреба съ пороховою и свинцовою казною и запасные склады. Наоборотъ, посады въ то же время получаютъ значеніе центровъ общественной жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова; на нихъ сосредоточиваются классы промышленныхъ людей и общинныя учрежденія: классы торговыхъ, ремесленныхъ и чернорабочихъ людей, тяглые люди, гостинные дворы; земскія избы, таможни. Посадскіе и уѣздные люди перебирались въ городъ-осаду только временно, во время нашествія непріятеля.

Каждый изъ древне-русскихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, то-есть, въ понятіи, заключавшемъ въ себѣ понятія осады и посада, какъ составныя части, имѣлъ тройное значеніе: 1) значеніе центра военной администра-

власть (волость, или землю Новгородскую) ~~Григоръ~~ раздая мужемъ своимъ грады: *овому Полотескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро*“; „перяя всю землю Муромску и Ростовску, и посажа посадники *по городамъ*“; „сѣдѣша Ростиславичема въ княженіи земля Ростовская, раздаяла бѣста *по городамъ* посадничество Русьскимъ дѣтскимъ“; „Всеволодъ Черный сѣде въ Кіевѣ, надѣяся на свою силу, и посла посадники по всѣмъ *городамъ* Кіевскимъ“ ⁵¹⁾ и т. д. Итакъ, уже въ глубокой древности, слово *городъ* получило значеніе территоріальнаго дѣленія, и при этомъ употребляется въ источникахъ въ двухъ смыслахъ: 1) въ смыслѣ совокупности территорій, занятыхъ политическимъ союзомъ, пользовавшимся самостоятельностью: это старѣйшіе города, съ подвластными имъ землями; и 2) въ смыслѣ мѣстнаго, провинціальнаго дѣленія: это пригороды, съ тянувшими къ нимъ округами, имѣвшими въ древности, по отношенію къ старѣйшимъ городамъ, значеніе провинцій.

Совокупность мѣстностей, составлявшихъ территорію даннаго общественнаго союза, подчиненную извѣстному пункту, какъ центру правительственному или административному, „тянувшихъ“ къ нему, рядомъ съ названіемъ города называлась въ древности и другими словами: *миръ, земля, волость, княжество, воеводство*.

Словомъ *миръ* въ древности, какъ и въ настоящее время въ народномъ языкѣ, называлась община, союзъ лицъ, въ основаніи взаимныхъ отношеній сочленовъ котораго долженствовало лежать соглашеніе, согласіе, миръ. Въ переносномъ смыслѣ, міромъ называлась земля, занятая общиною [мирская земля — то же, что общинная земля). Отсюда, понятіе *города* въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія, и понятіе *мира*, въ переносномъ смыслѣ, являются тождественными, а потому, въ источникахъ, слова *миръ* и *городъ* замѣняютъ одно другое. Такъ, въ Русской Правдѣ, по списку академическому, имѣется слѣдующее постановленіе: „аще поиметь кто чюжь конь, либо оружіе, либо портъ, а познаетъ *въ своемъ миру*: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду“ ⁵²⁾; въ спискѣ

⁵¹⁾ П. С. Р. Л. I. стр. 9, 108, 159, 180.

⁵²⁾ Р. Пр., ст. 12.

Троицкомъ, въ подобномъ же постановленіи, слово *миръ* замѣнено словомъ *городъ*: „аще кто конь погубить, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ*, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны“⁵³). Слова *городъ* и *миръ* выражали собою одно и то же понятіе; одинъ предметъ, указывая только на различныя его стороны: первое на происхожденію союза, второе на образъ взаимныхъ отношеній его сочленовъ.

По отношенію въ содержанію, городъ въ территориальномъ смыслѣ носилъ простѣйшее названіе *земли*. Обыкновенно, слово *земля*, въ смыслѣ мѣстности, занятой общиною, упоминается въ памятникахъ рядомъ съ названіемъ пункта, служащаго политическимъ средоточіемъ общины, опредѣляющимъ собою понятіе земли въ данномъ случаѣ, напримѣръ: земля Кіевская, земля Ростовская, земля Деревская и т. д. Но такъ какъ, въ древнѣйшее время, старѣйшіе города, съ ~~подвластными имъ землями~~, были заселены отдѣльными славянскими племенами, еще не перемѣшавшимися другъ съ другомъ, то въ древнѣйшее время названіе центральнаго пункта, какъ опредѣленіе земли, могло быть замѣняемо, и дѣйствительно замѣнялось, названіемъ того племени, изъ котораго состояла политическая община; напримѣръ, вмѣсто земля Новгородская, земля Кіевская, земля Черниговская, земля Деревская, говорили: земля Славянъ-Новгородцевъ, земля Полянъ, земля Сѣверянъ, земля Древлянъ и т. д., и наоборотъ⁵⁴). Земля имѣла въ древности значеніе такой же опредѣленной, юридической единицы, какъ и городъ, въ смыслѣ мѣстности, занятой извѣстною общиною, какъ это видно изъ древнихъ постановленій, отождествляющихъ понятіе о городѣ съ понятіемъ о землѣ; напримѣръ: „аже будетъ во единомъ городѣ: то ити истыцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода,.... а изъ своего города въ чюжу землю свода нѣтуть“; „пришедъ гость изъ иного города или чужеземець“⁵⁵) и проч.

⁵³) Ст. 28. Спис. Карамзинскій ст. 29.

⁵⁴) Костомарова, Начало единой державы въ древней Руси, въ *Вѣстникъ Европы* 1870 г., ноябрь, стр. 28.

⁵⁵) Русская Правда, спис. Троиц., ст. 31, 35, спис. Карамз., ст. 32, 36, 69.

княжества, государства, по отношенію къ верховной власти союза. — различались старѣйшій городъ, какъ политическій, правительственный центръ общины, мѣсто пребыванія верховной власти союза, и младшіе города или пригороды, какъ мѣстные, провинціальныя административныя центры, подвластные старѣйшему городу.

Съ водвореніемъ въ краѣ варяго-русскихъ князей, произошла важная перемѣна въ политической системѣ древне-славянскихъ городовъ. Олегъ, по завоеваніи Кіева, избралъ этотъ городъ мѣстомъ своего пребыванія, а въ остальныхъ, завоеванныхъ имъ славянскихъ городахъ, посадилъ своихъ мужей-дружинниковъ, въ качествѣ правителей-наместниковъ. При этомъ, Олегъ изъявилъ желаніе поставить всѣ покоренныя имъ города, не исключая и старѣйшихъ, по отношенію къ Кіеву, въ положеніе младшихъ къ старшему, пригородовъ къ городу старѣйшему. Такой смыслъ имѣетъ объявленіе Кіева „матерью городовъ русскихъ“ ⁶⁰). Этимъ устанавливалась новая степень въ іерархіи древне-славянскихъ городовъ: прежніе, независимые, старѣйшіе города Славянскихъ племенъ, покоренные Олегомъ, поставлены ниже Кіева, въ зависимость отъ него, въ качествѣ младшихъ, пригородовъ. Кіевъ долженъ былъ получить то значеніе, какое въ XVI столѣтіи получила Москва въ отношеніи княжествъ удѣльнаго періода. Но послѣдующее размноженіе Рюрикова дома, и вслѣдствіе того, раздѣленіе Россіи на независимыя другъ отъ друга удѣлы не дали возможности осуществиться мысли Олега. Съ размноженіемъ княжескаго рода, старѣйшимъ городамъ возвращается то значеніе, какое имѣли они въ эпоху призванія Рюрика. Князья дѣлятъ Кіевскую державу на части и основываютъ „стоны“ въ прежнихъ центрахъ политической жизни Славянскихъ племенъ, въ городахъ старѣйшихъ. Спустя десяти лѣтъ послѣ Олега, старѣйшіе города Россіи являются такими-же полномочными представителями подвластныхъ земель, какъ и въ эпоху завоеванія ихъ Олегомъ. Пригороды, какъ и прежде, тянули къ старѣйшимъ городамъ и составляли съ

⁶⁰) «Сяде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ»: «се буди мати градомъ Русскимъ». П. С. Р. Л., I, 10.

ними одно политическое тѣло; старѣйшіе города заслоняютъ передъ княземъ пригороды, сносившіеся съ княземъ чрезъ посредство старѣйшаго города; воля народа, выраженная въ рѣшеніи народнаго собранія, вѣча въ старѣйшемъ городѣ, почиталась за волю всего населенія волости, а потому и рѣшеніе считалось обязательнымъ для всей земли; посады, пригороды, селенія, подвластные старѣйшему городу, имѣли на столько значенія въ общеземскихъ дѣлахъ, на сколько ихъ воля могла проявиться въ рѣшеніяхъ старѣйшаго города.

Слѣдовательно, не смотря на водвореніе въ краѣ варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, не смотря на возникновеніе новыхъ городскихъ поселеній, основанныхъ призванными князьями, прежнее понятіе о цѣльности земель, городовъ, волостей, и о прежнихъ вѣчевыхъ центрахъ, какъ правительственныхъ пунктахъ, сохраняется въ полной силѣ. „Новыя городскія поселенія становятся пригородами болѣе древнихъ городовъ, и сами князья подчиняются общему складу народной жизни: вѣчевые центры они считаютъ городами старѣйшими, пригороды, старыя или вновь образовавшіеся, столами младшими, и князей сидящихъ на послѣднихъ, князьями, сподручными тому князю, который занимаетъ главный столъ“ ⁶¹⁾.

Въ силу сказаннаго, удѣльная система не нарушила древняго дѣленія земель, занятыхъ Русскими Славянами, на старѣйшіе города и пригороды, не нарушила и отношеній, искони установившихся между ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились древнія понятія о городѣ, и въ томъ числѣ понятіе о городѣ, въ смыслѣ территоріи, ~~занятой общиною~~, которая пользовалась политической автономіей, то-есть понятіе земли, волости, княжества, государства. Употребленіе слова городъ, въ смыслѣ государственной территоріи, уничтожилось въ языкѣ только тогда, когда княжества, государства, волости удѣльнаго періода соединились въ одно государство, когда Москва получила значеніе единаго старѣйшаго города въ Россіи, а старѣйшіе города древнѣйшей Россіи стали къ

⁶¹⁾ Антоновичъ «О городахъ юго-западной Россіи» стр. 3.

ней въ отношенія древнихъ пригородовъ къ городамъ старѣйшимъ, получили значеніе провинцій.

Съ объединеніемъ Россіи подъ властію князей Московскихъ, Москва поглотила политическую жизнь княжествъ удѣльнаго періода: удѣльныхъ князей замѣнилъ великій князь Московскій; удѣльные князья и бояре, кромѣ изгнанныхъ, переведены въ Москву и поступили въ составъ „думъ“ великаго князя; изъ низшаго дворянства высшій слой, подъ названіемъ „дворянъ по выбору“ и „жильцевъ“, составилъ великокняжескую стражу; высшій слой ~~промышленнаго класса~~ также переведенъ въ Москву подъ названіемъ „гостей“, „гостинной“ и „суконной сотень“. Политическая функція народа изъ старѣйшихъ городовъ древнѣйшей Россіи переносится въ Москву: древнія вѣча съ политическимъ характеромъ уничтожаются въ удѣльныхъ княжествахъ и замѣняются земскими соборами въ Москвѣ, получившими по своему составу и политическому значенію, характеръ отличный отъ вѣчевыхъ собраній древней Россіи. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ городовъ-государствъ Новгорода, Вятки и Пскова, Москва сдѣлалась въ Россіи единымъ „царствующимъ градомъ“ и стала „указывать“ всѣмъ остальнымъ городамъ, вошедшимъ въ составъ Москвы, Московскаго государства. Когда смуты въ началѣ XVII столѣтія дали провинціямъ возможность вспомнить о прежнихъ правахъ въ дѣлѣ избранія государя, то патріархъ Гермогенъ, отвѣчалъ выраженіями, ярко очерчивающими полное поглощеніе политическаго значенія древнихъ старѣйшихъ городовъ Москвою: „дотошъ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ ⁶²⁾. Въ присоединенныхъ къ Москвѣ государствахъ Московскіе князья не оставили никакихъ учреждений, около которыхъ могла-бы сохраниться политическая жизнь ⁶³⁾.

Города-княжества или города-государства древней Россіи

⁶²⁾ Ак. Арх. Эксп., II, стр. 290, № 169.

⁶³⁾ См. *Градовскаго*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, глава IV; *Лохвицкаго*, Губернія, I, стрн. 30 и слѣд.

превратились въ города-пригороды или города-провинціи Москвы, получившей значеніе стольнаго, старѣйшаго города всѣхъ княжествъ и государствъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Москва сдѣлалась единымъ старѣйшимъ, стольнымъ городомъ, столицею земли Русской, а стольные, старѣйшіе города удѣльной Руси потеряли ихъ политическое значеніе и были сведены къ значенію административныхъ провинціальныхъ единицъ. Въ началѣ Московскіе князья, довольствуясь уничтоженіемъ политической жизни въ присоединенныхъ къ Москвѣ государствахъ, оставляли предѣлы этихъ государствъ, получившихъ значеніе провинцій, въ томъ объемѣ, какой они имѣли до присоединенія къ Москвѣ; но потомъ политика измѣняется. Мало по малу, крупныя областныя дѣленія, княжества и государства удѣльной Руси раздробляются на множество административныхъ округовъ, поставленныхъ въ непосредственное отношеніе къ Москвѣ; историческая связь между старѣйшими городами и ихъ пригородами прерывается: многіе изъ послѣднихъ выведены изъ подчиненія первымъ и поставлены относительно Москвы въ положеніе, равное положенію старѣйшихъ городовъ. Къ половинѣ XVII столѣтія число городовъ, непосредственно сносившихся съ Москвою, возрасло до двухъсотъ ⁶⁴). Каждый городъ-округъ состоялъ изъ центрального пункта и приписаннаго къ нему уѣзда, носившаго, подобно волости удѣльнаго періода, названіе центрального пункта и состоявшаго изъ извѣстнаго количества разнородныхъ поселеній: посадовъ, пригородовъ, селъ, деревень, починковъ. Эти города-округи или города-уѣзды представляли собою высшее административное дѣленіе территоріи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Въ силу сказаннаго, съ объединеніемъ Россіи, слово *городъ*, въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія, потеряло значеніе территоріи, занятой общиною, пользующеюся политической автономіей, и сохранило только значеніе провинціального, административнаго

⁶⁴) Ср. Ак. Истор., II, № 355; Кн. Разряд., II, стр. 888 — 936; Двор. Разр., I, стрн. 730—746.

дѣленія государственной территоріи, что и продолжалось до новаго административнаго раздѣленія государственной территоріи въ XVIII столѣтіи. Новыя названія территориальныхъ дѣленій: убернія, провинція, уѣздъ и проч. вытѣснили собою употребленіе слова городъ въ смыслѣ территориальнаго дѣленія. Въ новой Россіи слову городъ стали соответствовать два новыя понятія, неизвѣстныя въ древности: 1) значеніе центра мѣстной администраціи, объявленнаго городомъ со стороны правительства, и 2) значеніе промышленнаго пункта, признаннаго таковымъ правительствомъ. Не требовалось, чтобы эти пункты были укрѣплены: для образованія города требовалось только, чтобы законъ объявилъ данныя мѣстности городами, въ качествѣ административныхъ или промышленныхъ центровъ. Зародились такія понятія о городѣ еще въ древней Россіи, но созданы и утверждены законодательствомъ только въ XVIII столѣтіи.

Города древней Россіи, въ смыслѣ территориальныхъ, провинціальныхъ дѣленій, какъ мы замѣтили, состояли изъ центральныхъ пунктовъ и совокупности тянувшихъ къ нимъ поселеній, составлявшихъ собою ихъ округа, волости или уѣзды. Центральныя пункты, прежде всего имѣли значеніе крѣпостей, военныхъ центровъ, въ которыхъ укрывалось и защищалось населеніе округа отъ внѣшнихъ нападѣній, и въ силу такого значенія носили названіе городовъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Но города, въ послѣднемъ смыслѣ, съ глубокой древности имѣли значеніе не только военныхъ центровъ, но и центровъ администраціи: они были мѣстами соприкосновенія народа съ властью, средоточіями гражданскаго управленія, суда, финансовъ, народной промышленности. Тѣмъ не менѣе, центральныя пункты территориальныхъ дѣленій, не смотря на ихъ административное значеніе, назывались городами не въ силу своего административнаго значенія, а въ силу значенія военнаго, какъ крѣпости, убѣжища народа во время опасности отъ внѣшнихъ враговъ.

Съ теченіемъ времени, наоборотъ, признакомъ города, какъ провинціальнаго, уѣзднаго центра, является не военное значеніе его, а административное, какъ мѣстопребываніе мѣстныхъ вла-

стей, какъ центра соприкосновенія народа съ властью, какъ средоточія гражданского управленія, суда, финансовъ.

Такая перемена въ значеніи городовъ была слѣдствіемъ вліянія новыхъ историческихъ условій народной жизни. Въ древности не было центровъ провинціальной, уѣздной администраціи, не укрѣпленныхъ. Общественныя власти, имѣвшіе всеуѣздное значеніе, помѣщались всегда въ городахъ, мѣстахъ укрѣпленныхъ, болѣе безопасныхъ. Въ послѣдствіи времени, съ разширеніемъ предѣловъ государства, съ укрѣпленіемъ границъ государственной территоріи, съ развитіемъ учрежденія пограничной стражи, съ увеличеніемъ личныхъ средствъ военной защиты, нужда въ укрѣпленныхъ пунктахъ во внутреннихъ областяхъ государства значительно уменьшается; съ другой стороны, изобрѣтеніе пороха и пушекъ сдѣлало древнія деревянныя укрѣпленія русскихъ городовъ мало надежными средствами защиты. Въ силу этихъ обстоятельствъ, число укрѣпленныхъ пунктовъ древней Россіи быстро уменьшается, и древніе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, превращаются въ поселенія не укрѣпленныя. Къ половинѣ XVII столѣтія, въ большинствѣ древне-русскихъ укрѣпленныхъ поселеній укрѣпленія разрушены временемъ и вновь не были возобновлены, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти поселенія теряютъ значеніе военныхъ центровъ, крѣпостей. Но съ потерю укрѣпленій, не всѣ изъ древнихъ городовъ-крѣпостей теряютъ названіе городовъ: тѣ изъ нихъ, которые оставались центрами мѣстнаго, провинціального управленія, по традиціи, по старой привычкѣ, продолжали называться городами, хотя, съ потерю укрѣпленій, эти поселенія теряли значеніе города-крѣпости, военного центра. При дальнѣйшемъ увеличеніи количества не укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, имѣвшихъ значеніе административныхъ центровъ, и съ другой стороны, при пропорціональномъ уменьшеніи центровъ администраціи укрѣпленныхъ, слово *городъ* теряетъ значеніе военного центра, укрѣпленного пункта, и замѣняется словомъ *крѣпость*, а въ замѣнъ того, получаетъ значеніе центра администраціи, пункта помѣщенія мѣстныхъ, провинціальныхъ, уѣздныхъ властей. Такое значеніе придано слову *городъ* уже въ первомъ

раздѣленіи Россіи на губерніи и уѣзды, при Петрѣ Великомъ. Съ того времени, рядъ узаконеній учреждаетъ города въ однихъ мѣстахъ и упраздняетъ въ другихъ, руководствуясь удобствами внутренняго, гражданскаго управленія государствомъ, а не мотивами защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Такъ, въ 1764 году, было послано губернаторамъ предписаніе доставить въ столицу свѣдѣнія о томъ, какіе города можно уничтожить, какъ удобнѣе разграничить уѣзды, гдѣ можно учредить комиссарства съ штатнымъ числомъ канцелярскихъ служителей, гдѣ нужно оставить магистраты и ратуши, не выключая изъ этого числа и тѣхъ городовъ, которые по новому распредѣленію предполагалось оставить безъ уѣздовъ, чтобъ эти города не пришли въ упадокъ; съ другой стороны, если бы оказалось, что города, оставленные прежде за штатомъ, удобнѣе для управленія, то ихъ возстановить въ прежнемъ значеніи, а вмѣсто ихъ исключить другіе: „которые города хотя и выключены изъ штата, но способностію для учрежденія воеводскихъ канцелярій лучше, то таковыя назначать, а неспособно лежащіе, хотя бы оны и въ штатномъ числѣ состояли, исключить“ ⁶⁵⁾. На основаніи этого указа, по полученіи отъ губернаторовъ требуемыхъ свѣдѣній, былъ составленъ списокъ городамъ, положеннымъ въ „штатъ“, то-есть, пунктамъ, назначеннымъ административными центрами (всего 165 городовъ и 13 пригородовъ), и другой списокъ городамъ, лишеннымъ этого значенія, оставленнымъ „за штатомъ“ (всего 51 городъ). Для образованія центровъ администраціи, многіе посады и селенія переименованы въ города, нѣкоторые города основаны на пустыхъ, не заселенныхъ пунктахъ, признанныхъ „способными“. У города, признаннаго „неспособно лежащимъ“, отнимался штатъ уѣзднаго управленія, приписанный до того времени къ нему округъ-уѣздъ дѣлался вмѣстѣ съ нимъ подвѣдомственнымъ сосѣднему штатному городу, и такимъ образомъ, городъ превращался въ сельское поселеніе, если за нимъ не сохранялось правъ города въ другомъ отношеніи, въ значеніи привилегированнаго пункта мѣстной про-

⁶⁵⁾ Полн. Собр. Зак., XVI, № 12259.

мысленности, какъ „безопаснаго пристанища торго и рукодѣлій“.

Такимъ образомъ слово городъ получило значеніе центра администраціи, учреждаемаго правительствомъ, и это значеніе ~~остае-~~
~~ся за нимъ~~ и до настоящаго времени. Въ такомъ-то значеніи слово городъ употреблено въ слѣдующемъ предписаніи императрицы Екатерины II, обращенномъ къ комиссіи о „порядкѣ государства въ силѣ общаго права:“ „предметъ права общаго есть... учрежденіе и распредѣленіе частей цѣлаго общества для лучшаго наблюденія въ немъ порядка: 1) въ раздѣленіи всего государства на намѣстничества, или губерніи; 2) въ раздѣленіи намѣстничествъ на области или провинціи; 3) въ раздѣленіи областей на уѣзды; 4) *уѣздъ предполагаетъ городъ*. Слѣдовательно, *надлежитъ означить степени городамъ*“ ⁶⁶).

Въ настоящее время города, въ смыслѣ административныхъ пунктовъ, имѣютъ двѣ степени: 1) губернскіе или областные и 2) уѣздные. Различіе между ними основано на отношеніи, въ которомъ они поставлены правительствомъ къ администраціи края: въ губернскомъ городѣ сосредоточивается администрація всей губерніи, или области, въ уѣздномъ—администрація ея части, уѣзда.

Рядомъ съ значеніемъ центра провинціальной администраціи, слово городъ, въ новое время, получило значеніе привилегированнаго *пункта народнаго поселенія, какъ центра торговаго и ремесленнаго*. Въ древнѣйшій періодъ русской исторіи, городъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго, заселеннаго пункта, заключалъ въ себѣ двѣ части; 1) мѣсто внутри укрѣпленія — городъ собственно, „городская осада“, и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его,—мѣста, посады, слободы. Историческое происхожденіе послѣднихъ было слѣдующее: по инициативѣ самого народа или по распоряженію правительства, въ данной мѣстности, долженствовавшей сдѣлаться пунктомъ народнаго поселенія, сооружалось городское укрѣпленіе; первоначальный выселокъ селился, осаживался, *осаждался* внутри укрѣпленія,

⁶⁶) Начертаніе о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, ч. I.

образуя „городную осаду“. Съ теченіемъ времени, размѣры пространства земли, обнесенной оградой, становились недостаточными, чтобы вмѣстить въ себѣ увеличившееся населеніе первоначальнаго города: выселокъ размножался путемъ народженія новыхъ членовъ, подъ защиту новаго города-укрѣпленія приходили выходцы изъ сосѣднихъ городовъ и селеній, а потому, бѣднѣйшіе члены общины и новые пришельцы принуждены были выходить за стѣны города и *садиться на свободу*, то-есть, на *мѣстахъ* внѣ городского укрѣпленія, образуя собою заселенныя мѣстности, окружавшія городъ-осаду (кремль, кремъ, крокъ, кроменный городъ, кремникъ, дѣтинецъ) и носившія, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, различныя названія: *мѣста, застѣнья, околотки, охабни, слободы и посады*. Такимъ образомъ, съ самаго начала образованія посадовъ, въ нихъ должны были сосредоточиваться бѣднѣйшіе классы народонаселенія. Такими мы и встрѣчаемъ посады въ историческое время: въ нихъ живетъ преимущественно промышленный, торговый, ремесленный и чернорабочій классы, въ противоположность городамъ-осадамъ, какъ преимущественнымъ мѣстамъ жительства богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ классовъ: князей, бояръ, высшаго духовенства, служилыхъ людей.

Первоначально посады отличались отъ другихъ видовъ народныхъ поселеній только фактически, а не юридически. Всѣ поселенія древнѣйшей Россіи представляли собою лѣстницу фактическихъ различій, ступени которой не были замкнуты юридически, то-есть, опредѣлены законодательствомъ: по мѣрѣ увеличенія населенія, богатства, данное поселеніе само собою поднималось на слѣдующую степень, и починакъ, переходя ступени деревни, села, рядка, достигалъ значенія города, внѣшнимъ образомъ выражавшагося въ построеніи укрѣпленій; точно также, поселеніе высшаго порядка могло спуститься къ значенію низшаго, подъ вліяніемъ чисто фактическихъ условій; такимъ образомъ, какъ скоро исчезало укрѣпленіе въ данномъ поселеніи, оно теряло значеніе города, или переставало вовсе называться именемъ города, или безразлично называлось то городомъ, то сельскимъ поселеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и земля посадовъ не была выдѣлена юридиче-

не обратили на себя вниманія ученыхъ того времени. Никто не считалъ нужнымъ посвятить свой трудъ собранію и критической обработкѣ историческихъ свидѣтельствъ въ отношеніи количества и политическаго значенія древне-славянскихъ городовъ и тѣмъ провѣрить господствовавшія въ наукѣ воззрѣнія ²⁾. Съ появленіемъ изслѣдованій Шафарика о славянскихъ древностяхъ сдѣлалось яснымъ, что въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ была несравненно большая и населенность и образованность и общественная дѣятельность, нежели какъ думали Шлецеръ, Карамзинъ и ихъ послѣдователи, что земли, кои заняты были славянскими племенами и вошли въ составъ Россіи заключали въ себѣ много городовъ задолго до прибытія Варяговъ ³⁾

Со времени Шафарика стали появляться въ ученой литературѣ спеціальныя изслѣдованія о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода. Изучая и сравнивая эти изслѣдованія, нельзя не замѣтить, что съ появленіемъ каждаго изъ нихъ, списокъ городовъ древнѣйшей Россіи увеличивался, соотвѣтственно разширенію круга источниковъ, которыми пользовались авторы.

Такъ М. А. Соловьевъ, желая пополнить замѣченный имъ недостатокъ инвентаря древней земли русской въ ученой литературѣ своего времени, насчиталъ до 150 городовъ въ Россіи до XIII вѣка ⁴⁾.

Авторъ пользовался только однимъ спискомъ нашихъ лѣтописей, Кенигсбергскимъ, какъ доказываетъ сличеніе его списка городовъ съ географическимъ указателемъ, помѣщеннымъ въ академическомъ изданіи помянутаго списка ⁵⁾.

М. П. Погодинъ, въ изслѣдованіи „о городахъ и предѣлахъ первыхъ русскихъ княжествъ“ насчитываетъ уже до 300 городовъ въ Россіи до татарскаго времени ⁶⁾.

Погодинъ пользовался двумя списками нашихъ лѣтописей,

²⁾ См. выше.

³⁾ Слав. Древн. т. I, кн. II, стр. 418—420, т. II, кн. I стр. 237 и др.

⁴⁾ Энцикл. Лексик. т. XV, стр. 16 и 17.

⁵⁾ Лѣтопись Нестора съ прод. по Кен. сп. 1767 г. «Реестръ».

⁶⁾ Изслѣд. Замѣч. и Лекц. т. IV, III, стр. 148—323.

ці, 2) значеніє центра гражданской администраціи и 3) значеніє пункта общественной жизни. Въ качествѣ военнаго центра, городъ былъ пунктомъ помѣщенія военныхъ учреждений и мѣстомъ жительства лицъ, принадлежавшихъ къ военному сословію; въ качествѣ центра администраціи гражданской, городъ является мѣстомъ помѣщенія учреждений гражданского управленія и мѣстомъ жительства приказныхъ людей, властей гражданскихъ; въ качествѣ центра общественной жизни, городъ былъ мѣстомъ жительства общины, лицъ неслужившихъ, принадлежавшихъ къ промышленнымъ классамъ, и мѣстомъ помѣщенія общинныхъ учреждений. Въ періодъ Московскаго государства, мѣстомъ пребыванія лицъ служилого сословія, военныхъ и приказныхъ людей, сдѣлалась внутренняя часть города, осада, мѣсто внутри укрѣпленія, а промышленные классы сосредоточились на внѣшней части города, внѣ ограды, на посадахъ. Съ паденіемъ въ данномъ городѣ укрѣпленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ утратой имъ значенія военнаго центра, за городомъ оставались только два значенія: 1) центра мѣстной гражданской администраціи, 2) центра общинной жизни, пункта народнаго поселенія, населеннаго промышленными людьми. Наконецъ, съ утратою значенія центра мѣстнаго, гражданского управленія, за городомъ оставалось только одно значеніе—значеніе общественное, какъ пункта народнаго поселенія, населеннаго промышленными, тяглыми людьми.

Съ разрушеніемъ укрѣпленій въ данномъ городѣ, съ потерей имъ значенія центра военнаго и административнаго, внутренняя его часть, осада, теряла прежнее значеніе и обращалась въ посадскую землю; служилые люди и военныя, правительственныя учрежденія переводились въ другой городъ, а прежній, съ того времени, въ полной цѣлости, получалъ значеніе, а съ нимъ и названіе посада. Въ древнѣйшей Россіи посады были только пригородными поселеніями, расположенными возлѣ городскихъ укрѣпленій, подъ ихъ защитою; посадовъ, удаленныхъ отъ городовъ, мы не видимъ въ древности до времени образованія Московскаго государства. Въ смыслѣ поселеній, населенныхъ промышленными людьми, существующихъ отдѣльно отъ городовъ,

отъ нихъ удаленныхъ, посады явились результатомъ уничтоженія военнаго и административнаго значенія въ древне-русскихъ городахъ: городское поселеніе, въ которомъ время или нашествіе непріятеля, или распоряженіе правительства уничтожали укрѣпленія и отнимали значеніе центра гражданскаго управленія, теряло названіе города и называлось посадомъ или слободою, пока не возвращалось къ нему прежнее значеніе. Въ новой Россіи, при новыхъ раздѣленіяхъ государственной территоріи на губерніи и уѣзды, у многихъ изъ древнихъ городовъ отнято правительствомъ значеніе центровъ военныхъ и административныхъ, но при этомъ не отнято названіе городовъ. Подъ именемъ городовъ заштатныхъ эти поселенія уравнины съ древними посадами: заштатные города были народными поселеніями, населенными преимущественно торговыми, ремесленными и чернорабочими людьми, то-есть, промышленными центрами, пользовавшимися различными правами и преимуществами, отличавшими ихъ отъ поселеній сельскихъ. Съ этого времени, слово *городъ* стало означать привилегированный пунктъ народнаго поселенія, въ качествѣ промышленнаго центра надѣленный разными правами и соотвѣствующими правамъ обязанностями и получившій характеръ юридическаго лица, основаннаго правительствомъ. Последнее значеніе утверждено за городомъ по законодательству Императрицы Екатерины II и сохраняется за нимъ до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ значеній, какія соотвѣтствовали слову *городъ* въ прямомъ смыслѣ или мѣстномъ, къ концу прошедшаго столѣтія остались за нимъ только два: 1) значеніе центра провинціальной администраціи, учреждаемаго правительствомъ, и 2) значеніе центра промышленной жизни общества, пункта поселенія, признаннаго городомъ правительствомъ, населеннаго торговыми и ремесленными людьми и получившаго отъ правительства атрибуты юридическаго лица.

Отъ мѣста жительства названіе города перешло на его обитателей, и городомъ стали называться различныя общественныя союзы, члены которыхъ были связаны общими отношеніями съ

мѣстностью, носившею названіе города въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами значеній. Слово *городъ* стало означать населеніе мѣстностей, называвшихся городами въ мѣстномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописяхъ нерѣдко читаемъ извѣстія въ родѣ слѣдующаго: Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ „взяша Всеволожъ градъ на щить, и ина въ немъ бѣста два города вошла. Слышавше иніи гради, Уненѣжъ, Бѣлавѣжа, Бохмачъ, оже Всеволожъ взять, и побѣгоша Чернигову, и иніи гради мнози бѣжаша. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, послаша по нихъ и постигоша на поли, и ту взяша ты три города, а иніи уйдоша, Изяславъ же повелѣ засечи грады ты“⁶⁶⁾. По поводу этого мѣста лѣтописи Неволинъ замѣтилъ: „Глазамъ читателя представляется здѣсь чудная фантазмагорія: «города» бѣжать, «города» скрываются въ «городахъ», «города» ловить Изяславъ на полѣ; но фантазмагорія исчезаетъ, какъ скоро мы вспомнимъ, что все это надобно разумѣть о «жителяхъ города»⁶⁷⁾.

При помощи предложеннаго очерка историческаго развитія мѣстныхъ значеній слова *городъ*, не трудно опредѣлить фазисы развитія значеній переносныхъ, личныхъ, такъ какъ понятіе о городѣ въ переносномъ смыслѣ развивалось соотвѣтственно развитію понятія о городѣ въ прямомъ смыслѣ.

Между мѣстными значеніями слова *городъ*, первоначальнымъ, древнѣйшимъ было значеніе укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія; между переносными, личными, ему соотвѣтствуетъ представленіе населенія укрѣпленнаго пункта. Последнее значеніе слово *городъ* имѣетъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „убьенъ бысть князь Изяславъ и вземше тѣло его, привезоша и въ ладьи и поставиша противу Городѣцю: *изидѣ противу ему весь городъ Кыевъ*“ и пр.⁶⁸⁾.

Съ постепеннымъ расширеніемъ мѣстнаго понятія о городѣ, расширялось постепенно и переносное, захватывая въ себя населеніе мѣстностей, прилегавшихъ и тянувшихъ къ первоначально-

⁶⁶⁾ П. С. Р. Л. II. стр. 36, 1147 г.

⁶⁷⁾ Пол. Соб. Соч., VI, 28.

⁶⁸⁾ Пол. С. Р. Л. I, 86, 1078 г.

ну, старѣйшему городу, увеличивавшее собою общину первоначальнаго, старѣйшаго города. Въ конечномъ развитіи, городъ въ территориальномъ смыслѣ означаетъ совокупность всѣхъ мѣстностей, занятыхъ данною общиною, куда входили, какъ составныя части, города, посады, села, деревни и починки; соотвѣтственно тому, городъ, въ личномъ смыслѣ, сталъ означать совокупность обитателей всѣхъ мѣстностей, составлявшихъ собою территорію извѣстнаго политическаго союза, куда входили, какъ составныя части, представленія о жителяхъ старѣйшаго города и жителяхъ его посадовъ, пригородовъ, сель, деревень и починовъ. Слово городъ стало означать личный элементъ политическаго союза, населеніе всѣхъ мѣстностей, занятыхъ общиною. Такое значеніе слову городъ имѣеть, напримѣръ, въ извѣстномъ разсказѣ летописи объ отношеніяхъ старѣйшихъ городовъ къ пригородамъ⁶⁹). Въ упоминаемомъ извѣстіи, какъ и въ другихъ, ему подобныхъ, подъ городами-волостями должно разумѣть не только населеніе Новгорода, Смоленска, Полоцка, Ростова, Чернигова и т. д. городовъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, но населеніе этихъ пунктовъ, совмѣстно съ населеніемъ всѣхъ другихъ поселеній, составлявшихъ съ ними одинъ политическій союзъ. На вѣчахъ старѣйшихъ городовъ, по крайней мѣрѣ фиктивно, присутствовало все свободное населеніе общины⁷⁰). ◇

Въ составъ города-волости-земли-государства могли входить много городовъ-пригородовъ-уѣздовъ-провинцій, состоявшихъ изъ города, центрального пункта и тянувшаго къ нему округа, который заключалъ въ себѣ посады и сельскія поселенія. Городу-пригороду-уѣзду-провинціи, въ переносномъ смыслѣ, соотвѣтствовало представленіе населенія пригородовъ, съ ихъ округами. Городъ, рядомъ съ значеніемъ политическаго союза въ полной цѣ-

⁶⁹) П. С. Р. Л. I, стр. 160, 1176 г. »Новгородци бо изначала и Смоленскѣ, и Кыиѣ, и Полочанѣ, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригорода стануть; а здѣ *городъ старый Ростовъ и Суждалъ* и вси бояре, *хотяще свою правду поставити не хотящу створити правды Божьей*, но «*како намъ любо*», *рекоша, также створимъ, Володимѣръ есть пригородъ нашъ*».

⁷⁰) См. *Сергиевича*, Вѣче и Князь, глава II.

сится къ опредѣленной мѣстности, во-второмъ, къ лицамъ, занимающимъ эту мѣстность, къ горожанамъ, къ городскимъ обывателямъ. Въ каждой изъ этихъ группъ различаются нѣсколько однородныхъ подраздѣлений. Значенія прямыя могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) городъ въ смыслѣ ограды, укрѣпленія, городскихъ стѣнъ; 2) городъ въ смыслѣ укрѣпленной мѣстности вообще, и укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія въ частности; 3) городъ въ смыслѣ территоріальнаго дѣленія политическаго или административнаго характера; 4) городъ въ смыслѣ административнаго и промышленнаго центра. Значенія слова городъ переносныя могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: 1) городъ въ смыслѣ общественнаго союза, не имѣющаго сословнаго характера и 2) городъ въ смыслѣ мѣстной, сословной корпорации, юридическаго лица, созданнаго правительствомъ черезъ приписку извѣстныхъ лицъ къ данному промышленному центру.

Между перечисленными значеніями, города въ смыслѣ укрѣпленій могутъ составить собою предметъ специальныхъ изслѣдованій о способахъ древне-русской фортификаціи, а города въ смыслѣ территоріальныхъ дѣленій уже составляютъ предметы специальныхъ изслѣдованій о государствѣ и провинціи въ тотъ или другой періодъ нашей исторіи: но какъ тѣ, такъ и другія значенія не имѣютъ прямого отношенія къ изученію города и городской жизни въ специальномъ смыслѣ. По исключеніи этихъ значеній, за исторіей русскаго города, въ специальномъ смыслѣ, остаются только города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія и города въ смыслѣ исключительно административныхъ и исключительно промышленныхъ центровъ, съ соответствующими имъ переносными. Значенія исключительныхъ центровъ администраціи и исключительныхъ центровъ, такъ-называемой, городской промышленности русскіе города стали получать не ранѣе XVIII столѣтія и сохранили ихъ до настоящаго времени, а потому эти значенія могутъ быть названы новыми, въ противоположность значеніямъ города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія какъ древнимъ.

Такъ какъ историческое изученіе должно быть начато съ древней эпохи, то предметомъ исторіи древне-русскаго города должны быть не исключительные центры администраціи и не исключительные центры городской промышленности, съ соотвѣствующими имъ переносными, а города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія.

Въ этомъ смыслѣ древне-русскіе города оставались до новѣйшаго времени внѣ ученыхъ специальныхъ изслѣдованій, хотя, какъ увидимъ ниже, играли первенствующую роль въ исторіи образованія и развитія русскаго государства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Количество городовъ въ Россіи до татарскаго времени.

Новѣйшіе историки насчитываютъ около 350 городовъ въ Россіи до татарскаго времени ¹⁾; мы находимъ ихъ, въ тотъ же періодъ, *нѣскольکو тысячъ*. Прежде изложенія фактовъ, представляемыхъ источниками въ доказательство сказаннаго положенія, считаемъ полезнымъ остановиться на движеніи въ наукѣ вопроса о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи.

До тридцатыхъ годовъ ~~нашего~~ столѣтія изслѣдователи русской старины не останавливались на вопросѣ о количествѣ городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. При неограниченномъ господствѣ теорій, созданныхъ Шлецеромъ и Карамзинымъ, о пустынности земель, дикости правовъ и разбѣянномъ бытѣ славянскихъ племенъ до призванія Варяговъ Норманновъ, будто-бы, построившихъ первые города на Руси и сосредоточившихъ въ эти города до того времени разбѣянные славянскіе народы — славянскіе города древнѣйшей эпохи

¹ С. М. Соловьевъ: «О количествѣ городовъ въ русскихъ княжествахъ древней Россіи можно имѣть *приблизительное понятіе*, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ. Въ Кіевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Туровскомъ болѣе 10; въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и землею Витичей около 70; въ Рязанскомъ около 15; въ Переяславскомъ около 40; въ Суздальскомъ около 20; въ Смоленскомъ около 8; въ Полоцкомъ около 16; въ Новгородскомъ около 15. Слѣдовательно, *во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ*». Исторія Россіи, т. III, стрн. 41, изд. 1862 г.

Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «*всѣхъ городовъ съ до-татарское время насчитываютъ до 300*». Русская исторія, гл. IV, стрн. 257, изд. 1872 г.

не обратили на себя вниманія ученыхъ того времени. Никто не считалъ нужнымъ посвятить свой трудъ собранію и критической обработкѣ историческихъ свидѣтельствъ въ отношеніи количества и политическаго значенія древне-славянскихъ городовъ и тѣмъ провѣрить господствовавшія въ наукѣ воззрѣнія ²⁾). Съ появленіемъ изслѣдованій Шафарика о славянскихъ древностяхъ сдѣлалось яснымъ, что въ странахъ между Понтомъ и Бельтомъ была несравненно большая и населенность и образованность и общественная дѣятельность, нежели какъ думали Шлецеръ, Карамзинъ и ихъ послѣдователи, что земли, кои заняты были славянскими племенами и вошли въ составъ Россіи заключали въ себѣ много городовъ задолго до прибытія Варяговъ ³⁾

Со времени Шафарика стали появляться въ ученой литературѣ спеціальныя изслѣдованія о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода. Изучая и сравнивая эти изслѣдованія, нельзя не замѣтить, что съ появленіемъ cadaго изъ нихъ, списокъ городовъ древнѣйшей Россіи увеличивался, соотвѣтственно разширенію круга источниковъ, которыми пользовались авторы.

Такъ М. А. Соловьевъ, желая пополнить замѣченный имъ недостатокъ инвентарія древней земли русской въ ученой литературѣ своего времени, насчиталъ до 150 городовъ въ Россіи до XIII вѣка ⁴⁾.

Авторъ пользовался только однимъ спискомъ нашихъ лѣтописей, Кенигсбергскимъ, какъ доказываетъ сличеніе его списка городовъ съ географическимъ указателемъ, помѣщеннымъ въ академическомъ изданіи помянутаго списка ⁵⁾.

М. П. Погодинъ, въ изслѣдованіи „о городахъ и предѣлахъ первыхъ русскихъ княжествъ“ насчитываетъ уже до 300 городовъ въ Россіи до татарскаго времени ⁶⁾.

Погодинъ пользовался двумя списками нашихъ лѣтописей,

²⁾ См. выше.

³⁾ Слав. Древн. т. I, кн. II, стр. 418—420, т. II, кн. I стр. 237 и др.

⁴⁾ Энцикл. Лексик. т. XV, стр. 16 и 17.

⁵⁾ Лѣтопись Нестора съ прод. по Кен. сп. 1767 г. «Реестръ».

⁶⁾ Изслѣд. Замѣч. и Лекц. т. IV, III, стр. 148—323.

какъ доказываетъ изученіе составленныхъ имъ списковъ городовъ и собственное сознаніе автора ⁷⁾).

Въ „общемъ списокѣ русскихъ городовъ“, составленномъ Неволлинымъ ⁸⁾, въ періодѣ между 862 и 1238 гг. встрѣчаемъ болѣе 50 городовъ, не внесенныхъ въ списки Погодина ⁹⁾).

Неволинъ, при составленіи своего списка, пользовался географическими указателями, составленными Строевымъ въ Софійскому временнику и Исторіи Государства Россійскаго Карамзина, какъ доказываетъ сличеніе его списка древнѣйшихъ городовъ Россіи съ упомянутыми указателями и собственное сознаніе автора ¹⁰⁾.

По справедливому замѣчанію Неволлина „полный списокъ русскихъ городовъ можетъ быть составленъ только на основаніи всѣхъ источниковъ отечественной исторіи“ ¹¹⁾.

Но такъ какъ, его списокъ и списокъ Погодина составлены не на основаніи всѣхъ источниковъ нашей исторіи, а только на незначительной части ихъ, то и нельзя ожидать, чтобы въ эти списки вошли всѣ города, упоминаемые источниками въ Россіи до татарскаго времени. Въ каждой лѣтописи и даже почти въ каждомъ списокѣ нашихъ лѣтописей встрѣчаются указанія на города, неизвѣстные по другимъ лѣтописямъ и по другимъ спискамъ. Кромѣ того, встрѣчаются по лѣтописямъ неизвѣстныя, многія и важныя указанія на города древнѣйшей Россіи у иностранныхъ писателей и въ древнѣйшихъ актахъ. Слѣдовательно, составить полный списокъ городовъ до татарской Россіи, упоминаемыхъ въ источникахъ, руководствуясь однимъ, даже нѣсколькими списками нашихъ лѣтописей, или Исторіей Карамзина, сочиненіемъ историческимъ, нѣтъ никакой возможности.

Нынѣ г. Барсовъ, положивъ въ основаніе своихъ „Матеріаловъ для историко-географическаго словаря Россіи“ почти всѣ напечатанные отечественные источники изученія древне-русской

⁷⁾ Тамъ-же стр. 146.

⁸⁾ Полн. Соб. Соч. т. VI, стр. 36—95.

⁹⁾ Сл. списки Погодина и Неволлина.

¹⁰⁾ Общ. списе. гор. стр. 32 и 33.

¹¹⁾ Тамъ-же, ст. 32.

географіи¹²⁾, называетъ около 100 городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, поименованныхъ въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и болѣе 200 древнѣйшихъ городовъ, перечисленныхъ въ географическомъ отрывкѣ Воскресенской лѣтописи, но не внесенныхъ въ списки древнѣйшихъ городовъ, составленные гг. Погодинымъ и Невוליнымъ.

Но и словарь Барсова далеко не заключаетъ въ себѣ всего количества городовъ до татарскаго времени. Тамъ, напримѣръ, въ немъ безъ основаній названы селеніями, деревнями, или совсѣмъ пропущены до 50 городовъ, поименованныхъ въ спискѣ Неволіна, что объясняется тѣмъ, что авторъ, при составленіи своего словаря и пользовался спискомъ Неволіна¹³⁾.

Дополнивъ списокъ Неволіна городами древнѣйшей Россіи перечисленными въ словарѣ Барсова, мы получаемъ уже не 300 городовъ, число, по понятіямъ нашихъ новѣйшихъ историковъ, изчерпывающее собою количество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, а въ два раза болѣе. Но и число 600 едва-ли заключаетъ въ себѣ не только все количество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, но даже то ихъ количество, какое называется въ совокупности дошедшихъ до нашего времени памятникахъ исторіи. Къ такому сомнѣнію привели насъ нижеслѣдующіе историческіе соображенія и факты.

Замѣчаніе Неволіна: „не смотря на всѣ источники, на всѣ пособія, какіе представляются для составленія списка городовъ русскихъ, настоящее время еще очень далеко отъ того, чтобъ можно было его составить вполнѣ удовлетворительно“¹⁴⁾, имѣетъ особенную силу въ примѣненіи къ составленію списка русскихъ городовъ древнѣйшей эпохи. Дѣйствительно, существующіе списки городовъ до татарскаго времени, не только относительно вопросовъ мѣстоположенія, времени основанія и времени уничтоженія того или другаго города, но также и относительно

¹²⁾ Географ. Словарь русск. земли. 1865 г. Пред. стрн. VII и VIII.

¹³⁾ Тамъ-же, ст. 1.

¹⁴⁾ Неволінъ. П. Р. С. т. VI, стр. 33.

количества, вполне неудовлетворительны: да, скажемъ болѣе, и не могутъ быть удовлетворительными, при нынѣ имѣющихся въ распоряженіи науки источникахъ и при нынѣ существующихъ въ ней приемахъ составленія списковъ. Въ настоящее время за отсутствіемъ вспомогательныхъ средствъ, трудъ составленія полного и вѣрнаго списка древне-русскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ источникахъ, на основаніи всей совокупности послѣднихъ, дѣло очень трудное и едва-ли подъ силу одному ученому. Но если и будутъ составлены географическіе указатели ко всѣмъ изданнымъ памятникамъ нашей исторіи, то и тогда множество городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, не попадетъ въ списокъ, составленный на основаніи извѣстій всѣхъ изданныхъ источниковъ нашей исторіи по слѣдующимъ причинамъ:

1) источниковъ спеціально географическихъ, гдѣ-бы были поименованы всѣ города изучаемой эпохи, не имѣется въ распоряженіи науки: 2) множество списковъ нашихъ лѣтописей остается, да вѣроятно и останется неизданнымъ; а между тѣмъ, въ каждомъ изъ изданныхъ списковъ попадаются извѣстія о городахъ, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ, 3) дошедшіе до нашего времени писанные памятники, будучи почти исключительно историческаго, а не географическаго свойства, не заключаютъ въ себѣ всего количества городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшей Россіи. На основаніи сказаннаго, мы не можемъ согласиться съ заключеніемъ уважаемаго историка, С. М. Соловьева, по которому: „о количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ древнѣйшей Россіи, можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ ¹⁵⁾“.

При посредствѣ указаннаго здѣсь приема, можно составить не приблизительно вѣрное, но самое невѣрное понятіе о количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ древнѣйшей Россіи. Этотъ способъ могъ бы быть вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы наши лѣтописи были географическія сочиненія, а не

¹⁵⁾ Ист. Рос. т. III, стр. 39.

историческія повѣствованія, какими они представляются въ дѣйствительности. Этотъ именно способъ составленія „полнаго списка древне-русскихъ городов“ употребленный г. М. А. Соловьевымъ, Погодинымъ и Неволлинымъ, привелъ новѣйшихъ историковъ къ фундаментальному заблужденію, источнику многихъ производныхъ, по которому въ Россіи до татарскаго времени, „всѣхъ городовъ“ насчитывается „около 300“ или „300 слишкомъ“.

Выборъ изъ лѣтописи названій городовъ древнѣйшаго періода, въ отношеніи къ составленію понятія о количествѣ городовъ этой эпохи, важенъ только въ слѣдующемъ смыслѣ: если въ историческомъ повѣствованіи, упоминающемъ о городахъ только случайно, встрѣчаемъ до 600 городовъ, существовавшихъ въ до-монгольскій періодъ и называемыхъ лѣтописями, то, по всей вѣроятности, въ дѣйствительности ихъ было несравненно болѣе.

~~Затѣмъ, для составленія болѣе точнаго понятія о количествѣ городовъ изучаемой эпохи, не ограничиваясь спискомъ городовъ, именуемыхъ источниками, необходимо обратиться къ выбору, сличенію и критической оцѣнѣ тѣхъ свидѣтельствъ домашнихъ и иноземныхъ источниковъ, въ которыхъ указывается на города въ томъ или другомъ мѣстѣ древней Россіи, но не указывается ихъ названій.~~

Изученіе такихъ свидѣтельствъ, намъ кажется, дѣлаетъ очевиднымъ, что существующіе списки заключаютъ въ себѣ не всѣ, но только малую часть городовъ, существовавшихъ въ Россіи до ея татарскаго разоренія, а потому и выводы современныхъ ученыхъ, основанные на существующихъ спискахъ, лишены фактической подкладки, что полнаго списка древне-русскихъ городовъ, или который бы заключалъ въ себѣ ихъ количество, хотя приблизительно вѣрное дѣйствительному, мы не имѣемъ и получимъ его развѣ тогда только, когда археологія изслѣдуетъ и въ точности опредѣлитъ мѣстности, извѣстныя подъ названіемъ городищъ и составитъ такимъ мѣстностямъ точные списки, что Россія до-монгольскаго періода заключала въ себѣ не сотни, а тысячи городовъ.

Свидѣтельства источниковъ, сказаннаго характера, мы раз-
дѣлимъ на четыре группы:

- 1) Свидѣтельства лѣтописей.
- 2) Свидѣтельства древнѣйшихъ актовъ.
- 3) Свидѣтельства иностранныхъ писателей.
- 4) Свидѣтельства вещественныхъ памятниковъ, сохранившіеся
до нынѣ.

I. Свидѣтельства лѣтописей. Многія изъ лѣтописныхъ
свидѣтельствъ указываютъ на города въ тѣхъ или другихъ мѣст-
ностяхъ древней Россіи, но не указываютъ названій этихъ горо-
довъ. Къ такимъ свидѣтельствамъ относятся слѣдующія извѣ-
стія.

О многихъ городахъ Уличей и Тиверцевъ, переданное лѣто-
писью при описаніи первоначальнаго разселенія славянскихъ пле-
менъ въ предѣлахъ Россіи¹⁶).

О 80 городахъ по Дунаю, взятыхъ въ одинъ походъ Свя-
тославомъ Игоревичемъ въ 967 году¹⁷).

О многихъ городахъ Древлянскихъ, переданное лѣтописцемъ
подъ 946 г. при описаніи преданія о мщеніи Ольги Древлянамъ
за смерть Игоря Рюриковича¹⁸).

О городахъ Червенскихъ, отнятыхъ у ляховъ Владиміромъ
Святославичемъ въ 981 году¹⁹).

О многихъ городахъ, построенныхъ Владиміромъ Святослави-

¹⁶) «а Улучи, Тиверьци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеви, бы
множество ихъ, сидяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего
дня». Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 5.

¹⁷) иде Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемся обонимъ, одолѣ
Святославъ Болгаромъ, и вѣзъ городъ 80 по Дунаеви». Тамъ-же, I, ст. 27;
II, ст. 106. Были ли у русскихъ владѣнія на Дунаѣ? Сл. П. с. Р. т. II,
стр. 7, 84; т. VII, ст. 240. Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. IV, стр. 180.

¹⁸) Ольга «побѣдиша Древляны, Древляне же побѣгоша и затворишася
въ градыхъ своихъ. Ольга уже устремися на Искоростынь градъ... и стоя
Ольга лѣто, не можаше взяти града и умысли смце: посла къ граду глаго-
люще: «что хотите до соседѣти? и вси гради ваши предашася мнѣ и ялися
по дань». Тамъ-же т. I стр. 24—25.

¹⁹) Иде Володимѣръ къ Ляхомъ и вѣзъ грады ихъ, Перемышль, Червень
и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью». Тамъ-же, т. I, стр. 35.

чемъ по Деснѣ, по Востри, по Трубжу, по Сулѣ и по Стугѣнѣ, переданное лѣтописью подѣ 988 годомъ ²⁰⁾.

О городахъ митрополичьихъ, украшенныхъ митрополитомъ Ефремомъ многими благотворительными заведеніями и постройками, переданное лѣтописью подѣ 1091 годомъ ²¹⁾.

О городахъ земли Ростовской и Суздальской, въ которыхъ въ 1096 году Князь Олегъ Святославичъ посадилъ своихъ посадниковъ ²²⁾.

Но наибольшее количество интересующихъ насъ лѣтописныхъ свидѣтельств сохранилось отъ ХІІ и ХІІІ вв., что объясняется тѣмъ, что въ этотъ періодъ лѣтописи дѣлаются болѣе пространными въ своихъ повѣствованіяхъ о событіяхъ въ древней Руси и самое описаніе событій принадлежитъ современникамъ.

Въ этомъ періодѣ встрѣчаемъ слѣдующія свидѣтельства.

О многихъ городахъ земли Вятичей при описаніи походовъ Святослава Ольговича Черниговскаго подѣ 1146 и 1147 гг. ²³⁾.

²⁰⁾ Володимеръ нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежи, и по Сулѣ и по Стугнѣ». Тамъ-же, т. I, стр. 52.

²¹⁾ Сей же Ефремъ зданія многія воздвигъ... и строеніе банное и врачеве и больницы всѣмъ приходящимъ безмѣдно врачеваніе. Такожъ и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, *и по инымъ своимъ градомъ митрополичьимъ*. Ник. сп. т. I, стр. 192.

²²⁾ «Иде Ростову: и Ростовъ ци вдашася ему. И перя всю землю Муромску и Ростовску, и *посажь посадники по юродамъ*, и дани почѣ брати». П. С. Р. Л., т. I, стр. 108.

²³⁾ «Походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами», вѣрно замѣчаетъ почтенный И. Д. Бѣляевъ, «представляетъ собраніе географическихъ подробностей о Землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся, по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Ока и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпримчивости Юрія (союзника Святослава Ольговича) и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси, что *въ немъ было множество городовъ*». Зап. Геогр. Общ., Кн. VI, ст. 45. Читая въ лѣтописи описаніе походовъ Святослава Ольговича въ 1146 и 1147 гг., нельзя не согласиться съ приведеннымъ заключеніемъ уважаемаго ученаго. Въ описаніи этихъ походовъ встрѣчаемъ болѣе 15 городовъ, въ первый разъ упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ; но это число далеко не заключаетъ въ себѣ всего количества городовъ, существовавшихъ въ землѣ Вятичей въ описываемое время, потому что лѣтописи упоминаютъ не

О городахъ, отданныхъ Изяславомъ Мстиславичемъ Святославу Всеволодовичу въ 1147 году ²⁴).

О многихъ городахъ Черниговскаго княжества подъ 1147 г. ²⁵).

О городахъ Курскихъ, въ которыхъ Глѣбъ Юрьевичъ и Святославъ Ольговичъ посадили своихъ посадниковъ въ 1147 г. ²⁶).

О городахъ въ области Черленаго Яра и Великой Вороны подъ 1148 годомъ ²⁷).

О 6-ти городахъ, лежавшихъ по Волгѣ, между Кснятинымъ и Угличемъ, разрушенныхъ Изяславомъ и Ростиславомъ Мстиславичами въ 1148 году ²⁸).

о всѣхъ городахъ въ этомъ краѣ, а только о тѣхъ, гдѣ Святославъ имѣлъ болѣе или менѣе продолжительныя остановки. Сл. II. С. Р. Л. т. II, стр. 25—37, Ник. сп., ч. II, ст. 91—96.

²⁴) «Всеволодичъ Святославъ держаше у Изяслава Божьскій, Межибожіе, Котельницю, *а естъ 10 городовъ*» (списки Хлѣбниковскій и Ермолаевскій), «*а естъ 5 городовъ*» (списокъ Ипатскій). II. С. Р. Л., т. II, ст. 31.

²⁵) «Взяша Всеволожь градъ на щить, и ина въ немъ бѣста два города вошла. Слышавше нине гради, Уненьжъ, Бѣлавежа, Бохмачъ, оже Всеволожь взять, и побѣгоша Чернигову, *и нине гради мнози бѣжаша*. Слышавше Изяславъ и Ростиславъ, посласта по нихъ, и постигоша на поди, и ту взяша ты три города, а инія уйдоша. Изяславъ же повелѣ зажечи грады ты». Лѣт. по Ипат. сп., ст. 252.

²⁶) Глѣбъ Юрьевичъ отъ иде отъ Переяславля... и шедши взяша градъ Курскъ, и тамо посажаше по всей землѣ Курской намѣстники своя. Тоже приде къ нимъ Князь Святославъ Всеволодовичъ и Князь Изяславъ Давидовичъ и шедше взяша градъ Попашъ и придоша къ Выревцу и Выренцы не дашася, тоже придоша къ Евханцу, и Евханцы не дашася. Слышавше сія Князь великій Изяславъ Мстиславичъ, «яко Ольговичи совокупишася и воюють грады дѣтей его». II. С. Р. Л., II, ст. 35. Ник. сп., ч. II, стр. 104. Слѣдовательно, Курская область не была пустынею, какою она представляется по существующимъ спискамъ древне-русскихъ городовъ и географическимъ картамъ до-татарской Россіи, но заключила въ себѣ много городовъ, подобно другимъ древне-русскимъ областямъ.

²⁷) «Князь Глѣбъ Юрьевичъ иде къ Рязани и бывъ *въ градѣхъ Черленаю Яру и Велицей Вороны* и пави возвратися къ Черниговскимъ Княземъ на помощь». Ник. сп., II, ст. 105.

²⁸) «Приде Изяславъ на Волгу съ Новгородци на усть Медвѣдицъ, и ту жда брата своего Ростислава 4 дни, и приде ему Ростиславъ и съ всеми Русскими силами, полки и съ Смоленскими, и *ту сокупишася и поидоста вниязъ по Волазъ... и придоста къ Кснятину* и ту имъ отъ Гюргя вѣсти не бысть, *и начаша города его жечи и села и всю землю его воевати обополъ Волю; и поидоста оттолъ на Угличе поле, и оттуда идоста на устье Мологи*». Лѣт. по Ип. сп. стрн. 260. «Приде Изяславъ Новгороду,

- О городахъ церковныхъ въ Ростовской землѣ подѣ 1176 г. ²⁹⁾.
 О городахъ въ области р. Воронежа, подѣ 1177 годомъ ³⁰⁾.
 О 6-ти городахъ Берендичей, взятыхъ Половцами въ 1177 г. ³¹⁾.

сынъ Мстиславъ, изъ Кіева иде на Гюргя Ростову съ Новгородци, и много воеваше люди Гюрьвево, и по *Волгѣ взяша 6 городѣкъ*. П. С. Р. Л., т. III, ст. 10. Ср. П. С. Р. Л., т. I, ст. 139, т. V, стр. 159. И. Д. Бѣляевъ, касаясь этого извѣстія лѣтописей, замѣчаетъ: «лѣтописи не говорятъ какіе именно города были взяты и опустошены Изяславомъ, но для насъ довольно уже и того, что отъ Кснятина до Углича Поля лежало по Волгѣ 6 городѣвъ, мы отсюда видимъ, что край этотъ былъ уже довольно заселенъ и что Волга издавна была кормилицею прибрежныхъ жителей, которые спѣшили покрыть берега ея городами». Геогр. свѣд. въ древ. Россіи, ст. 46. Дѣйствительно, имѣя въ виду вышеприведенное извѣстіе о городахъ Ростово-Суздальской земли, въ которыхъ Князь Олегъ посадилъ своихъ посадниковъ въ 1096 году, и только что приведенное извѣстіе о 8 городахъ, (со включеніемъ Кснятина и Углича), существовавшихъ на Волгѣ, на незначительномъ протяженіи, уже въ 1148 году мы не имѣемъ никакого права предполагать будто до времени Юрія Долгорукаго Суздальскій край представлялъ собою малозаселенную пустыню, съ отсутствіемъ городѣвъ. Не могъ Юрій въ нѣсколько лѣтъ своего княженія построить въ пустынномъ краѣ столько городѣвъ, что въ половинѣ XII в. встрѣчаемъ здѣсь 8 городѣвъ на протяженіи около 60 верстѣ. Такія дѣла не дѣлаются въ нѣсколько лѣтъ. Юрій могъ построить въ Суздальской землѣ Кснятинъ, Юрьевъ-Польскій, Дмитровъ, даже Стародубъ, Галичъ и Волжскій городѣкъ, но это еще не значить, что въ этомъ краѣ до Юрія не было многихъ городѣвъ. Имена ихъ остаются для насъ неизвѣстными только потому, что лѣтописи мало касаются Суздальскаго края до Юрія и мы не имѣемъ русской географіи того времени. См. Соловьева: «Объ отношеніи Новг. къ велик. князьямъ», стр. 17 (изд. 1846 года). Корсакова: «Мера и Рост. Ея.», стр. 77.

²⁹⁾ «Сѣдящема Ростиславичема въ княженіи земли Ростовскіи... святое Богородицы Володимерское отъяста и *городы ея* и дани, что же бѣшетъ далъ церкви той блаженный князь Андрей... Михалко же, пріѣхалъ Владимирю, да *городы святое Богородицы, лже бѣ отъялъ Ярополкъ*. П. С. Р. Л., т. I, стр. 159—160. Мы не отыскали въ источникахъ названій городѣвъ, какъ отданныхъ церкви княземъ Андреемъ, такъ и вообще принадлежащихъ ей до XIII в. въ сѣверо-восточной Россіи; упоминаемые въ позднѣйшее время церковные города Гороховецъ, Алексинъ и др. пріобрѣтены церковью покупкою или построены позже XIII вѣка.

³⁰⁾ «Отбѣжа бо Князь Ярополкъ Ростиславичъ въ Воронежъ и *тамо прехожаше отъ града во градъ*, отъ многіе печали и скорби не вѣдый, како ся дѣти. И тако шедше въ Воронежъ изымаша его». Ник. сп., ч. II, стр. 236.

³¹⁾ «Пріидоша Половци на Русскую землю, на русалной недѣлѣ. Сѣдѣщу Романови въ Кіевѣ, посла брата своего Рюрика и сына своя, *Половци же взяша 6 городѣвъ Берендичъ*, и поидоша къ Ростовѣцю». Лѣт. по Ип. сп., ст. 408.

О городахъ Югорскихъ, упоминаемыхъ подъ 1193 г. ³²⁾.

О городахъ Пронскихъ, взятыхъ Всеволодомъ Суздальскимъ въ 1207 году ³³⁾.

О многихъ городахъ Черниговскихъ по Днѣпру, взятыхъ Новгородцами, въ 1214 году ³⁴⁾.

О городахъ въ волостяхъ Бельской и Червенской, плѣнен-
ненныхъ Княземъ Даниломъ Галицкимъ въ 1221 году ³⁵⁾.

О многихъ городахъ Черниговскихъ на Деснѣ, взятыхъ Даниломъ Галицкимъ въ 1234 году ³⁶⁾.

Наконецъ, извѣстіе о безчисленныхъ городахъ, разрушенныхъ татарами въ Волынско-Галицкой землѣ ³⁷⁾.

Мы указали здѣсь только на свидѣтельства лѣтописей о го-

³²⁾ «придоша въ Югру и взяша городъ и придоша къ другому граду». П. С. Р. Л., т. III, стр. 21.

³³⁾ «И передашася людѣ (Проняне)... Князь же великій смиривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Володимировича, а самъ поиде къ Рязаню, *посадники посажааъ свои по есмѣи городамъ ихъ*. И бывшу ему у Доброго Сота»... П. С. Р. Л., т. I, стр. 182. «Онъ же приведе ихъ (Проняне) ко крестному цѣлованію и посади у нихъ въ Пронскѣ князя Ольгу, а со княземъ Изяславомъ миръ взятъ, *и по есмѣи градомъ ихъ посажааъ свои наместники и поиде ко граду Рязани*. И бывшу ему у Доброго Сота». Ник. сп., т. II, стр. 302. По смыслу извѣстія города, взятые Всеволодомъ, лежали въ предѣлахъ Рязанской земли ниже Доброго Сота, но въ настоящее время ниже Доброго Сота въ Рязанскомъ княжествѣ извѣстенъ только одинъ городъ Пронскъ. Ср. существующіе списки древне-русс. городовъ и географ. карты.

³⁴⁾ «Новгородци начаша воевати по Днѣпру городъ Черниговскій, и взяша Рѣчицѣ на щить *и иныи городѣ мнози Черниговскыи* и придоша подъ Вышгородъ. П. С. Р. Л., т. III, стр. 32. Изъ городовъ Черниговскихъ на Днѣпрѣ, ниже Рѣчицы, по лѣтописямъ извѣстенъ только одинъ Любечъ.

³⁵⁾ «Въ субботу же на ночь поплѣнено бысть около Бѣлза и около Червена Даниломъ и Василькомъ, и вся земля поплѣнена бысть, бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, *градъ града*, якоже не остане ни единъ и вси плѣнене, еже притчею глаголють книга не оставлешюся камень на камени. Сію-же наричуть Бѣлжане злу ночь; сія бо ночь злу игру имъ сыгра: повоевани бо бѣаху преже свѣта». П. С. Р. Л., т. II, ст. 163, варианты. Л. по Ип. сп. стр. 494.

³⁶⁾ «Поимаша грады многы по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ *и иныи грады мнози* и придоша опять Чернигову». Лѣт. по Ип. сп., стр. 514. Отъ Чернигова даже до Новгородсѣверска по лѣтописямъ мы не знаемъ названій ни одного города кромѣ названныхъ въ этомъ извѣстіи.

³⁷⁾ «Приде къ городу Колодязну... Каменцю, Изяславу, взятъ я... и приде къ Володимерю и взя и копьемъ и изби и не щадя, такоже и градъ Галичъ, *и ныи грады мнози. и нѣсть же нѣсть числа*». Лѣт. по Ип. сп., стр. 523.

родахъ, существовавшихъ въ до-татарской Россіи, имена которыхъ остаются несомнѣнно для насъ неизвѣстными. Кромѣ та-
кихъ, въ лѣтописяхъ встрѣчается множество указаній на города, которые могутъ быть отнесены къ тѣмъ или другимъ изъ из-
вѣстныхъ городовъ, но совокупность которыхъ во всякомъ слу-
чаѣ утверждаетъ въ мысли о громадномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго періода ³⁸).

Всматриваясь въ перечисленныя свидѣтельства лѣтописей, сравнивая ихъ указанія съ существующими географическими кар-
тами и списками древнѣйшихъ городовъ Россіи, нельзя не прид-
ти къ заключенію, что существующіе списки далеко не изчерпы-
ваютъ собою ~~всего количества~~ городовъ, существовавшихъ въ
Россіи до татарскаго времени, что если въ лѣтописяхъ встрѣ-
чаемъ до 600 городовъ, именуемыхъ ими, то въ дѣйствительно-
сти ихъ должно было быть несравненно болѣе. Къ тому же зак-
люченію приводитъ насъ и изученіе сохранившихся древнихъ ак-
товъ, при сличеніи ихъ показаній съ показаніями лѣтописей.

II. Свидѣтельства актовъ. Между сохранившимися древни-
ми актами, свидѣтельствующими о количествѣ городовъ въ Рос-
сіи до-татарскаго времени, первое мѣсто занимаютъ Уставныя
граматы смоленскаго князя Ростислава Мстиславича Епископіи
смоленской, относящіяся къ 1150 году, своимъ содержаніемъ до-
казывающія всего лучше, что по указаніямъ нашихъ лѣтописей
нѣтъ возможности составить понятіе о количествѣ городовъ въ
древне-русскихъ княжествахъ, хотя приблизительно вѣрное дѣй-
ствительному ³⁹).

³⁸) См. П. С. Р. Л., т. I, 880 г., ст. 10, 907 г., с. 13; 980 г., с. 33; 996 г., с. 53; 1018 г., с. 62; 1032 г., с. 65; 1116 г., с. 128; 1136 г., с. 132; 1141 г., с. 135; 1142 г., с. 135; 1148 г., с. 138; 1164 г., с. 151; 1176 г., с. 159; 1186 г., с. 168; 1196 г., с. 174; 1206 г., с. 180; 1207 г., с. 183; 1237 г., с. 198; 1237 г., с. 223. Тамъ же, т. II: 1216 г., с. 10; 1139 г., с. 14; 1140 г., с. 15; 1146 г., с. 25; 1147 г., с. 29; 1148 г., с. 38; 1149 г., с. 45; 1150 г., с. 51; 1157 г., с. 80; 1159 г., с. 84; 1165 г., с. 93; 1185 г., с. 132; 1213 г., с. 160; 1231 г., с. 173. Тамъ же, т. III: 1177 г., с. 17; 1193 г., с. 21; 1216 г., с. 34; 1239 г., с. 52. Ник. спис. годы: 977, 1059, 1096, 1097, 1186, 1196, 1208, 1209, 1219, 1237 и др.

³⁹) Доп. къ Ак. Ист., т. I, № 4, стр. 5 и 8.

Поставимъ вопросъ такимъ образомъ: какое бы мы имѣли понятіе о количествѣ городовъ въ смоленской области, если бы до насъ не дошли уставныя грамоты Ростислава?

До нашествія Монголовъ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ слѣдующіе города, изъ лежавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ: у Нестора: Смоленскъ, Торопецъ (1074) и Копысь (1059)⁴⁰⁾; у продолжателей Нестора: Оршу (1116), Мстиславль (1156), Васильевъ и Краснъ (1165), Лугинъ (1173) и Ржевку (1216)⁴¹⁾; всего 9 городовъ. Это только количество городовъ помѣщено въ существующихъ спискахъ городовъ смоленской области до татарскаго времени и географическихъ картахъ Россіи этого періода.

Но города, упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ изчерпываютъ ли собою, хотя приблизительно, количество городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ? Въ лѣтописяхъ мы не находимъ никакихъ указаній для отвѣта на поставленный вопросъ; вмѣсто лѣтописей, отвѣчаютъ прямо и точно уставныя грамоты Ростислава: города, упоминаемые въ лѣтописяхъ, далеко не изчерпываютъ собою всего количества городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ.

Уставныхъ грамотъ Ростислава сохранилось три. Изъ нихъ, первая устанавливаетъ десятину отъ даней смоленскихъ въ пользу вновь учрежденной епископіи въ Смоленскѣ и двѣ остальные подтвердительныя первой.

Въ третьей грамотѣ упоминаются слѣдующіе Смоленскіе города: Мстиславль, Крупль, Вержавскъ, Копысь, Поцинъ, Лучинъ, Ростиславль, Ельна, Изяславль, Дорогобужъ, Торопецъ и Жижицы. Изчисленные мѣста въ грамотѣ прямо названы городами: „а се погородіе: отъ Мстиславля шесть гривенъ урока, а се отъ Крупля и т. д.“⁴²⁾.

Такимъ образомъ, имѣемъ уже 8 городовъ смоленскихъ,

⁴⁰⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 5, 82; т. III, стр. 212.

⁴¹⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 7, 80, 93, 107 и т. III, стр. 34.

⁴²⁾ Доп. къ Ак. Ист., т. I, стр. 8.

неупоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но несомнѣнно существовавшихъ въ половинѣ XII вѣка.

Но третья грамота Ростислава сохранилась не вполнѣ. Въ первой грамотѣ, кромѣ мѣстностей перечисленныхъ въ третьей, прямо названныхъ тамъ городами, упоминается еще 29 мѣстностей, безъ означенія къ какому роду поселеній онѣ относятся ⁴³⁾. Кромѣ того, во второй грамотѣ упоминается Холмъ, отданный во владѣніе епископу. Къ какому роду поселеній относятся мѣстности, перечисленные въ первой грамотѣ Ростислава?

И. Д. Бѣляевъ, въ статьѣ о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, касаясь поставленнаго вопроса, замѣчаетъ: „въ Ростиславовыхъ уставныхъ грамотахъ, сверхъ мѣстностей прямо называемыхъ городами, упоминаются смоленскія мѣстности безъ названія городовъ; таковы: Врочницы, можетъ быть городъ, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ, Каспля, Хотшинъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; Жабачевъ можетъ быть тоже городъ, ибо платилъ одинаковую дань съ Хотшинымъ, Вотосовичи, Шуйспея и т. д.“ ⁴⁴⁾.

Намъ кажется, не только Врочницы, Хотшинъ и Жабачевъ, должны быть причислены къ городамъ, но всѣ мѣстности, перечисленные въ Ростиславовыхъ грамотахъ, кромѣ Дросенскаго и Ясенскаго, прямо отличаеваемыхъ въ грамотѣ отъ остальныхъ мѣстностей и названныхъ селами. Вотъ тому, по нашему мнѣнію, неопровержимыя доказательства: 1) въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа смоленскаго, въ первой уставной грамотѣ поименованы: Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль, но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани, Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль не отличались отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: „у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы“, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ

Кипъ
укуп.
и т. д.

⁴³⁾ Тамъ-же.

⁴⁴⁾ Стр. 179.

дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ грамотѣ пунктовъ поселенія. 4) Семь изъ перечисленныхъ въ первой грамотѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами.

Граматы Ростислава убѣждаютъ насъ, что въ Смоленской области уже въ половинѣ XII вѣка существовало до 50 городовъ, хотя по лѣтописямъ извѣстно ~~до извѣстна~~ ~~до извѣстна~~ Монголовъ не болѣе 10.

По пространству, смоленское княжество принадлежало къ числу менѣе обширныхъ областей древней Россіи.

Но если мѣстности, перечисленныя въ грамотахъ Ростислава должны быть причислены къ городамъ, то можно поставить вопросъ: не должны-ли быть причислены къ городамъ до 50 мѣстностей Новгородской области, перечисленныя въ „уставѣ Новгородскаго Князя Святослава“, данномъ въ 1137 году Новгородскому Софійскому Собору, своимъ содержаніемъ соотвѣтствующимъ уставнымъ грамотамъ смоленской епископіи Ростислава Мстиславича ⁴⁵⁾.

Наконецъ, при изученіи актовыхъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, нельзя не обратить вниманія на постановленіе Русской Правды, по которому потерявпій коня, или оружіе, или платье, обязанъ былъ заявить о потерѣ на торгу, и за тѣмъ, если узнавалъ потерянную вещь въ своемъ городѣ, то могъ взять и ее получить за обиду 3 гривны. Въ спискѣ Троицкомъ это постановленіе изложено такъ: „Аче кто конь погубить, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ*, свое ему лицомъ взять, а за обиду платити ему 3 гривны“ ⁴⁶⁾; въ спискѣ академическомъ: „аще поиметъ кто чужъ конь, либо оружіе, либо портъ, а познаетъ *въ своемъ мироу*: то взять ему свое, а 3 гривны за обиду“ ⁴⁷⁾. По смыслу этихъ постановленій, городовъ въ древ-

⁴⁵⁾ Рус. Дог. Москва. 1815 г., стр. 83—85.

⁴⁶⁾ Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ. Изд. Калачова. Сп. Троицкій. стр. 28.

⁴⁷⁾ Тамъ-же сп. академическій, стр. 12.

нѣйшей Россіи было столько, сколько было мировъ, то есть общинъ.

III. *Свидѣтельства иностранныхъ писателей.* Между свидѣтельствами иностранныхъ писателей о количествѣ городовъ въ Россіи времени первыхъ Рюриковичей первое мѣсто принадлежитъ географическимъ запискамъ, составленнымъ, по Шафарику, во второй половинѣ IX вѣка, по Карамзину, въ X столѣтіи, и извѣстнымъ въ литературѣ подъ именемъ „Землеписца Баварскаго“. Для насъ эта рукопись особенно важна, потому что представляетъ собою единственный географическій памятникъ Россіи періода водворенія въ ней Варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, съ указаніемъ народовъ, ее населявшихъ, и количества городовъ, принадлежавшихъ каждому изъ славянскихъ племенъ, поименованныхъ сочинителемъ. Всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ распоряженіи науки архивные историческіе памятники представляютъ собою не географическія сочиненія, а историческія, а потому эти памятники не даютъ точныхъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи наемаго періода. Только Баварскій землеписецъ вполне знакомитъ насъ съ громаднымъ количествомъ городовъ у древне-русскихъ славянъ, подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе точныя свидѣтельства другихъ писателей. „Баварскій географъ, описывая только нѣкоторые края сѣверныхъ славянъ, насчиталъ до двадцати различныхъ народовъ и слишкомъ три тысячи семьсотъ шестьдесятъ укрѣпленныхъ городовъ; при чемъ, у многочислѣннѣйшихъ вѣтвей, Сербовъ, Житичей и иныхъ не указано число городовъ“ ⁴⁸⁾.

⁴⁸⁾ Шафарикъ. Слав. Древн., т. II, кн. I, стр. 237, 215—229. Часть рукописи, заключающая въ себѣ изчисленіе народовъ древнѣйшей Россіи и количества городовъ, имъ принадлежавшихъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Phesnuzi habent civitates LXX. Thadesi plusquam CC urbes habent. Glopeani, in qua civitates CCCC aut eo amplius. Zvireani habent civitates CCCXXV. Busani habent civitates CCXXXI. Sittici, regio immensa, populis et urbibus munitissimis. Stadici, in qua civitates DXVI, populusque infinitus. Sebbirozi habent civitates XC. Unlizi, populus multus. civitates CCCXVIII. Nerivani habent civitates LXXVIII. Attorozi habent CXLVIII, populus ferocissimus. Eptaradici habent civitates CCLXIII. Wuillerozi habent civitates CLXXX. Zabrozi habent civitates CCXII. Znetalici habent civitates LXXIV. Aturezani habent civitates

руководит
тѣмъ кра
иногда
вѣдѣн
тогда
скае, та
стало
иногда
показан
у вѣки

Поставимъ вопросъ такимъ образомъ: какое бы мы имѣли понятіе о количествѣ городовъ въ смоленской области, если бы до насъ не дошли уставныя грамоты Ростислава?

До нашествія Монголовъ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ слѣдующіе города, изъ лежавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ: у Нестора: Смоленскъ, Торопецъ (1074) и Копысь (1059) ⁴⁰⁾; у продолжателей Нестора: Оршу (1116), Мстиславль (1156), Васильевъ и Краснъ (1165), Лугинъ (1173) и Ржевку (1216) ⁴¹⁾; всего 9 городовъ. Это только количество городовъ помѣщено въ существующихъ спискахъ городовъ смоленской области до татарскаго времени и географическихъ картахъ Россіи этого періода.

Но города, упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ изчерпываютъ ли собою, хотя приблизительно, количество городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ? Въ лѣтописяхъ мы не находимъ никакихъ указаній для отвѣта на поставленный вопросъ; вмѣсто лѣтописей, отвѣчаютъ прямо и точно уставныя грамоты Ростислава: города, упоминаемые въ лѣтописяхъ, далеко не изчерпываютъ собою всего количества городовъ, существовавшихъ въ смоленскомъ княжествѣ до нашествія Монголовъ.

Уставныхъ грамотъ Ростислава сохранилось три. Изъ нихъ, первая устанавливаетъ десятину отъ даней смоленскихъ въ пользу вновь учрежденной епископіи въ Смоленскѣ и двѣ остальные подтвердительныя первой.

Въ третьей грамотѣ упоминаются слѣдующіе Смоленскіе города: Мстиславль, Крупль, Вержавскъ, Копысь, Поцинъ, Лучинъ, Ростиславль, Ельна, Изяславль, Дорогобужъ, Торопецъ и Жижцы. Изчисленныя мѣста въ грамотѣ прямо названы городами: „а се погородіе: отъ Мстислава шесть гривень урока, а се отъ Крупля и т. д.“ ⁴²⁾.

Такимъ образомъ, имѣемъ уже 8 городовъ смоленскихъ,

⁴⁰⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 5, 82; т. III, стр. 212.

⁴¹⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 7, 80, 93, 107 и т. III, стр. 34.

⁴²⁾ Доп. къ Ак. Ист., т. I, стр. 8.

неупоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но несомнѣнно существовавшихъ въ половинѣ XII вѣка.

Но третья грамота Ростислава сохранилась не вполнѣ. Въ первой грамотѣ, кромѣ мѣстностей перечисленныхъ въ третьей, прямо названныхъ тамъ городами, упоминается еще 29 мѣстностей, безъ означенія къ какому роду поселеній онѣ относятся ⁴³⁾. Кромѣ того, во второй грамотѣ упоминается Холмъ, отданный во владѣніе епископу. Къ какому роду поселеній относятся мѣстности, перечисленныя въ первой грамотѣ Ростислава?

И. Д. Вѣляевъ, въ статьѣ о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, касаясь поставленнаго вопроса, замѣчаетъ: „въ Ростиславовыхъ уставныхъ грамотахъ, сверхъ мѣстностей прямо называемыхъ городами, упоминаются смоленскія мѣстности безъ названія городовъ; таковы: Врочницы, можетъ быть городъ, судя по платимой дани, простиравшейся до 200 гривенъ, Каспля, Хотшинъ, также, кажется, городъ, ибо платилъ дани 200 гривенъ; Жабачевъ можетъ быть тоже городъ, ибо платилъ одинаковую дань съ Хотшинимъ, Вотосовичи, Шуйспей и т. д.“ ⁴⁴⁾.

Намъ кажется, не только Врочницы, Хотшинъ и Жабачевъ, должны быть причислены къ городамъ, но всѣ мѣстности, перечисленныя въ Ростиславовыхъ грамотахъ, кромѣ Дросенскаго и Ясенскаго, прямо отличаеваемыхъ въ грамотѣ отъ остальныхъ мѣстностей и названныхъ селами. Вотъ тому, по нашему мнѣнію, неопровержимыя доказательства: 1) въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа смоленскаго, въ первой уставной грамотѣ поименованы: Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль, но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани, Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль не отличались отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: „у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы“, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ

как
зукр
нѣтъ

⁴³⁾ Тамъ-же.

⁴⁴⁾ Стр. 179.

дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ грамотѣ пунктовъ поселенія. 4) Семь изъ перечисленныхъ въ первой грамотѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами.

Грамоты Ростислава убѣждаютъ насъ, что въ Смоленской области уже въ половинѣ XII вѣка существовало до 50 городовъ, хотя по лѣтописямъ извѣстно ~~до 10 городовъ~~ ~~до 10 городовъ~~ Монголовъ не болѣе 10.

По пространству, смоленское княжество принадлежало къ числу менѣе обширныхъ областей древней Россіи.

Но если мѣстности, перечисленныя въ грамотахъ Ростислава должны быть причислены къ городамъ, то можно поставить вопросъ: не должны-ли быть причислены къ городамъ до 50 мѣстностей Новгородской области, перечисленныя въ „уставѣ Новгородскаго Князя Святослава“, данномъ въ 1137 году Новгородскому Софійскому Собору, своимъ содержаніемъ соответствующимъ уставнымъ грамотамъ смоленской епископіи Ростислава Мстиславича ⁴⁵⁾).

Наконецъ, при изученіи актовыхъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, нельзя не обратить вниманія на постановленіе Русской Правды, по которому потерявшій коня, или оружіе, или платье, обязанъ былъ заявить о потерѣ на торгу, и за тѣмъ, если узнавалъ потерянную вещь въ своемъ городѣ, то могъ взять и ее получить за обиду 3 гривны. Въ спискѣ Троицкомъ это постановленіе изложено такъ: „Аче кто конь погубить, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ *въ своемъ городѣ*, свое ему лицемъ взять, а за обиду платити ему 3 гривны“ ⁴⁶⁾; въ спискѣ академическомъ: „аще пойметъ кто чужъ конь, либо оружіе, либо портъ, а познаетъ *въ своемъ мироу*: то взять ему свое, а 3 гривны за обиду“ ⁴⁷⁾. По смыслу этихъ постановленій, городовъ въ древ-

⁴⁵⁾ Рус. Дог. Москва. 1815 г., стр. 83—85.

⁴⁶⁾ Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ. Изд. Калачова. Сп. Троицкій. стр. 28.

⁴⁷⁾ Тамъ-же сп. академическій, стр. 12.

нѣйшей Россіи было столько, сколько было мировъ, то есть общинъ.

III. Свидѣтельства иностранныхъ писателей. Между свѣдѣтельствами иностранныхъ писателей о количествѣ городовъ въ Россіи времени первыхъ Рюриковичей первое мѣсто принадлежитъ географическимъ запискамъ, составленнымъ, по Шафарику, во второй половинѣ IX вѣка, по Карамзину, въ X столѣтіи, и извѣстнымъ въ литературѣ подъ именемъ „Землеписца Баварскаго“. Для насъ эта рукопись особенно важна, потому что представляетъ собою единственный географическій памятникъ Россіи періода водворенія въ ней Варяжскихъ князей и ихъ дружинъ, съ указаніемъ народовъ, ее населявшихъ, и количества городовъ, принадлежавшихъ каждому изъ славянскихъ племенъ, поименованныхъ сочинителемъ. Всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ распоряженіи науки архивные историческіе памятники представляютъ собою не географическія сочиненія, а историческія, а потому эти памятники не даютъ точныхъ свѣдѣтельствъ о количествѣ городовъ въ Россіи ~~этого~~ періода. Только Баварскій землеписецъ вполне знакомитъ насъ съ громаднымъ количествомъ городовъ у древне-русскихъ славянъ, подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе точныя свѣдѣтельства другихъ писателей. „Баварскій географъ, описывая только нѣкоторые края сѣверныхъ славянъ, насчиталъ до двадцати различныхъ народовъ и слишкомъ три тысячи семьсотъ шестьдесятъ укрѣпленныхъ городовъ; при чемъ, у многочислнѣйшихъ вѣтвей, Сербовъ, Житичей и иныхъ не указано число городовъ“ ⁴⁸).

⁴⁸) Шафарикъ. Слав. Древн., т. II, кн. I, стр. 237, 215—229. Часть рукописи, заключающая въ себѣ изчисленіе народовъ древнѣйшей Россіи и количества городовъ, имъ принадлежавшихъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Phesnuzi habent civitates LXX. Thadesi plusquam CC urbes habent. Glopeani, in qua civitates CCCC aut eo amplius. Zvireani habent civitates CCCXXV. Busani habent civitates CCXXXI. Sittici, regio immensa, populis et urbibus munitissimis. Stadici, in qua civitates DXVI, populusque infinitus. Sebbirozi habent civitates XC. Unlizi, populus multus. civitates CCCXVIII. Nerivani habent civitates LXXVIII. Attorози habent CXLVIII, populus ferocissimus. Eptaradici habent civitates CCLXIII. Wuillerozi habent civitates CLXXX. Zabrozi habent civitates CCXII. Znetalici habent civitates LXXIV. Aturezani habent civitates

рукопись
10 столѣтія
Шафарикъ,
Землеписецъ
тогда же
сказано
и въ 10-го
вѣка

Баварскаго Землеписца о множествѣ городовъ представившихъ Россію, подтверждается свидѣтельствами сѣверныхъ сѣверянъ. Сосѣди русскихъ славянъ на сѣверо-западѣ Финляндіи, нынѣшней Швеціи и Норвегіи, иначе называвшійся Россію, какъ страну городовъ, на ихъ языкѣ Гар-

... civitates CCL. Lendizi habent civitates XCVIII. Thaf-
... CIVII. Zerivani, quod tantum est regnum, ut ex eo
... exorte sint et originem, sicut affirmant, ducant,
... Wolunzani civitates LXX. Bruzi plus est undique,
... Wuizunbeire. Caziri, civitates C. Ruzzi. Forsde-
... Savici. Lucolane». Сл. Др. Шафарика т. II. Прилож.
... объясненіемъ этого памятника трудились многіе уче-
... Добровскій, Лелевель, Палацкій и др.). Мы вос-
... результатами изслѣдованій Шафарика, какъ позднѣйшаго
... знаменитаго изъяснителя нашихъ древностей. По изслѣ-
... изчисляемые въ приведенномъ географическомъ отрывкѣ
... происхожденія: а) не славянскаго, именно: Phesnuzi—
... Прусы, Wizun-Beire—Бѣлые Беиры или Белиры (Бу-
... Казары, Ruzzi—Варяго-Руссы, Forsdegen—вѣтъ Чуди того-же
... также вѣтъ Чуди, Ungare—Угры; б) Славяне, обитавшіе на
... Gloreani—Колпяне, Zwireani—Свириане, Busani—
... Stadici—Стадичи, Sebbirozi—Себпр-
... Unlizi—Уличи, Nerivani—Неревяне или Нареваны, Atto-
... Eptaradici—Обрадичи, Wuillerozi—Булерцы, Zabrozi—За-
... Znetalici—Свѣтиличи или Нетоличи, Aturezani—
... Chozirozi—Хотипродичи или Басоричи, Lendizi—Лютичи, Zeriva-
... Таневцы, Prissani—Пружане, Welun-
... Brejizci—Брежичи, Segavici—Серавцы или Жеравцы, Lucol-
... Лукomlaне». Слав. Древ., т. II, кн. 1, стр. 215 и 229. Опредѣливъ под-
... названій и мѣстъ жительства народовъ, о которыхъ упоминаетъ
... географъ, насколько возможно сдѣлать это при нынѣ имѣющихся
... историческихъ источникахъ, Шафарикъ добавляетъ: «объясненія, сдѣланныя
... по крайнему разумѣнію этого драгоценнаго памятника, показываютъ,
... здѣсь многого еще остается желать. Пускай преемники наши своимъ
... трудолюбіемъ и проницательностію пополняютъ то, чего мы не могли сдѣ-
... Тамъ-же, стр. 229. Но преемники Шафарика, новѣйшіе историки, не
... вниманія на драгоценный памятникъ, не смотря на то, что его
... свидѣтельство о множествѣ городовъ у русскихъ славянъ, существовавшихъ
... IX—X вв., подтверждается свидѣтельствами нашихъ лѣтописей, древнихъ
... актовъ и писателей принадлежащихъ къ различнымъ народамъ и различнымъ
... странамъ. Намъ кажется, пока не опровергнуто мнѣніе о приведенномъ геогра-
... отрывкѣ, какъ источникѣ въ высшей степени важномъ для нашей
... исторіи, до тѣхъ поръ русскій историкъ не долженъ обходить его молча-
... или отдѣливаться отъ него фразою «кажется, что авторъ писалъ на
... обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ». И. Г.

~~„интересно, что фактически слово „гарды“ въ Скандинавских сагах, по мнению Вил. Крелла, не имеет никакого значения“~~
 дариккѣй“⁴⁹⁾. „Множество городовъ въ древнѣйшей Россіи бросалось въ глаза иностранцамъ, дѣйствовало на ихъ воображеніе, и только этимъ возможно объяснить происхожденіе эпитетнаго названія gaardarike—царство городовъ, приложенное къ землѣ Руссовъ“⁵⁰⁾.

Р. Карамзина, т. I, стр. 44. Нельзя же отвергать свидѣтельство современника потому только, что его показанія слишкомъ точны. Теперь, когда мы и по нашимъ лѣтописямъ и актамъ можемъ заключить о существованіи множества городовъ въ Россіи древнѣйшаго періода, свидѣтельство Мюнхенской рукописи о нѣсколькихъ тысячахъ городовъ у русскихъ славянъ IX—X вв. получаетъ особенную важность.

⁴⁹⁾ Вдальевъ, Разск. изъ Русск. Ист., т. I, стр. 7.

⁵⁰⁾ Классена, Новые матеріалы для древней Ист. Слав., т. I, стр. 39. изд. 1854 года. Для примѣра, укажемъ на «Сагу Олава», по времени описываемыхъ въ ней событій, относящуюся къ X вѣку, ко времени княженія Владиміра Святославича. При чтеніи этой, какъ и другихъ Скандинавскихъ сагъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣствованіе касается земли Руссовъ, мы почти на каждой страницѣ встрѣчаемся съ Гардариккѣю, гардами Руссовъ, конунгами гардовъ и т. д., при чемъ, слово гардариккѣя имѣетъ значеніе государства, состоящаго изъ городовъ, а гардъ — значеніе города—крѣпости или города-области. См. Рус. Ист. Собрн., 1840 г., т. I, кн. I стр. 41, 43, 49, 51 и др. Шлецеръ первый провелъ въ русскую историческую науку воззрѣніе, по которому Исландскія саги представляютъ собою не историческіе источники, «а бредни воображенія, глупыя выдумки», которыя будто-бы для уничтоженія безпорядка въ наукѣ должны быть выкинуты изъ числа историческихъ источниковъ. За Шлецеромъ послѣдовали Карамзинъ, Строевъ, Руссовъ, Каченовскій, Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ и др. См. Шлецера: Шлец. Нест., ч. I, с. 52, 427. Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. I, прим. 78. Строева: «Критич. вз. на Сканд. саги». Москва. 1833 г. Руссова: «О древн. Рос. новые толки и разборъ ихъ». Савельева-Ростиславича: «Варяжская Русь по Нест. и чужез. писат.» ст. 14, 28. Мы знаемъ мотивъ, заставившій Шлецера вычеркнуть Скандинавскія саги изъ ряда историческихъ источниковъ и признать въ нихъ только бредни воображенія. Шлец. Нест. I, стр. 53. Ученый, утверждающій, будто-бы до половины IX вѣка на пространствахъ всего Русскаго сѣвера не было ни одного города, не могъ видѣть въ Исландскихъ сагахъ ничего болѣе, какъ глупыя выдумки. Объясняя начало гражданскихъ союзовъ у древнихъ славянъ нѣмецкимъ вліяніемъ, Шлецеръ, по необходимости, долженъ былъ отвергнуть все, противное этой завѣтной идеѣ нѣмецкаго ученаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Скандинавскія саги. Слѣдуя Шлецеру, Карамзинъ повторяетъ за нимъ: «Баснословіе Исландскихъ повѣстей можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ; нельзя вѣрять баснословнымъ Исландскимъ повѣстямъ, сочиненнымъ въ новѣйшія времена и нерѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острогардомъ, Гардариккѣю, Голигардомъ. Ист. Г. Р. т. I, стр. 22, 27. Впрочемъ, Карамзинъ не совсѣмъ раздѣляетъ мнѣніе Шлецера объ

ныя въ то же время множество свидѣтельствъ о томъ-же предметѣ нашихъ домашнихъ источниковъ ⁵⁶⁾.

Наконецъ, въ существованіи нѣсколькихъ тысячъ городовъ въ Россіи до-татарскаго времени убѣждаютъ насъ

IV. *Свидѣтельства вещественныхъ памятниковъ,—сохранившіяся городища.* Въ существующей историко-юридической литературѣ встрѣчаемъ множество предположеній объ историческомъ значеніи памятниковъ древности, извѣстныхъ подъ названіями *городищъ и городковъ*.

Г. Ходаковский: „городища были святыми оградами или приходскими мѣстами, гдѣ сватбы и другіе обряды языческіе совершались“ ⁵⁷⁾.

Г. Погодинъ: „городища—это мѣста богослуженія“ ⁵⁸⁾.

Г. Срезневскій: „не мудрено, что общій выводъ позднѣйшихъ изслѣдователей будетъ, тотъ-же самый, что былъ и у большей части ученыхъ, занимавшихся городищами до сихъ поръ, то-есть, что городища суть памятники древняго богослуженія“ ⁵⁹⁾.

⁵⁶⁾ Источники указываютъ также на существованіе множества городовъ въ эпоху первыхъ Рюриковичей, имена которыхъ остаются намъ неизвѣстными, у народовъ не славянскаго происхожденія, сосѣдившихъ съ русскими славянами и вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ русскаго государства. Такъ: по Баварскому географу Печенѣги имѣли 70 городовъ, Козары 100. См. выше. По словамъ Вульфстана, родичи Славянъ, Прусы, Литовцы и Латыши въ концѣ IX вѣка владѣли множествомъ городовъ: «Das Estland ist sehr gross und es sind viele Städte» Шафарикъ. «Слав. Др.» прилож. стр. 63. О множествѣ городовъ Болгарскихъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи, передавая извѣстія о 80 городахъ, взятыхъ въ одинъ походъ въ 967 году Святославомъ Игоревичемъ у Болгаръ Дунайскихъ и о городахъ, сожженныхъ въ 1164 г. Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ у Болгаръ Волжскихъ. П. С. Р. Д., I, стр. 27, 151. О городахъ Половецкихъ извѣщаютъ наши лѣтописи подъ 1111 и 1116 гг. Тамъ-же, стр. 127, 128, т. II, стр. 2. Даже финскіе народы владѣли многими городами, для насъ неизвѣстными, какъ доказываетъ свидѣтельство древнѣйшей Новгородской лѣтописи объ отдаленнѣйшемъ финскомъ племени Югрѣ, этой «землѣ мрака», подъ 1193 годомъ. Тамъ-же, т. III, стр. 21; «идоша изъ Новгорода въ Югру съ воеводою Ядрѣмъ. И придоша въ Югру и взяша городъ и придоша къ другому граду, и затворишася въ градъ и стояша подъ городомъ 5 недѣль».

⁵⁷⁾ Вѣст. Евр. 1819 г. № 20, стр. 280.

⁵⁸⁾ Изслѣд. Зам. и Лекц., т. II, стр. 400.

⁵⁹⁾ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. II, стр. 533, Свят. и Обр. язык. богос. древ., слав. стр. 40.

Г. Котляревскій: „такъ-называемыя городища не были исключительно мѣстами религіознаго служенія, какъ полагалъ Ходаковский, но служили и могильниками для усопшихъ“ ⁶⁰⁾.

Г. Калайдовичъ: „не оспариваю, что мѣста славянскихъ жертвоприношеній и кумиры были на возвышеніяхъ, могли окружаться валами, что въ числѣ городищъ найдется нѣсколько таковыхъ мольбищъ, но рѣшительно утверждаю, что большую часть оныхъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“ ⁶¹⁾.

Даниловичъ: „всѣ окопы и валы, запущенные и необитаемые въ мирное время, служили окрестнымъ жителямъ и ихъ достоянію убѣжищемъ и защитою отъ непріятельскихъ нападеній и неминуемой гибели въ военныхъ бѣдствіяхъ... будучи общественными произведеніями народа, окопы не получили законнаго названія, неизвѣстны или забыты древними писателями, а простой народъ именуетъ ихъ городищами“ ⁶²⁾.

Г. Грабовскій: городища суть или слѣды войнъ, какъ наприм. окопы, или же остатки давнихъ оборонительныхъ мѣстъ... Эти обросшіе кустарникомъ окопы суть у насъ тоже, что въ западной Европѣ развалины башенъ, рыцарскихъ замковъ—памятниковъ бурнаго времени среднихъ вѣковъ ⁶³⁾.

Г. Тышкевичъ: „земляныя насыпи по ихъ назначенію слѣдуетъ раздѣлить на 4 отдѣльныхъ разряда: на укрѣпленные замки, на жертвенныя городища, на окопанныя судилища и курганы“ ⁶⁴⁾.

Графъ Уваровъ: „мы полагаемъ, что городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего неизвѣстно, служили укрѣпленнымъ мѣстомъ для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами, какъ-бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для бу-

⁶⁰⁾ Арх. Вѣст. Моск. Археол. Общ., т. I, стр. 66.

⁶¹⁾ Письма объ археол. изслѣд. въ Рязан. губ. 1823 г. № IV, стр. 61.

⁶²⁾ Рус. Ист. Сборн. 1841 г., кн. II, стр. 177 и 178.

⁶³⁾ Обзоръ могилъ, валовъ и городищъ Киев. губ., изд. Ив. Финдуглеми. 1848 г. Введеніе, стр. VII.

⁶⁴⁾ О кург. въ Лит. и зап. Руси 1865 г. *Wiadomosé hist. o zam i Litvi Rusi Litew.*

душихъ городовъ... внутренняя часть городищъ была занята жилищами, но какого они были рода, были-ли это землянки или деревянныя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ⁶⁵⁾.

Г. Корсаковъ: „мы полагаемъ, что всѣ поселенія и урочища, существующія въ настоящее время въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской, съ именами: „города“, „городка“ и „городища“ происхожденіемъ своимъ не одинаковы и могутъ быть отнесены къ разнымъ періодамъ славянской колонизаціи края. Въ періодъ до-христіанскій, когда въ землю Мери проникали еще славяне язычники, города и городки могли возникать въ значеніи священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній; затѣмъ, около этихъ городовъ и городковъ, какъ въ христіанскую эпоху около монастырей, сгруппировались поселенія. Эти поселенія, въ память ихъ, также стали называться городами и городками. Затѣмъ, при недружелюбныхъ отношеніяхъ съ туземцами, многія поселенія и эти города и городки и деревни должны были окапываться рвомъ и обноситься тыномъ, должны были огораживаться для защиты, и такимъ образомъ произошли общественныя укрѣпленія—города, терминъ которыхъ сохраненъ въ позднѣйшихъ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ князьями для защиты отъ набѣговъ Мордвы и Волгаръ. Развалины всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, слѣды ихъ оградъ, ихъ укрѣпленій, находимые въ настоящее время, народъ называетъ общимъ именемъ „городища“⁶⁶⁾.

⁶⁵⁾ Мериане и ихъ бытъ по курган. раскоп. 1872 г., стр. 94.

⁶⁶⁾ Мери и Ростовское Княжество, 1872 г., стр. 58 и 59. См. еще: Щекатова Георг. Словарь ч. II, стр. 70. Кеппена—Съвер. Архивъ 1823 г. № 1. стр. 25. Пассека, Рус. Ист. Сборн., т. III, 1838 г., стр. 21; Очерки Россіи, кн. II, стр. 197. Савельева Арх. Розыск. во Владимір. губерніи. Извѣстія Сахарова—Запис. Отд. Русск. и Славян. Археологии. т. I. Отд. арх. обзор. Русск. Земли, стр. 15. Белястина — Архивъ Ист. и практ. свѣдѣній, отн. до Россіи. Изд. Калачева. кн. II, стр. 3. Зырянова — Городища и курганы Шадринскаго уѣзд. Семеновскаго стат. Комитета стр. 506. Раевского—Списокъ населен. мѣстъ Владимір. губ. Общ. свѣд. о губер. ст. XLV—XLVII. Невструева—О городищахъ древн. волж-болгар. и казан. царствъ. 1871 г. Хлѣбникова — Общество и государство въ до-монг. періодъ, стр. 17. Вѣст. Европы. 1870 г., кн. VIII, стр. 447. ст. Никитскаго.

Можно свести эти предположенія къ тремъ категоріямъ: первая видитъ въ городищахъ остатки древнихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, служившихъ древнимъ славянамъ средствомъ защиты противъ нападений непріятеля; вторая признаетъ въ нихъ памятники языческаго богослуженія—жертвенники, приходскіе храмы; третья старается примирить то и другое воззрѣніе, раздѣляя сохранившіяся городища на нѣсколько видовъ, на основаніи теоретическихъ соображеній о времени, къ которому относится тотъ или другой видъ.

Оставляя третье воззрѣніе, какъ неимѣющее никакихъ фактическихъ основаній, мы подвергнемъ критическому разбору аргументацію двухъ первыхъ и попытаемся отвѣтить на вопросъ, которое изъ нихъ должно быть признано наукою за соотвѣтствующее исторической дѣйствительности.

Теорія, признающая въ городищахъ памятники языческаго богослуженія, предполагаетъ отсутствіе общинныхъ пунктовъ народнаго поселенія въ Россіи до призванія Рюрика—отсутствіе городовъ, предполагаетъ разбѣянные бытъ древнихъ славянъ, скрывавшихся отъ нападений непріятеля въ болотахъ и лѣсахъ, а не въ искусственныхъ укрѣпленіяхъ⁶⁷⁾; на оборотъ, теорія, объявляющая многія тысячи сохранившихся городищъ остатками отъ древнихъ искусственно-укрѣпленныхъ народныхъ поселеній, указываетъ на скупенную, общинную, въ первоначальномъ смыслѣ, городскую жизнь нашихъ предковъ. А потому, мы полагаемъ, что прежде нежели начинать безконечные споры о родовомъ или общинномъ бытѣ нашихъ предковъ въ эпоху призванія Варяговъ, слѣдовало сосредоточить все вниманіе на изученіи слѣдующихъ вопросовъ: что представляютъ наши городища въ ихъ настоящемъ видѣ? Какое ихъ значеніе въ исторіи? Къ какому времени они относятся? Можетъ быть, изученіе памятниковъ древности, сохранившихся въ нашихъ поляхъ и лѣсахъ, скажетъ намъ болѣе, нежели изученіе памятниковъ, сохранившихся въ нашихъ архивахъ; можетъ быть, изслѣдованіе городищъ укажетъ намъ яснѣе

⁶⁷⁾ Русск. Ист. Сбор. 1838 г., г. III, кн. III, Ист. система Ходаковского, стрн. 51 — 53.

и подробнѣе на общественный бытъ древнихъ славянъ, нежели темныя эластичныя указанія лѣтописей, превратитъ нескончаемые споры ученыхъ по этому предмету, разрѣшивъ загадки, неразрѣшимыя по Нестору и его продолжателямъ, уяснивъ и дополнивъ ихъ указанія. А между тѣмъ, въ теченіи 50-ти лѣтъ не появилось въ нашей ученой литературѣ ни одного сочиненія, съ спеціальною цѣлію рѣшить, путемъ всесторонняго изученія, вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи,—„вопросъ о городищахъ со времени Ходаковского не сдѣлалъ никакого существеннаго шага впередъ, не было сдѣлано никакихъ розысканій, которыя бы внесли какую нибудь опредѣленность въ вопросъ о городищахъ“⁶⁸⁾; „въ новѣйшее время городища превратились въ совершенныя загадки“⁶⁹⁾; „о прямомъ значеніи городищъ доселѣ ничего неизвѣстно“⁷⁰⁾—заявляютъ наши новѣйшіе ученые.

Изученіе существующей литературы о городищахъ, значеніе слова *городище* въ древнихъ актахъ и лѣтописяхъ и изслѣдованіе сохранившихся городищъ въ натурѣ побуждаютъ насъ признать въ этихъ памятникахъ остатки городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени,—памятники тѣхъ тысячъ городовъ, о которыхъ свидѣлствуютъ вышеприведенные архивныя источники.

По наружной конструкціи слово городище соответствуетъ словамъ сѣлище и дворище.

Въ самихъ древнихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ слова городъ, село и дворъ выражаютъ собою различные роды народныхъ поселеній; тѣ-же слова, съ измѣненіемъ окончанія на ище, означаютъ оставленныя мѣста народныхъ поселеній, нежилыя, „пустыя“, по выраженію одного изъ древнихъ памятниковъ⁷¹⁾.

Селище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда стояло село; дворище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда былъ дворъ; церквище—мѣсто, на которомъ нѣкогда стояла церковь; мона-

⁶⁸⁾ Арх. Вѣст. Моск. Арх. Общ. 1868 г., т. I, ст. 62, 66.

⁶⁹⁾ Вѣст. Европы, 1870 г., Кн. VII, Августъ, стр. 447.

⁷⁰⁾ Моряне и ихъ бытъ. Гр. Уваровъ, стр. 94.

⁷¹⁾ Книга Вол. Черт., изд. Языкова, стр. 149.

стырище—мѣсто, гдѣ былъ монастырь; соответственно тому, городище должно означать мѣсто нѣкогда бывшаго города ⁷²⁾).

Въ смыслѣ термина поселенія, слово городъ въ древности означало укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія ⁷³⁾, слѣдовательно, слово городище должно означать мѣсто, на которомъ нѣкогда стоялъ городъ въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія.

Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и древнихъ актовъ, гдѣ слову городище соответствуетъ только одно значеніе: значеніе мѣста бывшаго города. Несторъ, передавая народное преданіе о походѣ въ Грецію Кія, перваго князя Кіевскаго, высказываетъ: „идушу же ему опять, приде въ Дунаеви, възлюбѣ мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи, еже и донныѣ наричють Дунайцы *городище* Кіевецъ“ ⁷⁴⁾.

Діаконъ Игнатій, въ описаніи путешествія митрополита Пимена въ Царьградъ, даетъ слову городище тоже значеніе: „во вторникъ же *Серклію градъ* минухомъ пловуще, не *градъ* же убо, но *точію городище*“ ⁷⁵⁾.

Тожѣ значеніе слово городище сохраняетъ во всѣхъ другихъ историческихъ источникахъ ⁷⁶⁾.

⁷²⁾ Есть и другія слова въ нашемъ языкѣ, въ которыхъ измѣненіе окончанія на *ище* указываетъ на остатокъ отъ цѣлаго, означаемого тѣмъ же словомъ съ окончаніемъ неизмѣненнымъ; таковы: *пожарище*, *пепелище*, *побище*, и т. д.

⁷³⁾ См. выше стр. 41 и сл.

⁷⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 4.

⁷⁵⁾ Ист. Госуд. Рос., т. V, стр. 133.

⁷⁶⁾ Книга Больш. Черт., стр. 24: «Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, а послѣ Литовскаго раззоренія перенесенъ на другую сторону Донца, отъ стараго городища на 380 сажень»; тамъ-же стр. 149: «а за тѣми деревнями и до сибирскаго камня житья никакого нѣтъ; есть пустыя городища чудскія и Манкоръ, иныя». Собр. рук. г. О. А. Толстаго, отд. V, № 65: «Описаніе о началѣ города Чернаго Яра и о сгорѣннѣ перваго города, которое мѣсто нынѣ называется *городищемъ*». Въ отвѣтѣ Менгли-Гирея Ивану III Васильевичу 1492 года, сказано: «я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ, и строю теперь при устьи Днѣпра, на старомъ городищѣ, новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ». Ист. Гос. Рос., т. VI, стр. 146 и т. д.

Наконецъ, народныя преданія утверждаютъ, что множество сохранившихся городищъ представляютъ собою памятники древнихъ городовъ ⁷⁷⁾. Съ другой стороны, ни въ лѣтописяхъ, ни въ древнихъ актахъ мы не находимъ иного значенія слова городище, кромѣ значенія мѣста бывшаго города. Въ силу сказанныхъ аргументовъ, до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія всѣ ученые признавали въ городищахъ остатки древнихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія или крѣпостей. Такъ объяснено значеніе этихъ памятниковъ и въ Географическомъ Словарѣ Шекатова, въ которомъ читаемъ: „городище значитъ такое мѣсто, гдѣ прежде сего бывалъ городъ или какое укрѣпленіе ⁷⁸⁾“.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, польскій ученый Адамъ Чарноцкій, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ Зоріана Доленги Ходаковского, обративъ вниманіе на громадное количество сохранившихся городищъ и подчиняясь господствовавшимъ въ то время воззрѣніямъ о разсѣянномъ бытѣ древнихъ славянъ и ничтожномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ въ древнѣйшей Россіи, объявилъ понятія прежнихъ ученыхъ объ историческомъ значеніи городищъ грубою ошибкою незнанія, давъ этимъ памятникамъ новое объясненіе ⁷⁹⁾.

⁷⁷⁾ См. Сѣв. Архивъ. 1823 г., № 1, ст. 25. Записки отдѣл. рус. и слав. арх., т. I, 1851 г. Отд. арх. обзор. рус. зем., стр. 15—31, №№ 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, и др. Арх. Вѣст. Моск. Арх. Общ., т. I, 1868 г. стр. 62. Обзор. могилъ, валовъ и городищъ Кіев. губ. Изд. Фундуклея. 1848 г. с. VII и др.

⁷⁸⁾ Часть II, стр. 70.

⁷⁹⁾ «Одни, согласно съ Рулье», объявилъ Ходаковский, «утверждаютъ, что городища должны быть остатками городовъ прежнихъ народовъ; иные хотятъ видѣть въ городкахъ и городищахъ родъ нѣкоторой обороны военной и всѣ ошибаются, ибо не знаютъ, что сіи городки слишкомъ многочисленны для нашего сѣвера, который не въ состояніи прокормить столько городовъ и столь тѣсны, что не могутъ помѣстить болѣе двухъ деревенскихъ хижинъ, и потому самому неспособны для обороны. Если бы дѣлали оныя съ такимъ намѣреніемъ, нужно-ли было держаться правилъ, чтобъ всѣ городища имѣли входъ отъ востока, были насыпаны черноземомъ и окружались на четыре версты одинаковыми урочищами славянскими, то-есть, божественными, чиновными, жертвенными, любовными, природными, земледѣльческими и пр.» Жур. Мин. Нар. Просв., 1838 г., № 12, стр. 488. Русск. Ист. Сбор. 1844 г. т. VII, стр. 10.

Городища признаны не остатками древнихъ городовъ, какъ прежде думали ученые, а мѣстами языческаго богослуженія древнихъ славянъ, приходскими храмами, „насыпями, которыя ограждали нѣкогда посвященныя многобожію мѣста“ ⁸⁰⁾

Теорія городищъ Ходаковского имѣла въ наукѣ громадный успѣхъ и еще въ настоящее время ей слѣдуютъ многіе изъ уважаемыхъ нашихъ ученыхъ. Намъ кажется, чтобы признать въ сохранившихся городищахъ памятники языческаго богослуженія, должно признать достаточными основанія этого воззрѣнія, и, наоборотъ, должны быть признаны неубѣдительными доводы въ пользу воззрѣнія на городища, какъ на памятники древнихъ городовъ. Понятіе объ историческомъ значеніи городищъ ученыхъ до Ходаковского опирается на доводахъ филологіи, прямыхъ свидѣтельствахъ источниковъ и народныхъ преданійхъ. Гипотеза Ходаковского держалась и держится на голословныхъ заявленіяхъ о личномъ убѣжденіи въ священномъ характерѣ этихъ памятниковъ, которое авторъ вынесъ, будто-бы, изъ личнаго изслѣдованія нѣсколькихъ сотенъ сохранившихся городищъ, изслѣдованныхъ имъ въ странствованіи между Шлезією и Москвою, Бѣлоозерскимъ уѣздомъ и берегами Днѣстра, и на объявленныхъ имъ признакахъ повсемѣстнаго единообразія городищъ ⁸¹⁾.

Послѣдователи Ходаковского, принимая голословныя заявленія его о личномъ знакомствѣ со множествомъ городищъ за чистую монету, распространили мнѣнія, по которымъ: „Ходаковский пѣшкомъ обошелъ почти все славянскія земли, онъ изрылъ рус-

⁸⁰⁾ «нашедши» говорятъ Ходаковский, «едва не при всѣхъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Россіи до 989 г. земляные маленькіе городки, замѣтивъ ихъ вездѣ при урочищахъ, одноименныхъ съ славянскими божествами, и на всѣхъ порѣчьяхъ и поозерьяхъ, способствовавшихъ нервованію поселеніямъ, не могу не опредѣлить, что сіи однохарактерные окопы съ одинаковыми названіями значили въ 1 эпохѣ нашей священныя ограды, осѣняемыя рощами или дубравами, гаями, словомъ, онѣ были нашими *lucus*». Рус. Ист. Сбор. т. I, кн. 3, стр. 53. Изложеніе гипотезъ Ходаковского см. въ Вѣст. Европы 1819 г. № 20, стр. 279 и слѣд.; 1820 г. №№ 17 и 18; Сынъ Отеч. 1820 г. №№ 33—40; Рус. Ист. Сборн. т. I, к. 3, т. VII; Жур. Мин. Нар. Просв. 1838 г., № 12, стр. 479 и слѣд.

⁸¹⁾ «Видѣвъ одинъ характеръ и неизмѣнныя условія во всѣхъ городкахъ. Изчисляю здѣсь сіи условія: 1) находятся вообще въ прелестныхъ избран-

скую землю; Ходаковский имѣлъ право быть смѣлымъ въ своихъ заключеніяхъ, обладая огромнымъ запасомъ наблюденій; никто, кромѣ него, не путешествовалъ еще такъ долго и такъ исключительно съ цѣлію узнать городища“, и т. д.⁸²⁾ Въ дѣйствительности же, изученіе теоріи городищъ Ходаковского въ изложеніи самого автора (а не въ сжатомъ изложеніи Погодина Изс. Зам. и Лекц. Т. II, стр. 400—414), сличеніе его соображеній о городищахъ, напечатанныхъ до появленія критики Калайдовича и послѣ ея и изслѣдованія городищъ въ натурѣ, указанныхъ самимъ Ходаковскимъ, доказываютъ, что знаменитая теорія богослужебнаго значенія городищъ была получена авторомъ путемъ кабинетныхъ соображеній, а не путемъ изученія этихъ памятниковъ въ натурѣ, что убѣжденіе о личномъ знакомствѣ Ходаковского со множествомъ городищъ, распространенное г. Погодинымъ путемъ лекцій въ московскомъ университетѣ, не имѣетъ фактическихъ основаній. Въ приступѣ къ отвѣту Калайдовича самъ Ходаковский сознается: „надлежало мнѣ разсмотрѣть Россію... и я, снабженный открытыми листами, отправился

ныхъ мѣстахъ, имѣя входъ съ востока, лѣтнаго или зимняго; 2) валъ изъ чернозема насыпанъ до самой подошвы; 3) внутренняя тѣснота; 4) постоянныя вокругъ урочища, какъ выше сказано; 5) извѣстное разстояніе отъ другихъ городковъ въ 4, 6, 8-ми старыхъ верстахъ, или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ. Странствуя отъ Шлезіи до Москвы и отъ береговъ Днѣстра до Бѣлоозерскаго уѣзда, я видѣлъ нѣсколько сотъ уцѣлѣвшихъ городковъ, нѣдѣко въ мѣстахъ, которыя никакимъ преданіемъ и историческимъ случаемъ не ознаменованы, часто находятся въ поляхъ, удаленныхъ отъ жила, въ лѣсахъ, пробуждаемыхъ журчаніемъ холоднаго ручейка... Рус. Ист. Сборн., т. I, кн. III стр. 11 и 13. «Г. Калайдовичъ спрашиваетъ меня: кто внушилъ такой даръ вѣдѣнія, при совершенномъ молчаніи всѣхъ вообще лѣтописей? Вѣдѣнія мои были внушены пятилѣтнимъ до того странствованіемъ». Тамъ-же, стр. 77. «Г. Калайдовичъ спрашиваетъ: кто расскажетъ намъ исторію сихъ городищъ и урочищъ, во множествѣ разсѣянныхъ по землѣ славянской? Сіе самое множество, или лучше сказать однообразіе, увольняетъ меня отъ особенныхъ исторій на каждомъ мѣстѣ. Общее, древнее у всѣхъ Словянъ, въ продолженіи 7 лѣтъ, выучился я нѣсколько узнавать». Тамъ-же, стр. 97.

⁸²⁾ См. Погодина—Изслѣд. Зам. и Лекц., т. II, стр. 390. Рус. Ист. Сборн. т. III, кн. III, стр. 73, прим. ред. Зап. Одес. Общ. Ист. и древ., т. II, стр. 533; и др.

изъ С.-Петербурга въ мое путешествіе, 17 Августа 1820 года. Взоръ и вопросы мои во-первыхъ устремились на Ижерскую землю (Ингрію) и на берега знаменитой Невы, оттуда перешелъ я къ устью Волхова и старой Ладогѣ,—далѣе къ Новгороду и окрестностямъ онаго... (перечисляется 25 русскихъ городовъ въ губерніяхъ Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской и Смоленской)... и прибылъ въ Москву 1821 года. Симвъ заключались *Annus Gratiae*, первая поѣздка моя (замѣтитъ, первая и послѣдняя) *въ продолженіи одного съ небольшимъ мѣсяца и двухъ зимъ*, которыя употребилъ я въ занятіяхъ въ Новгородѣ и Москвѣ⁸³⁾. Слѣдовательно, знаменитый археологъ, географъ и историкъ, будто-бы, исходившій пѣшкомъ и изрыпшій русскую землю, по его собственному сознанію, занимался въ Россіи изслѣдованіемъ городищъ только одно лѣто: онъ выѣхалъ изъ Петербурга 17-го Августа 1820 года, а окончилъ путешествіе въ Москвѣ въ слѣдующемъ 1821 году, положимъ даже въ концѣ его. Мы по собственному опыту знаемъ, да и каждый археологъ, лично изслѣдовавшій городища, знаетъ, что въ теченіи одного лѣта можно изучить въ археологическомъ отношеніи самое незначительное пространство земли; Ходаковский же въ одно лѣто изходилъ и изслѣдовалъ 5 губерній, посѣтилъ 25 городовъ⁸⁴⁾; „среди сего странствованія лично обозрѣвалъ еще многія окрестности и мѣста замѣчательныя по древнимъ названіямъ или уцѣлѣвшимъ городѣамъ, разрывалъ, такъ называемыя, Сопки въ Старой Ладогѣ, на Волотовѣ, при нижнемъ Волховѣ, и при Мологѣ, отличныя какія-то насыпи въ Чернобожьи“⁸⁵⁾. Обѣхалъ такое

⁸³⁾ Рус. Ист. Сбор. т. I, кн. 3, ст. 5 — 7. Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1838 г. № 12, стр. 479 и слѣд.

⁸⁴⁾ Авторъ былъ: въ Ижерской Землѣ, Старой Ладогѣ, Новгородѣ, Лугѣ, Коропѣ, Дѣвичей горѣ, Гдовѣ, Псковѣ, Изборскѣ, Порховѣ, Чернобожьи, опять въ Новгородѣ, Яжелобцахъ, Торжкѣ, Твери, Городнѣ на Волгѣ, Бѣжецкѣ, Бѣжецкомъ Погостѣ, Весьягонскѣ, Устюжнѣ, Веси-Колбской, Череповцѣ, Кашинѣ, Бѣлгородѣ на Волгѣ, Дмитровѣ, Троицкой Лаврѣ, Радонежѣ, Москвѣ, Звѣнигородѣ, Рузѣ Новой, Можайскѣ у источниковъ Москвы рѣки и опять въ Москвѣ. Тамъ-же, стр. 6.

⁸⁵⁾ Тамъ-же.

пространство земли въ указанный срокъ возможно, но невозможно его изслѣдовать въ археологическомъ отношеніи. Мы тѣмъ болѣе сомнѣваемся въ археологическихъ трудахъ автора, что въ подтвержденіе словъ, имъ не было обнаружено ни обѣщанныхъ описаній, ни плановъ, ни чертежей, ни даже простаго перечня сотенъ городищъ, будто-бы изслѣдованныхъ имъ. Но можетъ быть Ходаловскій хорошо познакомился съ городищами въ земляхъ западныхъ и южныхъ славянъ, до пріѣзда въ Россію? И это весьма сомнительно; не только описаній, но даже простаго перечня городищъ на западѣ, какъ и въ Россіи, составленнаго Ходаловскимъ не сохранилось, а между тѣмъ, есть основаніе думать, что онъ даже не былъ увѣренъ въ существованіи городищъ у западныхъ Славянъ ⁸⁶).

Откуда же Ходаловскій набралъ множество названій живыхъ урочищъ и городковъ, перечисленныхъ въ его, такъ-называемомъ, „Номенклатурномъ Словарѣ“ и означенныхъ на картѣ, изданной въ нынѣшнемъ году въ приложеніяхъ въ Древней Русской Исторіи Погодина? Послушаемъ опять самого автора: „среди сего странствованія, разсмотрѣлъ я 4 губернскіе чертежи въ генеральномъ производствѣ межевой всякаго уѣзда, со всѣми осыдлостями, пустошами и т. п. живыми урочищами, все до одного нумера. Въ Москвѣ, пользуясь дозволеніемъ межевой канцеляріи, я разсмотрѣлъ еще 21 губернію со всею подробностію генеральнаго производства, съ экономическими примѣчаніями... содѣйствіе другихъ не могло быть вообще значительнымъ. Старый священникъ, помѣщикъ, земледѣлецъ, были моими наставниками касательно своего околотка. Надлежало по одной жемчужинѣ, такъ

⁸⁶) Въ 1823 году въ Сѣверномъ Архивѣ было напечатано письмо Кеппена изъ Германштадта, въ которомъ было сказано: «городищъ, каковыя находятъ г. Ходаловскій, я не встрѣчалъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь градищами называются развалины древнихъ замковъ и башенъ». Сѣв. Арх. 1823 г. № 1, стр. 25. Балайдовичъ указалъ Ходаловскому на это письмо и послѣдній отвѣчаетъ: «я просилъ г. Кеппена развѣдать не о башняхъ и замкахъ, построенныхъ въ новѣйшія времена, и не у дефиниторовъ келейныхъ или нормальныхъ, но при удобномъ случаѣ спросить тамошнихъ пановъ и кметей, особенно старожилловъ, есть-ли у нихъ что-нибудь похожее на русскія городища и польскія гродзиски. Рус. Ист. Сбор., т. I, кн. 3, стр. 45.

изъянсюсь, нанизывать сію нить длинную. Межевая канцелярія въ сихъ отношеніяхъ болѣе меня удовлетворяла—рѣдкій былъ уѣздъ, въ которомъ при первомъ взглядѣ не нашлось бы 10 ~~городковъ~~ ⁸⁷⁾.

И такъ, археологическое изслѣдованіе городищъ Россіи, принятое Ходаковскимъ, сосредоточилось въ межевой канцеляріи и ея отдѣленіяхъ и ограничилось выборомъ изъ чертежей и картъ генеральнаго межеванія живыхъ урочищъ и городищъ, которыя авторъ находилъ нужными для подтвержденія своихъ теорій. Но для того не нужно было странствовать по Россіи; можно было оставаясь въ Петербургѣ или Гомелѣ, пользуясь географическими картами и словарями, собрать сотни городищъ и живыхъ урочищъ. Слѣдовательно, теоріи Ходаковского о древнихъ городищахъ основаны не на изученіи городищъ въ натурѣ, а на кабинетной работѣ, при которой путешествіе по Россіи только маскировало чисто теоретическія построенія. Условія богослужебнаго значенія городищъ, объявленныя авторомъ въ „Письмѣ изъ Гомля“, были получены имъ путемъ кабинетныхъ соображеній: приступивъ къ изученію городищъ въ натурѣ, осмотрѣвъ нѣсколько насыпей на Волховѣ и въ окрестностяхъ Новгорода, авторъ не нашелъ предположенныхъ имъ условій, но у него не хватило силы характера, чтобы сознаться въ своей ошибкѣ. Отсюда, ученый, ясно излагающій свои мысли въ „Письмѣ изъ Гомля“ и въ „Проектѣ ученаго путешествія по Россіи“ ⁸⁸⁾, въ „Донесеніи о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи“ и въ отвѣтѣ Калайдовичу, названномъ редакціей Русскаго Историческаго Сборника за 1838 годъ „Исторической системой“, впадаетъ въ безпрестанныя самопротиворѣчія; прячетъ свои мысли въ темнотѣ изложенія, въ общихъ мѣстахъ, въ двусмысленныхъ намекахъ; защищаетъ себя стороною или намеками о своей опытности и часто является совершенно непонятнымъ ⁸⁹⁾.

⁸⁷⁾ Стр. 6 — 8.

⁸⁸⁾ Вѣст. Евр. 1819 г. № 20; 1820 г. № 17, 18.

⁸⁹⁾ Рус. Ист. Сборн. т. 1, к. 3, стр. 8, 9, 44, 45, 77, 79, 83, 92 — 96 и друг. Отвѣчая на вопросъ Калайдовича: «имѣли-ли наши предки

Сказанное объясняетъ, почему ни одно изъ фактическихъ основаній теоріи богослужебнаго значенія городищъ, созданной Ходаковскимъ, не оправдалось въ дѣйствительности.

Три извѣстныя въ наукѣ изслѣдованія, предпринятія съ цѣлю изученія внѣшнихъ формъ сохранившихся городищъ, привели къ результатамъ, по которымъ признаки единообразія городищъ, положенныя въ основаніе теоріи Ходаковского, оказались плодомъ фантазіи, а не факта. Эти изслѣдованія принадлежатъ Б. Θ. Калайдовичу, И. И. Срезневскому и А. С. Уварову. Изслѣдованіе городищъ Рязанской губерніи привело г. Калайдовича къ слѣдующему результату: „позвольте“, писалъ знаменитый археологъ въ 1823 году, къ А. Θ. Малиновскому, „изчислить нѣсколько городковъ и городищъ, о которыхъ столь много говорятъ въ наше время, а потомъ предложить мнѣніе по сему предмету, которое будетъ совершенно противно извѣстнымъ предположеніямъ Ходаковского“. Слѣдуетъ перечень городищъ изслѣдованныхъ авторомъ, опроверженіе всѣхъ условій, на которыхъ основано воззрѣніе на городища, какъ на языческіе храмы и, наконецъ, слѣдующее заключеніе: „не оспариваю, что мѣста славянскихъ жертвоприношеній и кумиры были на возвышеніяхъ, могли окружаться валами, что въ числѣ городищъ найдется нѣсколько таковыхъ молибищъ, но рѣшительно утверждаю, что

язычники храмы? „были-ли у нихъ жрецы?“ Ходаковскій договорился до того, что объявилъ русскіе города, упоминаемые въ договорѣ Олега съ греками священными рощами, а князей этихъ городовъ первосвященниками!? «О жрецахъ давнымъ давно извѣстно изъ лѣтописей: были у Славянъ Балтійскихъ; Русскіе также ихъ имѣли; даже Несторъ объ нихъ говоритъ, но мы ихъ до сихъ поръ у него не замѣтили. Въ договорахъ Руси съ Византіей 906, 912 и 945, не только Олегъ и Игорь называются свѣтлыми великими князьями, но и тѣ, которые остались въ городахъ: Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Любечъ, Полотескъ, Ростовъ и прочихъ, сущіе подъ рукою Кіевского... Города въ означенныхъ мѣстахъ должно понимать посвященными оградами или рощами lucus, а свѣтлыхъ князей первосвященниками. Посмотримъ далѣе: Древляне говорятъ передъ кіевскою Ольгою: наши князья (во множеств. числѣ) суть добри, иже распаслисутъ Деревскую землю! Иныхъ, кромѣ духовныхъ, не можно предполагать въ 62 года послѣ покоренія той земли Олегомъ, и при собираемой тутъ ежегодно дани изъ Кіева». Тамъ-же, ст. 81, 82.

большую часть оныхъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“⁹⁰⁾. Изслѣдованіе г. Срезневскаго городищъ южной Россіи и западныхъ славянъ привело къ слѣдующимъ результатамъ. Ходаковскій объявилъ, что „городища должно искать на каждой квадратной милѣ земли славянской, что каждое лежитъ порознь, уединенно, такъ, что нельзя видѣть двухъ трехъ на одной верстѣ“⁹¹⁾; г. Срезневскій замѣтилъ, что „факты противорѣчатъ такой догадѣ... въ южной Россіи нѣкоторыя прирѣчья примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно пройти большое пространство, напримѣръ, въ степи, не найдя ни одного. Равнымъ образомъ, городища попадаются и на востокъ и на западъ такъ близко, что съ одного можно видѣть нѣсколько, что находимъ два три на одной полуверстной линіи“⁹²⁾. Ходаковскій объявилъ: „городища вездѣ межъ собою единообразны, имѣютъ небольшіе кругловатые валы“⁹³⁾; г. Срезневскій напелъ: „разнообразіе формъ, которое встрѣчаемъ въ валахъ городищъ, болѣе всего мѣшаетъ ясности понятія о городищѣ вообще. Почти можно сказать, что нѣтъ черты, прямой, или кривой, по которой не была бы проведена насыпь вала въ городищѣ“⁹⁴⁾. Ходаковскій считалъ входъ съ востока непремѣннымъ условіемъ всѣхъ городищъ, преимущественно доказывавшимъ ихъ религіозный характеръ⁹⁵⁾; г. Срезневскій высказываетъ: „Ходаковскій считалъ лице или входъ съ востока въ числѣ важныхъ условій городища и ошибся. Вы видѣли десять городищъ, обращенныхъ лицомъ къ западу, видѣли четыре, обращенныхъ къ сѣверу, видѣли два, обращенныхъ къ югу“⁹⁶⁾. Ходаковскій объявилъ: „въ городищахъ, собственно такъ-называемыхъ, едва-ли можно помѣс-

⁹⁰⁾ Письма объ Арх. изслѣд. въ Ряз. губер., т. IV.

⁹¹⁾ Рус. Ист. Сборн., 1838 г., кн. III, стр. 11, 12.

⁹²⁾ Зап. Одес. Общ. Ист. и древ., т. II, стр. 535, 536.

⁹³⁾ Сынъ От. 1820, № 33, стр. 296. Вѣст. Ев. 1819 г. № 20, стр. 218. Въ отвѣтъ Калайдовичу авторъ отказался отъ этого положенія и долженъ былъ признать разнообразіе формъ городищъ. Р. И. С. 1838 г., III, стр. 10.

⁹⁴⁾ Стр. 537.

⁹⁵⁾ Жур. Мин. Нар. Пр. 1838 г. № 12, стр. 488. Истор. Система, стр. 11, 27, 93 и др.

⁹⁶⁾ Стр. 547.

9 титъ двѣ жилины ⁹⁷⁾; г. Срезневскій нашелъ: „длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и доходить до 1000... Обыкновенной величины городища имѣютъ отъ 150 до 300 шаговъ длины по вѣнцу вала.“ ⁹⁸⁾. Въ изслѣдованіи графа Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“, въ отдѣленіи „первыя жилища и первыя поселенія“ читаемъ: „найденныя въ городищахъ желѣзные предметы неоспоримо приурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка... мы думаемъ, что обычай воздвигать городища былъ такимъ-же общенароднымъ обычаемъ у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка, какъ сожиганіе труповъ или насыпка кургановъ“ ⁹⁹⁾. Въ отдѣленіи „внутренній бытъ“, подъ рубрикою „жилища“, находимъ: „городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего неизвѣстно, занимая центральное положеніе и вѣроятно самое лучшее возвышенное мѣсто на срединѣ мерянскихъ поселеній, служили укрѣпленнымъ мѣстомъ для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь нѣкоторыхъ городищъ съ городами подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ осѣдлости для будущихъ городовъ.... изъ всего этого можно замѣтить, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами“ ¹⁰⁰⁾. Наконецъ, въ томъ же отдѣленіи, подъ рубрикою „предметы религіознаго вѣрованія“, находимъ: „не смотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей, мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для

⁹⁷⁾ Сынъ Отечест. 1320 г. № 38. с. 201.

⁹⁸⁾ Стр. 548 и 549. См. еще Костомарова Сѣвер. рус. народопр., т. II, стр. 78—81. Описаніе городищъ отъ пригородовъ Псковскихъ. Величина площадей ихъ измѣняется отъ 500 до 900 шаговъ въ окружности: пространство Изборскаго городища «менѣе иного помѣщичьяго двора»; площадь Котельничьяго городища «до 600 шаговъ въ окружности»; «площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину»; «площадь Ворончскаго городища болѣе 700 шаговъ въ окружности»; «окружность площади Коложскаго городища до 800 шаговъ»; «Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ»; «окружность Краснаго городища 515 шаговъ»; «Вельское городище имѣетъ въ окружности 879 шаговъ».

⁹⁹⁾ Стр. 47

¹⁰⁰⁾ Стр. 94.

религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и для жертвоприношеній. Слѣды обгорѣлыхъ предметовъ, угли и остатки звѣриныхъ костей, попадающіеся при раскопкѣ городищъ, могли принадлежать, какъ религіознымъ жертвоприношеніямъ, такъ и жилищамъ, находившимся въ этихъ городищахъ“ ¹⁰¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ общія условія городищъ, положенныя Ходаковскимъ въ основаніе его теоріи, оказались несоотвѣтствующими дѣйствительности. Но если основанія воззрѣнія на городища, какъ на памятники языческаго богослуженія, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то что-же заставитъ насъ удерживать долѣе эту теорію въ виду вышеприведенныхъ историческихъ и филологическихъ данныхъ, указывающихъ на истинное значеніе этихъ памятниковъ въ исторіи.

Значеніе Ходаковского въ наукѣ опредѣляется не его теоретическими построеніями о значеніи городищъ въ исторіи, какъ памятниковъ міеологіи, а тѣмъ, что онъ, выбравъ разсѣянныя извѣстія о городищахъ изъ географическихъ словарей и географическихъ картъ, обратилъ вниманіе на громадное количество этихъ памятниковъ. И этотъ существенный пунктъ въ трудахъ Ходаковского не обратилъ на себя должнаго вниманія ученыхъ, только благодаря фантастическимъ предположеніямъ самого автора о міеологическомъ значеніи городищъ, какъ храмовъ, поставившихъ въ тѣни важное открытіе.

Будучи того мнѣнія, что только личное знакомство съ первичными источниками даетъ твердость убѣжденіямъ въ отношеніи историческихъ вопросовъ и желая провѣрить путемъ личнаго изслѣдованія городищъ воззрѣнія на эти памятники, высказанныя въ нашей ученой литературѣ ихъ прежними изслѣдователями, я сдѣлалъ два путешествія по Россіи: одно въ 1871 году, а другое въ 1872 году. Я осмотрѣлъ четыре позднѣйшія земляныя насыпи на лѣвомъ берегу р. Невы, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ названіями городковъ ¹⁰²⁾; такой-же городокъ на

¹⁰¹⁾ Стр. 97.

¹⁰²⁾ 1) На правомъ берегу устья р. Ижоры, въ селеніи Усть-Ижорѣ; 2) въ двухъ верстахъ отъ села Вознесенскаго или Корчина, по дорогѣ въ дерев-

лѣвомъ берегу р. Назыи ¹⁰³); городище на лѣвомъ берегу р. Лавы ¹⁰⁴); четыре, сохранившіяся городища на р. Волховѣ ¹⁰⁵); пять городищъ въ окрестностяхъ Новгорода и Старой Руссы ¹⁰⁶); Дьяконово городище подъ Москвою ¹⁰⁷); четыре городища въ Курскомъ уѣздѣ на берегахъ рѣкъ Сейма, Рати и Курн ¹⁰⁸); два городища въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, на берегу р. Донца ¹⁰⁹); городокъ въ чертѣ города Путивля ¹¹⁰); три городища въ Суджанскомъ уѣздѣ ¹¹¹); семь городищъ въ Глуховскомъ уѣздѣ на берегахъ рр. Есмани и Клевени ¹¹²); тринадцать городищъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, на берегахъ рѣкъ Десны и Малотечны ¹¹³); два городища въ Стародубскомъ

ню Новое, на такъ-называемомъ Шереметьевомъ полѣ; 3) на правомъ берегу устья р. Тосны въ селѣ Ивановскомъ; 4) подъ селеніемъ Петрушкинымъ.

¹⁰³) У деревни Апракинъ городокъ.

¹⁰⁴) У деревни Городище.

¹⁰⁵) 1) Въ Старой Ладогѣ; 2) въ двухъ верстахъ отъ Старой Ладogi, внизъ по теченію Волхова, при впаденіи въ него Короповскаго ручья, между деревнями Короповкою и Любшею; 3) у деревни Дубовики, въ 9 верстахъ отъ Старой Ладogi, вверхъ по Волхову; 4) у села Городища, при впаденіи въ Волховъ ручья Солоника.

¹⁰⁶) 1) Холопій городокъ въ 8 верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу Волхова, между Варлаамовымъ монастыремъ (Хутынѣ) и деревнею Робейкою; 2) въ одной верстѣ отъ Новгорода, противъ предмѣстья Славки; 3) у деревни Сергіева, въ 6 верстахъ отъ почтовой станціи Борки 4) въ одной верстѣ отъ села Бронницы; 5) въ Старорусскомъ уѣздѣ, у деревни Веряско, на р. Ловати.

¹⁰⁷) Въ четырехъ верстахъ отъ Царицына, въ селѣ Дьяконовѣ, на берегу р. Москвы.

¹⁰⁸) Два подъ Курскомъ, противъ села Толмачева; одно у деревни Городища и одно у деревни Гнѣздиловой.

¹⁰⁹) Подъ Бѣлгородомъ.

¹¹⁰) Гдѣ нынѣ острогъ.

¹¹¹) Два у Николаевской Бѣлогорской пустыни и одно у заштатнаго города Мирополья, при с. Рыбицѣ.

¹¹²) На р. Есмани: одно у деревни Будищъ и два у села Ротовки; на р. Клевени: у села Волокитина, у Воргла и два у села Литвиновичи.

¹¹³) На р. Деснѣ: три городища между Новгородсѣверскомъ и селеніемъ Команемъ; одно у села Араповичей; два у деревни Юхнова; два у села Горбова; одно у села Дегтяревки и одно у села Мезена. На р. Малотечнѣ: у деревни Кудлаевки; у села Стахорщины и у села Бугриновичи.

уѣздѣ, на берегахъ рр. Вары и Судости ¹¹⁴⁾ и два городища подъ Черниговомъ, на берегахъ рѣкъ Десны и Снова ¹¹⁵⁾.

Мы убѣдились лично, что дѣйствительность противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ теоріи историческаго значенія городищъ, созданной Ходаковскимъ. Такъ, Ходаковский утверждалъ, что въ мѣстностяхъ, которыя въ древности не были заселены славянами, въ какихъ онъ причисляетъ берега Невы, неизвѣстны народу названія городище и городокъ, что единственный окопъ на Невѣ, при устьѣ Ижоры, носитъ въ народѣ названіе шанецъ, а не городокъ, что первый городокъ, соотвѣтствующій условіямъ древнихъ славянскихъ городковъ — городокъ Апраксинъ на р. Назы, отъ котораго на югъ и на востокъ встрѣчаются городки соотвѣтственно его теоріи ¹¹⁶⁾. Въ дѣйствительности-же, на лѣвомъ берегу Невы мы нашли остатки четырехъ земляныхъ укрѣпленій, которыя каждому крестьянину ближайшихъ селъ и деревень извѣстны только подъ названіемъ городковъ; названіе шанецъ не извѣстно какъ финскому, такъ и славянскому элементамъ населенія; Апраксинъ городокъ по своимъ формамъ не отличается отъ городковъ на устьяхъ Ижоры и Тосны: всѣ три, при правильной четырехугольной формѣ, обведены рвами и имѣютъ по угламъ бастіоны для помѣщенія орудій; а слѣдовательно, если Усть-Ижорскій окопъ долженъ быть признанъ памятникомъ укрѣпленій системы Вобана, то таковымъ-же долженъ быть признанъ и городокъ Апраксинъ. Точно также, сохранившіеся древнѣйшія городища не представляютъ собою ни единообразной формы въ очертаніяхъ, ни единообразныхъ котлицъ на поверхности, ни единообразнаго расположенія, ни входа съ однимъ направленіемъ, ни насыпи единообразнаго состава, ни постоянно повторяющихся урочищъ въ ихъ окрестностяхъ. Напротивъ, формы городищъ, мѣстоположеніе, характеръ внѣшнихъ укрѣпленій, состоящихъ изъ

¹¹⁴⁾ На р. Варѣ, въ усадьбѣ Городищъ А. И. Ханенко; на р. Судости, у усадьбы Чубарова М. М. Ханенко.

¹¹⁵⁾ При впаденіи Снова въ Десну, въ селѣ Брусилонѣ и на берегу Снова, въ селѣ Седневѣ.

¹¹⁶⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1838 г., № XII, стр. 485.

рвовъ и валовъ, народныя преданія о значеніи ихъ, сличеніе мѣсто-нахожденія нѣкоторыхъ городищъ съ мѣстонахожденіемъ городовъ, называемыхъ лѣтописями въ до-татарскій періодъ, составъ городищныхъ насыпей и вещи, находимыя на поверхности городищъ и въ нихъ вырываемыя, убѣждаютъ, что эти памятники представляютъ собою не исключительныя мѣста языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, а жилища мѣста, защищавшія древнихъ поселенцевъ въ Россіи отъ непріятельскихъ нападеній, остатки тѣхъ тысячъ городовъ, о которыхъ говорятъ лѣтописи, древніе акты и иностранные писатели, вышеприведенные нами.

Всѣ сохранившіяся древнія земляныя насыпи, извѣстныя въ народѣ подъ названіями городищъ и городковъ ¹¹⁷⁾, по вѣн-нымъ формамъ, указывающимъ на эпоху ихъ происхожденія, мы думаемъ, должны быть раздѣлены на два разряда: 1) городища съ правильными угловатыми очертаніями, съ выступами или ба-стіонами по угламъ, для помѣщенія орудій, относящихся къ пе-ріоду послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ, и 2) городища съ кругообразными очертаніями, относящихся къ періоду до изобрѣтенія пороха и пушекъ. Къ первому разряду, изъ осмотрѣнныхъ мною городищъ, относятся: четыре городка на Невѣ, Апраксинъ городокъ на р. Назыи, окопъ въ Старой Ла-догѣ, съ южной стороны Георгіевской крѣпости, и городища подъ Бѣлгородомъ, въ Курской губерніи; ко второму, всѣ остальные. Типомъ первыхъ можно считать окопъ, на которомъ построена Павловская крѣпость подъ Петербургомъ, или городище, изобра-женное у Фундуклея, въ приложеніяхъ къ его „Обозрѣнію ко-гиль, валовъ и городищъ Кіевской губерніи“ ¹¹⁸⁾; вторыя до безконечности разнообразны. Оставляя новѣйшія городища, какъ неимѣющія отношенія къ нынѣ изучаемому нами вопросу, мы ука-жемъ здѣсь только общія условія городищъ древнѣйшей эпохи.

¹¹⁷⁾ Названія городище и городокъ въ народѣ не различаются: одну и ту же насыпь одинъ крестьянинъ наз. городищемъ, а другой городкомъ; одинъ и тотъ-же крестьянинъ одну и ту же насыпь называетъ городищемъ и городкомъ, смотря по формѣ предложеннаго ему вопроса.

¹¹⁸⁾ Табл. II, № 6.

Древѣйшія городища, за немногими исключеніями, расположены на наиболѣе высокихъ пунктахъ высокихъ побережій, защищены съ двухъ или трехъ сторонъ естественными оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а со стороны, примыкающей къ ровному, открытому полю, обведены искусственными укрѣпленіями, валами и рвами. Немногія городища, представляющія исключенія, помѣщены въ мѣстахъ низменныхъ, на лугахъ ¹¹⁹⁾, и въ такомъ случаѣ, всегда на мѣстахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ или окружавшихся водою. Городищъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, я нигдѣ не встрѣчалъ.

Внутренняя часть или площадь городищъ, расположенныхъ на высокихъ побережьяхъ, всегда представляетъ собою отрѣзокъ горы, отдѣленный отъ прилегающаго поля насыпнымъ валомъ и выкопаннымъ рвомъ, а со стороны естественныхъ укрѣпленій ровно обрѣзанный, такъ что подходъ къ городищу съ луговой стороны очень затруднителенъ, а подъѣздъ невозможенъ. Величина площади, большей части изслѣдованныхъ мною городищъ, измѣняется отъ 300 до 450 шаговъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 ¹²⁰⁾ и большія до 1,000 шаговъ въ окружности ¹²¹⁾. Поверхность площади, за исключеніемъ городищъ, застроенныхъ или занятыхъ кладбищами въ новѣйшее время ¹²²⁾, совершенно ровная, иногда поросшая лѣсомъ, а въ большинствѣ случаевъ, распахируется подъ посѣвы; никакихъ котлицъ, съ остатками жертвоприношеній, на поверхности городищъ я не встрѣчалъ. Форма площади разнообразна: городище на Лавѣ и Короповскій городокъ на Волховѣ треугольной формы; Сергіевскій го-

¹¹⁹⁾ Холоповскій и Сергіевскій городки подѣ Новгородомъ; Толмачево городище подѣ Курскомъ и городокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, у деревни Литвиновичи.

¹²⁰⁾ Сергіевскій городокъ подѣ Новгородомъ, Дьяконово городище подѣ Москвою, большое Рыбичское городище у Мирополья въ Суджанскомъ уѣздѣ.

¹²¹⁾ Варгольское и Волокитинское городища на р. Клевени въ Глуховскомъ уѣздѣ, большое Бѣлогорское городище на р. Пселѣ, въ Суджанскомъ уѣздѣ, городокъ въ чертѣ города Путивля.

¹²²⁾ Городище на Волховѣ въ селѣ Городищѣ, Бронницкій городокъ, Путивльскій городокъ, городокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ въ селѣ Литвиновичи, Еврейское кладбище подѣ Новгородомъ.

родокъ подъ Новгородомъ въ формѣ правильнаго полукруга, Дьяконовское подъ Москвою, Кудлаевское и Чайкино въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ въ формѣ почти правильныхъ круговъ; два Юхновскихъ, въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, айцеобразной формы, Дегтяревское и Чубаровское въ формѣ эллипсиса, и т. д. Входъ во всѣхъ городищахъ помѣщенъ съ той стороны, которая примыкаетъ къ открытому, ровному полю, отдѣленному отъ площади городищъ искусственными укрѣпленіями. Положеніе его опредѣляется мѣстными условіями. Такъ, напримѣръ: Кудлаевское городище на р. Молотечнѣ окружено съ сѣвера, запада и юга крутыми спусками къ рѣкѣ и естественными глубокими оврагами, по которымъ подниматься на городище очень трудно, а потому входъ этого городища обращенъ на востокъ, со стороны, гдѣ городище примыкаетъ къ полю, къ ровной поверхности. Чайкино городище, въ двухъ верстахъ отъ Кудлаевскаго, на той-же рѣкѣ, находится въ обратныхъ условіяхъ: примыкая къ открытому полю только съ запада, оно и входъ имѣетъ съ этой стороны, Слободское городище подъ Новгородсѣверскомъ, у села Команя, будучи помѣщено на крутомъ берегу Десны, имѣя съ сѣвера, сѣверо-востока, юга и юго-запада крутые спуски къ Деснѣ, въ глубокіе овраги, примыкая къ ровной поверхности только съ запада и сѣверо-запада, имѣетъ входъ съ послѣдняго; Бронницкій городокъ, помѣщенный на высокой, конусообразной горѣ, наиболѣе покатой съ сѣверной стороны, обращенъ входомъ на сѣверъ; Дьяконово городище подъ Москвою, кругомъ окруженное оврагами, длинной и узкой покатостью, спускающееся только съ восточной стороны, имѣетъ входъ съ востока; и т. д. Внѣшнія искусственныя укрѣпленія состоятъ изъ валовъ и рововъ. Въ большинства случаевъ городища окружены только однимъ валомъ, съ наружной стороны, окопаннымъ однимъ ровомъ, но встрѣчается ихъ и болѣе ¹²³⁾. Во многихъ городищахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ почва издавна распаивается подъ посѣвы, рвы уже засыпаны, но

¹²³⁾ Кудлаевское городище на р. Молотечнѣ, Еврейское кладбище на р. Деснѣ.

бытность ихъ открывается раскопкою прилежащихъ къ валамъ мѣстностей.

Дѣлая пробныя ямы на многихъ изъ осматрѣнныхъ мною городищахъ, я замѣтилъ, что составъ валовъ зависитъ отъ состава почвы въ той мѣстности, гдѣ расположено городище. Такъ, въ составѣ городищныхъ валовъ, лежащихъ на мѣловыхъ горахъ, преобладаетъ мѣль ¹²⁴⁾; въ составѣ насыпей городищъ, лежащихъ въ глинистыхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ, преобладаетъ глина и песокъ; наконецъ, въ городищахъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ чернозема, въ составѣ валовъ преобладаетъ черноземъ.

Внутренняя часть городищъ покрыта слоемъ перегной растительныхъ веществъ и щебня, по толщинѣ различнымъ и подобнымъ щебню на дворищахъ и селищахъ новѣйшаго времени. Вездѣ я находилъ множество глиняныхъ черепковъ, кости, кирпичъ, битый дикій камень, уголь, золу и вещи, указывающія на домашнюю обстановку древнихъ Славянъ, но не на характеръ ихъ культа. Въ обрушившемся валѣ Дьяковского городища, подъ Москвою, найдена крестьянами цѣлая куча мѣдныхъ вещей, часть которыхъ, доставшаяся на долю одному изъ нашедшихъ крестьянъ, купленная мною и отданная въ музей Московскаго Археологическаго Общества (толстая мѣдная бляха и нѣсколько мѣдныхъ шейныхъ обручей) представляютъ собою древнія украшенія; остальные вещи, проданныя крестьянами какому-то прохожимъ еврею, по ихъ описанію, были подобны вещамъ уцѣлѣвшимъ. При прорытіи мною въ томъ-же городищѣ пробной ямы, найдено множество разныхъ черепковъ, красной, бѣлой и черной глины, конскихъ и свиныхъ костей, битый камень, кирпичъ, уголь, зола, нѣсколько желѣзныхъ гвоздей и два маленькихъ глиняныхъ сосуда. При прорытіи двухъ пробныхъ ямъ въ большомъ Бѣлогорскомъ городищѣ, въ Суджанскомъ уѣздѣ, на р. Пелѣ, встрѣчены между прочимъ: четыре глиняныхъ кружка съ дырами (грузъ отъ рыбной сѣти), 4 заостренные кости (вѣроятно, иглы для

¹²⁴⁾ Юхновское городище на Деснѣ, Бѣлогорское и большое Рыбницкое городища въ Суджанскомъ уѣздѣ на р. Пелѣ.

штыя сѣтей), заостренный кабаній клыкъ, обдѣланный рогъ, маленький глиняный сосудъ, известковый шарикъ, желѣзный ножикъ, мѣдный со стекломъ перстень и маленький жерновъ или точило. При раскопѣ Волокитинскаго городища въ Глуховскомъ уѣздѣ на р. Клевени, между прочимъ, найдено нѣсколько глиняныхъ шариковъ съ дырами, заостренныхъ костей и желѣзный топоръ, хранящійся у мѣстнаго помѣщика А. М. Митлошевскаго; на томъ-же городищѣ найдены крестьянами желѣзная шпора и желѣзный кинжалъ. При раскопѣ пробной ямы на Юхновскомъ городище, найдено 16 глиняныхъ, конусообразныхъ слѣпковъ, неизвѣстнаго значенія, нѣсколько заостренныхъ костей и грузовые шарики.

Я не имѣлъ возможности раскопать, во всей цѣлости, ни одного городища; но сдѣланныя мною пробныя ямы на нѣкоторыхъ изъ нихъ не допускаютъ сомнѣній, что щебень, покрывающій внутреннюю часть городищъ, кости домашнихъ животныхъ, птицъ и рыбъ, глиняные черепки отъ различныхъ сосудовъ, битый дикій камень и кирпичъ, уголь и зола, лежащія обширными пластами (возникновеніе которыхъ можетъ быть объяснено только ожженіемъ построекъ нѣкогда стоявшихъ на городищѣ), а не сваленныхъ гдѣ либо въ углу, у котлища или жертвенника, какъ думали прежде, — указываютъ на городища, какъ на памятники древнихъ народныхъ поселеній, укрѣпленныя жилища или города древнихъ обитателей Россіи. Такимъ образомъ обзоръ древнѣйшихъ городищъ на Лавѣ, Волховѣ, Лавати, Москвѣ, Сеймѣ, Курѣ, Рати, Пслѣ, Есмани, Клевени, Деснѣ, Малотечнѣ, Судости, Варѣ и Снови привело насъ къ тому-же заключенію о значеніи городищъ въ исторіи, къ какому пришли г. Калайдовичъ при обзорѣ городищъ Рязанской губерніи, г. Пассекъ при обзорѣ городищъ Тульской губерніи, г. Белюстинъ при обзорѣ городищъ на Волгѣ, графъ Уваровъ при обзорѣ городищъ Владимирской губерніи, г. Грабовскій при обзорѣ городищъ Киевской губерніи, то-есть, что городища представляютъ собою мѣста, на которыхъ прежде стояли города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія.

При взглядѣ на городища, какъ на мѣста древнихъ народ-

ныхъ поселеній, мы думаемъ, вполне доказаннымъ собранными нами доказательствами, эти памятники получаютъ въ высшей степени важное значеніе для древнѣйшаго періода нашей исторіи, представляла собою чистый матеріалъ къ изученію количества поселеній въ древнѣйшей Россіи, путей колонизаціи, средствъ обороны отъ непріятеля, а въ нѣдрахъ своихъ, скрывая вещи, освѣщающія домашнюю обстановку нашихъ предковъ. Потому, убѣдившись мѣстными изслѣдованіями въ вѣрности моихъ заключеній объ историческомъ значеніи городищъ, полученныхъ на основаніи изученія архивныхъ источниковъ и ученой литературы, я нашелъ возможнымъ приступить къ собранію матеріаловъ для составленія общей географической карты сохранившихся городищъ, о необходимости которой для исторіи и археологій издавна заявлялось въ нашей ученой литературѣ, но для составленія которой до настоящаго времени почти ничего не сдѣлано. Я тратилъ бесполезно много времени и денегъ на поѣздки, отыскивая земляныя насыпи въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Географическая карта съ указателемъ могла бы облегчить дальнѣйшее изслѣдованіе городищъ лицамъ, которыя пожелаю бы заняться ихъ изученіемъ. Обдумывая средства къ собранію матеріаловъ для составленія карты и указателя сохранившихся городищъ, я остановился на слѣдующемъ. Въ восьми губерніяхъ, изъ посѣщенныхъ мною въ нынѣшнемъ году, я обратился къ гг. Начальникамъ губерній и гг. Секретарямъ Статистическихъ Комитетовъ съ просьбой собрать свѣдѣнія о мѣстонахожденіи городищъ въ ихъ губерніяхъ, посредствомъ циркулярнаго запроса къ волостямъ, слѣдующаго содержанія: „Губернскій Статистическій Комитетъ предлагаетъ всѣмъ Волостнымъ Правленіямъ доставить непременно къ..... числу будущаго.... мѣсяца свѣдѣнія: имѣются ли въ волости древнія земляныя насыпи, или валы, или окопы или батареи, которыя носятъ въ народѣ названія городковъ или городищъ, а если таковыя имѣются, то гдѣ именно, т. е., у какихъ городовъ, сель, деревень, хуторовъ, рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ, въ какомъ направленіи и въ какомъ разстояніи отъ послѣднихъ“. Сверхъ того, я обратился къ Преосвященнымъ Сергію Куре-

кому, Нааанаилу Черниговскому, Нектарію Харьковскому и Преосвященнымъ Викаріямъ Черниговскому и Харьковскому съ просьбой пригласить приходскихъ священниковъ (какъ лицъ наиболѣе образованныхъ въ мѣстностяхъ, ограниченныхъ небольшими округами, а потому наиболѣе способныхъ дать удовлетворительные отвѣты на интересныя для науки вопросы), подвѣдомственныхъ имъ епархій, къ содѣйствію въ изученіи древнихъ земляныхъ насыпей и къ отвѣту на вопросы о городищахъ и курганахъ по составленной мною программѣ ¹²⁵⁾.

Эта программа была напечатана въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ съ резолюціей Преосвященныхъ, приглашавшей духовенство подвѣдомственныхъ имъ епархій „возможными мѣрами содѣйствовать моимъ изслѣдованіямъ“.

Полученныя уже мною донесенія волостей Черниговской, Курской и Тульской губерній и сообщенія нѣсколькихъ священниковъ оправдали мои ожиданія и доказываютъ, что указанными путями возможно собрать обширный и въ высшей степени важный матеріалъ къ изученію древнѣйшаго періода нашей исторіи. Въ Черниговской губерніи, по этимъ донесеніямъ, оказалось до 150 городищъ, въ Курской до 60, въ Тульской до 50. Изъ другихъ губерній свѣдѣнія еще не получены.

Въ виду собранныхъ нами доказательствъ, рѣшающихъ вопросъ о значеніи городищъ въ исторіи, остановимся на вопросѣ: какое количество сохранившихся городищъ представляютъ собою памятники городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени. Для рѣшенія этого вопроса, беремъ нѣсколько мѣстностей, входившихъ въ составъ русскихъ княжествъ удѣльнаго періода и перечислимъ сохранившіяся въ нихъ городища.

Мы знаемъ извѣстія лѣтописи о неизвѣстныхъ намъ по име-

¹²⁵⁾ Въ программѣ я просилъ сообщить свѣдѣнія о мѣстонахожденіи сохранившихся древнихъ земляныхъ насыпей, ихъ величинѣ, формахъ, поверхности, укрѣпленіяхъ, положеніи входовъ, народныхъ преданій о ихъ значеніи, находкахъ на нихъ и ихъ роскожахъ. См. Черниг. Епархіал. Изв. 1872 г., № 19, стр. 503—507.

намъ городахъ земли Ростовской, въ которыхъ въ 1096 году князь Олегъ Святославичъ посадилъ своихъ посадниковъ: „Олегъ... перя всю землю Муромску и Ростовску, и посажа посадники по городамъ, и дани поча брати“¹²⁶); знаемъ также лѣтописное извѣстіе о 6-ти городахъ, лежавшихъ на Волгѣ, между Бсяятинымъ и Угличемъ, въ 1148 году, разоренныхъ Изяславомъ Мстиславичемъ: „Изяславъ... изъ Кіева иде на Гюрга Ростову съ Новгородци; и много воеваше люди Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городъкъ“¹²⁷). По изслѣдованіямъ г. Белюстина оказывается: „отъ Твери почти вплоть до Ярославля, по обѣимъ сторонамъ Волги, столько городищъ!... Такъ, при устьи р. Дубны городище, теперь село Дубенское городище; противъ него остатки вала, окоповъ, которыя доселѣ называются городищемъ; при устьи Хотчи городокъ, теперь село Вѣлгородокъ; при устьи Медвѣдицы весьма значительные остатки городищъ и укрѣпленій; на противоположномъ берегу отъ села Пухлимскаго, на пространствѣ 9-ти верстъ, почти непрерывная цѣпь окоповъ и укрѣпленій, явно сдѣланныхъ руками ~~человѣческими~~, которые и доселѣ называются городищами (тутъ же и доселѣ существуетъ и деревня Городище)... Мѣстность, занятая въ настоящее время Калявинскимъ уѣздомъ, въ XII вѣкѣ больше или меньше уже была заселена. Предъ страшнымъ нашествіемъ татаръ населеніе этой мѣстности значительно развилось и усилилось, городки и городища сдѣлались людными городами. Такъ, Бсяятинь... и всѣ эти города погибли въ страшный погромъ татарскій“¹²⁸). По изслѣдованію графа А. С. Уварова въ двухъ губерніяхъ, Владимирской и Ярославской насчитывается до 60 городищъ¹²⁹).

Мы знаемъ извѣстіе о многихъ городахъ, называемыхъ и по называемыхъ лѣтописями, при описаніи походовъ Святослава Ольговича въ землѣ Вятичей подъ 1146 и 1147 гг.¹³⁰) Г.

¹²⁶) П. С. Р. Л., т. I, стр. 108.

¹²⁷) Такъ-же, т. III, стр. 10.

¹²⁸) Арх. Ист. и Прак. свѣд. отн. до Россіи. Калачева, 1861 г., кн. II, ст. 3—5. Записка о городѣ Калявинѣ.

¹²⁹) Меряне и ихъ бытъ по кург. раскопкамъ. Стр. 47—49, изд. 1872 г.

¹³⁰) П. С. Р. Л., т. II, стр. 25 — 37; Ник. списк., ч. II, стр. 91—96.

Сахаровъ, въ статьѣ „Памятники Тульской губерніи“, извѣщаетъ: „Тульская губернія, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, извѣстна по лѣтописямъ съ XII вѣка. Городища, можетъ быть, предъявляютъ древнюю жизнь гораздо ранѣе этого вѣка и дополняютъ собою указанія о бывшихъ городахъ и селеніяхъ, не находящихся въ лѣтописяхъ и актахъ. Городищъ въ Тульской губерніи извѣстно мнѣ до 53. Изъ нихъ находятся: въ уѣздѣ Тульскомъ 5; Веневскомъ 12; Каширскомъ 6; Елифанскомъ 4; Алексинскомъ 5; Крапивенскомъ 2; Богородицкомъ 3; Одоевскомъ 3; Новосильскомъ 3; Ефремовскомъ 2; Бѣлевскомъ 6; Чернскомъ 2. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, вѣроятно, ихъ окажется болѣе“... ¹³¹⁾. О большей части Тульскихъ городищъ существуютъ лѣтописныя свидѣтельства или народныя преданія, утверждающія, что на мѣстахъ нынѣшнихъ городищъ стояли нѣкогда города, разоренныя татарами“ ¹³²⁾.

Въ лѣтописи, подъ 1207 годомъ, говорится о многихъ городахъ въ Рязанскомъ княжествѣ, имена которыхъ остаются неизвѣстными: „и передашася люди (Проняне)... князь же великій омиривъ ихъ, и посади у нихъ Ольга Володиміровича, а самъ поиде къ Рязаню, посадники посажавъ свои по всемъ городамъ ихъ“ ¹³³⁾. Г. Калайдовичъ лично изслѣдовалъ 12 сохранившихся городищъ въ Рязанской губерніи, вынесъ убѣжденіе, что эти городища суть памятники древнихъ городовъ и кромѣ того извѣстилъ насъ: „къ изчисленнымъ 12 городкамъ, городищамъ, городцамъ и вышгородамъ, я могъ бы еще присоединить, сверхъ видѣнныхъ, подобные, о коихъ слышалъ на пути и которые существуютъ въ своихъ названіяхъ, вмѣстѣ съ остатками древнихъ окопныхъ“ ¹³⁴⁾. Въ книгѣ Большому Чертежу упоминается 10 древнѣйшихъ городищъ на небольшомъ пространствѣ, по системѣ С. Донца: „Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на

¹³¹⁾ Записки отдѣл. Рус. и Слав. Археологій, т. I, 1851. Отдѣл. Арх. Обзор. Рус. земли, стр. 15 и слѣд.

¹³²⁾ Тамъ-же, № 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11 и др.

¹³³⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 182.

¹³⁴⁾ Письма объ Арх. изслѣд. въ Рязанской губ., стр. 48.

Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, а послѣ Литовскаго разоренья перенесенъ на другую сторону Донца, отъ стараго городища на 380 сажень; а ниже Бѣлгорода... промежъ Нежеголя и колодца Нежегольского, на Донцѣ, городище Нежегольское; а ниже Салтановскаго колодезя, на Донцѣ, городище Салтановское; ниже Салтановскаго колодезя верстѣ съ полтретьятцать городище Котковское; а ниже Котковскаго городища верстѣ съ 5, городище Гумниня; а ниже Тетлѣги, на Донцѣ, Чугуево городище; а на устьи Уды Кабаново городище, отъ устья версты съ двѣ: а вверхъ по Удамъ съ лѣвой стороны Хорошее городище; а по лѣвой сторонѣ вверхъ, выше Хорошаго городища, Донецкое городище, отъ Хорошаго верстѣ съ 5; а ниже Кабанова городища, съ крымской стороны, внизъ по Донцу, Махлачево городище, отъ Кабанова верстѣ съ 5; а ниже Мжа рѣки, на Донцѣ, Змиѣво городище“¹³⁵⁾. Г. Пассекъ лично видѣлъ эти городища и пришелъ къ заключенію, что они составляютъ собою „остатки городовъ, вѣроятно, XII вѣка“¹³⁶⁾.

Въ лѣтописи подъ 1214 годомъ сказано: „Новгородци начаша воевати по Днѣпру городѣ Черныговскѣхъ, и взяша Рѣчицѣ на щитъ и иные городѣ мнози Черныговскыя, и придоша подъ Вышегородъ“¹³⁷⁾. Г. Грабовскій число 159 городищъ, извѣстныхъ въ Кіевской губерніи (и между ними значительная часть по Днѣпру), считаетъ уменьшеннымъ противъ дѣйствительности¹³⁸⁾. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ нынѣшнемъ году черезъ волости, на Днѣпрѣ, съ Черныговской стороны, отъ впаденія въ него рѣки Сожи до Кіева, сохранилось 13 городищъ¹³⁹⁾.

Въ 1234 году Даниилъ Галицкій „поймаша грады многи по Деснѣ, ту же взяша и Хороборъ и Сосницю и Сновескъ и

¹³⁵⁾ Книга Больш. Черт. изд. Языкова, 1838 г., стр. 24, 26, 27, 28, 29, 34.

¹³⁶⁾ Очерки Россіи, 1840 г., кн. II, стр. 197, 198.

¹³⁷⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 32.

¹³⁸⁾ Обзоръ могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи. Изд. Фундуклея. Отд. II, Городища, 1848 г., стрн. 113.

¹³⁹⁾ См. приложеніе.

иныя грады многи и придоша опять Чернигову“ ¹⁴⁰⁾. По нашимъ изслѣдованіямъ и по донесеніямъ волостей на Деснѣ, между Новгородсѣверскомъ и Черниговомъ, сохранилось 24 городища ¹⁴¹⁾.

На основаніи приведенныхъ фактовъ, мы, конечно, имѣемъ право сказать: множество сохранившихся городищъ, будучи памятниками древнихъ городовъ, подтверждаютъ собою свидѣтельства нашихъ лѣтописей, древнихъ актовъ и иностранныхъ писателей о множествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, имена которыхъ остаются намъ неизвѣстными.

Противъ собранныхъ нами свидѣтельствъ источниковъ о количествѣ городовъ въ Россіи до татарскаго времени, можно предвидѣть слѣдующее возраженіе: если вѣрны свидѣтельства нашихъ источниковъ о множествѣ городовъ, существовавшихъ въ Россіи до татарскаго времени, если тысячи сохранившихся городищъ суть памятники городовъ Россіи до татарскаго періода, то необходимо допустить довольно многочисленное населеніе въ древнѣйшей Россіи. Когда же, куда и почему исчезло населеніе тысячъ городовъ древнѣйшей Россіи, о которыхъ говорятъ источники? Почему въ Россіи XV—XVII вв. мы встрѣчаемъ множество „пустыхъ“ городищъ и немного городовъ? Что превратило множество городовъ до-татарской Россіи въ „пустыя“ городища? Могутъ сказать намъ словами уважаемаго историка: „было бы слишкомъ смѣшно думать, что племена славянскія были многочисленны и наполняли сплошь пространство; повѣрка готова: многочисленно-ли было здѣсь народонаселеніе, спустя много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы, что-жъ было за тысячу лѣтъ назадъ?“ ¹⁴²⁾. На это мы отвѣтимъ: при изученіи исторіи народовъ, не должно упускать изъ вида, что законъ разростанія народонаселенія не всегда осуществляется на практикѣ, что въ жизни народовъ бываютъ условія,

¹⁴⁰⁾ Лѣт. по Ипат. списк. стр. 514.

¹⁴¹⁾ См. приложение.

¹⁴²⁾ С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XIII, стр. 5.

при которыхъ народонаселеніе въ данной странѣ не только не увеличивается, но даже уменьшается, что, наконецъ, бываютъ событія не только уменьшающія народонаселеніе въ данной странѣ, но и совсѣмъ его уничтожающія. Во-первыхъ, нѣтъ надобности думать, что племена славянскія наполняли сплошь пространство древнѣйшей Россіи: изслѣдованіе сохранившихся городищъ убѣждаетъ, что древнѣйшія поселенія славянъ группировались только по берегамъ рѣкъ; междурѣчья, часто на десятки и сотни верстъ, оставались незаселенными. Во-вторыхъ, на чемъ основано убѣжденіе о малонаселенности Россіи древнѣйшаго періода, сравнительно съ періодомъ позднѣйшимъ? Въ подтвержденіе предположеній, намъ не приходилось встрѣчать въ литературѣ фактическихъ аргументовъ; „теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы, чтожъ было за тысячу лѣтъ назадъ“ — аргументъ слишкомъ недостаточный. Мы думаемъ, прежде нежели вѣсть убѣжденіе о меньшей населенности Россіи древнѣйшаго періода, сравнительно съ періодомъ позднѣйшимъ, въ основаніе тѣхъ или другихъ историческихъ и юридическихъ теорій ¹⁴³⁾, слѣдовало поставить и разрѣшить на основаніи фактическихъ данныхъ, представляемыхъ источниками, вопросъ: дѣйствительно-ли русская земля въ древнѣйшую эпоху была менѣе заселена, нежели въ XIV—XVII столѣтіяхъ? Не было-ли историческихъ событій, которыя уничтожили или уменьшили численность населенія древнѣйшей Россіи?

Въ источникахъ находимъ ясный отвѣтъ: для Россіи XIII вѣка нашествіе татаръ было событіемъ, отъ котораго однѣ изъ ея заселенныхъ областей превратились въ безлюдныя пустыни, а другія изъ многолюдныхъ сдѣлались малолюдными; отъ руки татаръ народы Россіи гибли миллионами, а разрушеннымъ татарскими русскимъ городамъ „нѣсть числа“ ¹⁴⁴⁾.

Допустимъ, скажутъ намъ, что тысячи сохранившихся горо-

¹⁴³⁾ См. Неволіна, Полн. Собр. Сочин. т. VI, стр. 436. Горчакова «О зем. влад. Митр. Пат. и Св. Синода», стр. 68, 69 и др.

¹⁴⁴⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 196 — 198, 221 — 225; т. II, 176 — 179. Ист. Гос. Рос. Карамзина, тт. III, IV, гл. V, VII, VIII; т. V.

дищъ суть памятники русскихъ городовъ до татарскаго времени, но почему же въ XIV—XVII столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ множество городищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было власти татаръ, что въ такихъ мѣстностяхъ превратило города въ городища? Почему, далѣе, въ позднѣйшее время, встрѣчаемъ народныя поселенія не на городищахъ, а въ сторонѣ отъ нихъ, въ разстояніи полуверсты и болѣе?

Ограничимся пока краткимъ отвѣтомъ: соединеніе разрозненныхъ племенъ русскихъ славянъ въ одно государство, образованіе военнаго сословія, укрѣпленіе государственныхъ границъ и учрежденіе пограничной стражи сдѣлали для государственнаго народонаселенія возможною жизнь въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, сельскихъ; изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія превратило неприступныя, при холодномъ оружіи, городки древнѣйшихъ временъ (помѣщенные на вершинахъ горъ, съ деревянными укрѣпленіями) въ легко доступныя.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, явилась возможность развитія общественной жизни въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для поселянъ, нежели горныя вершины; съ другой, древніе городки перестали удовлетворять своей цѣли, то есть, не спасали уже своихъ жителей при нападеніи непріятеля, при посредствѣ пушекъ, легко овладѣвавшаго городскими стѣнами, и народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній, спустился съ горъ въ долины, — въ мѣста болѣе удобныя для земледѣлія, поближе къ водѣ. /

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Время первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи и ихъ значеніе въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Въ предъидущей главѣ мы собрали свидѣтельства источниковъ, утѣждающія въ существованіи нѣсколькихъ тысячъ городовъ въ Россіи до-татарскаго періода. Политическая классификація этихъ городовъ, взаимныя отношенія между различными разрядами и значеніе каждаго разряда въ составѣ политическихъ учрежденій древнѣйшей Россіи могутъ быть поняты только тогда, когда будетъ рѣшенъ въ наукѣ вопросъ о времени и условіяхъ первоначальнаго появленія городовъ въ Россіи съ ихъ общимъ характеромъ. Общій-же характеръ ихъ тотъ, что, будучи укрѣпленными пунктами народнаго поселенія, они соединяли населеніе древнѣйшей Россіи въ нѣсколько тысячъ маленькихъ общинъ, отдѣльные члены которыхъ связывались въ виду потребности — противодѣйствовать общими усиліями нападеніямъ внѣшнихъ враговъ.

Народъ, общественная организація котораго вступаетъ на степенъ скученной, общинной, городской жизни въ первоначальномъ смыслѣ, становится на высшую ступень политической организаціи, отличную отъ ея низшихъ сферъ не только количественно, но и качественно: характеромъ общественной власти. Въ политическомъ отношеніи общинная жизнь народа стоитъ выше разрозненной жизни родовъ „на особыхъ мѣстахъ, съ особыми властями“, и являясь у даннаго народа слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ историческихъ событій, скоро измѣняетъ родовыя начала организаціи первичныхъ человѣческихъ союзовъ: родовой, патріархальный народный бытъ, основанный на родственныхъ отноше-

ніяхъ сочленовъ союзовъ, измѣняется въ формы быта общинно-государственного, гдѣ родовыя, родственныя, кровныя отношенія отходятъ на второй планъ. Съ появленіемъ городовъ у даннаго народа, появляется общественная власть съ новымъ характеромъ: прежніе властители родовыхъ союзовъ, господствовавшіе надъ ними по праву старѣйшинства, уступаютъ верховное главенство въ общественныхъ союзахъ лицамъ, получающимъ это главенство не по праву рожденія, а по инымъ началамъ: старѣйшины замѣняются старшинами, подъ тѣми или другими названіями.

Различіе существующихъ возрѣвій на значеніе первоначальныхъ славянскихъ городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, постоянно заселенныхъ, или временно заселявшихся, въ виду опасности отъ внѣшнихъ враговъ, примыкавшимъ къ укрѣпленію поселеніемъ¹⁾, не измѣняетъ сущности дѣла въ сказанномъ отношеніи. Будемъ-ли мы смотрѣть на первоначальные города русскихъ славянъ, какъ на укрѣпленныя мѣста съ постояннымъ населеніемъ, или какъ на крѣпости, въ которыхъ пряталось и защищалось населеніе при нападеніи непріятелей, въ которыхъ сходило оно для общественныхъ дѣлъ, жертвоприношеній, суда и проч., признаемъ мы въ нихъ обиталища родовыхъ или договорныхъ общинъ, — во всякомъ случаѣ, — одно несомнѣнно: первоначальные славянскіе города были центрами единенія общинъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ или многихъ родовъ. Въ общинѣ-же, составившейся изъ соединенія нѣсколькихъ родовъ въ одинъ союзъ, центромъ котораго былъ городъ, право старѣйшаго является дѣломъ спорнымъ; каждый родъ, изъ вступившихъ въ общину, могъ представить своего кандидата въ главы союза, для завѣдыванія общими союзными дѣлами. Кѣмъ должны были разрѣшаться недоразумѣнія въ такихъ общинахъ, и кто долженъ былъ завѣдывать общими, союзными дѣлами? Можно представить себѣ слѣдующіе пути исхода.

Главенство въ общинѣ, а съ нимъ, и права управленія общественными дѣлами, могли сосредоточиться: 1) въ собраніи старѣйшинъ-родоначальниковъ, главъ и представителей родовъ, со-

¹⁾ См. выше, стр. 17 — 21.

единившихся въ одну общину; 2) въ собраніи всѣхъ свободныхъ членовъ общины; 3) въ рукахъ лица, получившаго главенство въ союзѣ при посредствѣ физической силы, путемъ завоеванія; 4) въ рукахъ лица, получившаго главенство въ союзѣ при посредствѣ свободного соглашенія старѣйшинъ союза, или всѣхъ свободныхъ гражданъ его, путемъ избранія. Кромѣ того, мыслимы различныя комбинаціи; какъ, на примѣръ: въ военное время могъ быть избранъ неограниченный начальникъ надъ общиной, а въ мирное съ правами, ограниченными властью собранія старѣйшинъ, или всѣхъ гражданъ общины; одни изъ общественныхъ дѣлъ могли быть сосредоточены въ рукахъ одного лица, другія въ рукахъ другого, третьи оставлены за сходомъ, и т. д. Но во всѣхъ случаяхъ, какъ только возникаетъ городъ, соединяющій нѣскольکو родовъ въ одинъ союзъ, то возникаетъ и власть, по идеѣ своей, отличная отъ власти родоначальника-старѣйшины въ родовыхъ общественныхъ союзахъ: коллективный, или единоличный глава городской общины обязанъ охранять внѣшнюю безопасность и внутреннїе миръ и порядокъ, интересныя не только для того рода, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, но для всѣхъ соединившихся родовъ, для всѣхъ сочленовъ общины. Его власть соединяетъ отдѣльныхъ членовъ общины въ политическій союзъ уже не въ силу кровнаго родства и власти старѣйшаго въ родѣ, но въ силу внѣшней и внутренней безопасности индивидуумовъ, семействъ и родовъ, составившихъ одну общину. Семейства и роды, вошедши въ составъ городской общины, теряютъ ихъ прежнее значеніе самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ. Если до того времени „хозяинъ господствовалъ въ домѣ, отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ; лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные, *каждое семейство было небольшою независимую республикою* ²⁾),—то съ появленіемъ городовъ, родоначальники теряютъ значеніе верховныхъ

²⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 43.

владыкъ, уступивъ его главамъ городской общины; семейства и роды сохраняются, но уже не въ качествѣ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, какъ въ чисто родовомъ бытѣ народа, а въ качествѣ составныхъ частей высшаго политическаго тѣла—общины или государства. Слѣдовательно, эпохою появленія городскихъ общинъ у даннаго народа характеризуется переходная эпоха его политическаго существованія, переходная эпоха отъ низшихъ сферъ чловѣческаго общежитія къ сферамъ высшимъ, изъ формъ родового быта въ формы быта общинно-государственнаго.

Указанное значеніе за первоначальными городами у русскихъ славянъ признають и послѣдователи теоріи родового быта русскихъ славянъ въ эпоху призванія варяго-русовъ. Извѣстный современный послѣдователь этой теоріи, С. М. Соловьевъ, представляя себѣ первоначальные города русскихъ славянъ только огороженными селами, обиталищами одного или нѣсколькихъ родовъ ³⁾, въ тоже время высказываетъ: не смотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городская жизнь, *какъ жизнь въ селѣ*, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала ⁴⁾. Но если первоначальный славянскій городъ имѣлъ важное историческое значеніе, если въ городахъ возникло сознаніе о необходимости правительственнаго начала, если эпоха появленія городской жизни у русскихъ славянъ была переходною эпохою ихъ политическаго существованія, когда родовыя начала общежитія уступили первенствующее мѣсто началамъ общинно-государственнымъ, то точное опредѣленіе времени первоначальнаго появленія городовъ у русскихъ славянъ является существен-

³⁾ «Прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что, какъ огороженные села». Ист. Рос. т. I, стр. 255. «Въ городахъ усобицы должныствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ славянъ изъ словъ летописца можно заключить только то, что эти огороженные мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ». Тамъ-же, стр. 87.

⁴⁾ Тамъ-же.

нѣйшимъ вопросомъ, какъ для политической исторіи русскаго народа, такъ и для исторіи его права. Рѣшеніе вопроса: когда и при какихъ условіяхъ славяно-русское народонаселеніе начало сосредоточиваться въ городахъ и возлѣ городовъ рѣшаетъ существеннѣйшій вопросъ нашей начальной исторіи — вопросъ о характерѣ общественнаго быта нашихъ предковъ въ первую историческую эпоху.

Въ существующей историко-юридической литературѣ, за исключеніемъ изслѣдованія г. Даниловича, да и то не прямо относящагося къ русскимъ городамъ⁵⁾, (въ которомъ предположеніе Шлецера о появленіи городовъ у русскихъ славянъ со времени Рюрика принято, какъ доказанный фактъ), мы не встрѣчаемъ изслѣдованій, специально посвященныхъ поставленному вопросу.

Мнѣнія историковъ и ученыхъ юристовъ о времени первоначальнаго появленія городовъ въ предѣлахъ древнѣйшей Россіи, высказанными ими при разработкѣ другихъ историческихъ вопросовъ, въ высшей степени разногласны и основаны болѣе на теоретическихъ соображеніяхъ ихъ авторовъ, нежели на положительныхъ фактахъ⁶⁾. Одни изъ ученыхъ начинаютъ эпоху образованія городовъ у русскихъ славянъ временемъ призванія Рюрика; другіе отдаляютъ ее ко времени изгнанія варяговъ; третьи — за нѣсколько вѣковъ до IX столѣтія; четвертые — ко временамъ первоначальной колонизаціи предѣловъ древнѣйшей Россіи славянскими племенами. Одно изъ этихъ мнѣній должно быть истиннымъ, потому что при первыхъ Рюриковичахъ въ предѣлахъ Россіи, по всеобщему признанію, существовали уже многіе города, а слѣдовательно, эпоха ихъ начальнаго образованія должна совпадать съ однимъ изъ столѣтій между временемъ первоначальнаго поселенія славянъ въ Россіи и временемъ призванія варяговъ. Которое-же изъ существующихъ въ наукѣ воззрѣній на время первичнаго появленія городовъ у русскихъ славянъ дол-

⁵⁾ Истор. взглядъ на др. образован. Слав. и преим. польскихъ городовъ до XIII стол. Рус. Ист. Сбор, 1841 г., т. IV, к. 2 и 3.

⁶⁾ См. выше, введеніе, разд. I, стр. 2 — 14.

жно быть признано за соответствующее исторической действительности?

Изучение источниковъ, прежде всего, привело насъ къ заключенію, что ученые, начинающіе эпоху образованія первыхъ городовъ въ Россіи эпохою призванія Рюрика, основываются на свидѣтельствахъ источниковъ невѣрно понятыхъ. Въ доказательство своихъ мнѣній, эти ученые обыкновенно ссылаются на слова Иорнанда: „*Sclavini.... paludes silvasque pro civitatibus habent*“, свидѣтельствующія, будто-бы, что славяне въ половинѣ VI вѣка еще не имѣли городовъ, и на слѣдующія извѣстія Нестора: „Возсташа Славяне, и Кривици, и Чудь и Меря на Варяги, и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани и начаша сами себѣ владѣти и города ставити“, „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ и города рубити оному Полтескъ, оному Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, свидѣтельствующія, будто-бы, что русскіе славяне стали строить города только въ эпоху водворенія между ними Варяго-русовъ⁷⁾. Но извѣстіе Иорнанда, какъ мы уже имѣли случай замѣтить⁸⁾, указываетъ на характеръ страны славянской, а не на характеръ ихъ общественнаго быта. „*Hi (Sclavini) paludes silvasque pro civitatibus habent*“, какъ справедливо замѣтилъ уже Шафарикъ „значить ни болѣе, ни менѣе, какъ только, что у древнихъ славянъ болота и лѣса замѣняли укрѣпленія“⁹⁾. Это свидѣтельство должно быть понимаемо не въ смыслѣ: „Славяне, не имѣя городовъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и топкихъ болотахъ искали спасенія отъ враговъ“¹⁰⁾, а буквально: „Славяне болота и лѣса вмѣсто городовъ имѣютъ“, или „болота и лѣса служатъ славянамъ вмѣсто городовъ“, въ смыслѣ укрѣпленій, крѣпостей, то есть, что характеръ страны славянъ защищаетъ ихъ отъ непріятельскихъ нападеній. Слово *civitas* въ этомъ извѣстіи должно быть понимаемо въ смыслѣ укрѣпленія,

⁷⁾ Тамъ-же.

⁸⁾ Тамъ-же, стр. 24.

⁹⁾ Славянскія древности т. I, кн. II, стр. 418, 419.

¹⁰⁾ Рус. Истор. Сборн. 1838 г., т. I, кн. III, стр. 52. Тамъ-же, 1841 г., т. IV, кн. II, стр. 170, и др.

защипающаго отъ непріятельскихъ нападений. Въ томъ-же смыслѣ должно быть понимаемо и слово *городъ* въ вышеприведенныхъ свидѣтельствахъ нашей древнѣйшей лѣтописи. Древнеславянское слово *градъ* или *городъ*, какъ латинское *civitas*, рядомъ съ значеніемъ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, имѣло значеніе ограды, укрѣпленія и въ этомъ значеніи встрѣчается въ древнѣйшихъ источникахъ очень часто. По понятіямъ древнихъ, можно было много разъ въ данномъ пунктѣ уничтожить и снова поставить городъ, но это не значило уничтожать и создавать городскую общину. Данный городъ, въ смыслѣ пункта народнаго поселенія, могъ существовать съ незапамятнаго для исторіи времени, хотя извѣстіе объ его построеніи въ первый разъ встрѣчается въ памятникахъ XI, XII или XIII вѣка. Сказанное даетъ намъ ключъ къ пониманію точнаго смысла приведенныхъ свидѣтельствъ Нестора. Въ нихъ подъ словами „ставить города“ и „рубить города“ можно разумѣть построеніе городовъ въ значеніи укрѣпленій, городскихъ стѣнъ, крѣпостей, которыя могли быть вновь возводимы, или только подновляемы, или расширяемы по изгнаніи или призваніи Варяговъ, въ городахъ, въ смыслѣ пунктовъ народнаго поселенія, существовавшихъ издавна. И дѣйствительно, ислѣдователи, основывающіе теорію появленія городовъ въ Россіи до времени Рюрика на извѣстнн Кенигсбергскаго списка Нестора: „Рюрикъ роздая волости мужемъ своимъ, и города рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“, не обратили вниманія на свидѣтельства всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора и между ними самого Кенигсбергскаго, слѣдующее тотчасъ послѣ приведеннаго свидѣтельства, подъ тѣмъ-же 862 годомъ: „и по тѣмъ городомъ находницы суть Варяги, а первыи насельницы въ Новгородъ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовъ Мера, въ Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Муромъ; и тѣми всеми обладаше Рюрикъ“¹¹⁾, изъ котораго открывается, что Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ существовали до призванія Рюрика, а приказаніе Рюрика „города

¹¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 9.

рубити“, означало только новую постройку или подновленіе укрѣпленій въ этихъ городахъ. Слѣдовательно, прямыя свидѣтельства источниковъ, приводимыя въ подтвержденіе теоріи появленія городовъ у русскихъ славянъ съ эпохи водворенія въ ихъ землѣ Варяго-русовъ, могутъ быть минимыми. Съ другой стороны, имѣются прямыя и несомнѣнныя свидѣтельства нашей начальной лѣтописи и иноземныхъ писателей о существованіи многихъ городовъ у русскихъ славянъ до времени призванія Рюрика. Одно изъ такихъ свидѣтельствъ мы только что привели. Затѣмъ, при описаніи расселенія Славянъ въ предѣлахъ Россіи, въ лѣтописи читаемъ: „Улучи, Тиверци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру, оли до моря; *суть гради ихъ и до сего дне*“ ¹²). При повѣствованіи о мщеніи Св. Ольги Древлянамъ, въ лѣтописи сказано: „Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, собравъ вои многи и храбры, иде на Деревьску землю.... И побѣдиша Древляны, Деревляны-же побѣгоша и затворишася въ градахъ своихъ. *Олга-же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростынь городъ*“ ¹³). Сверхъ того, по разнымъ случаямъ, таже лѣтопись называетъ по именамъ до 20 городовъ, найденныхъ призванными Варяго-руссамъ у различныхъ племенъ русскихъ славянъ. Такъ, въ предѣлахъ владѣній Ильменскихъ славянъ встрѣчаемъ Новгородъ, Ладогу, Ростовъ, Муромъ и Бѣлоозеро ¹⁴); у Кривичей — Смоленскъ, Изборскъ, Псковъ и Полоцкъ ¹⁵); въ землѣ Сѣверянъ — Черниговъ, Любечъ и Переяславль ¹⁶); у Полянъ — Кіевъ ¹⁷); у Древлянъ — Искоростынь и Вручій ¹⁸); у Хорватовъ — Перемышль и Червень ¹⁹); у Уличей — Пересѣчень ²⁰). При томъ, безъ сомнѣнія, упоминаемые лѣтописью

¹²) Тамъ-же, стр. 5.

¹³) Тамъ-же, стр. 25.

¹⁴) Тамъ-же, стр. 3, 9.

¹⁵) Тамъ-же, стр. 5, 9, 12.

¹⁶) Тамъ-же, стр. 10, 13.

¹⁷) Тамъ-же, стр. 4.

¹⁸) Тамъ-же, стр. 25, 32.

¹⁹) Слав. Древн., Шафарика, т. II, кн. I, стр. 168; Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 35.

²⁰) Ник. сп. Ак. изд., т. I, стр. 41.

города составляют собою только очень малую часть городовъ, существовавшихъ въ предѣлахъ Россіи до Рюрика, потому что: 1) лѣтопись Нестора не географическое сочиненіе, а историческое повѣствованіе, въ которомъ о городахъ упоминается только случайно, при описаніи тѣхъ или другихъ событій; 2) періодъ до Рюрика описанъ на немногихъ страницахъ и описаніе такого характера, при которомъ не было повода къ перечисленію городовъ; 3) лѣтопись составлена двумя съ половиною столѣтіями позже призванія Рюрика, а потому имена многихъ славянскихъ городовъ могли быть неизвѣстны Нестору.

Сказанія сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ со-
сѣдей русскихъ славянъ не противорѣчаютъ свидѣтельствамъ Нестора о существованіи многихъ городовъ въ ихъ странѣ въ эпоху призванія Рюрика, но, напротивъ, исполнѣ подтверждаютъ эти свидѣтельства ²¹⁾.

И такъ, съ одной стороны, свидѣтельства источниковъ, приводимыя въ подтвержденіе теоріи появленія городовъ у русскихъ славянъ со времени Рюрика, представляются намъ не дѣйствительными; съ другой, встрѣчаемъ у Нестора и въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей свидѣтельства о существованіи многихъ городовъ въ предѣлахъ Россіи до Рюрика и въ первые годы водворенія между русскими славянами призванныхъ варяго-русовъ. Слѣдовательно, русскіе славяне не обязаны призваннымъ князьямъ появленіемъ городовъ въ ихъ странѣ, но съ Рюрика началось въ Россіи построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Нѣтъ основаній дѣлать исключенія изъ этого положенія даже для тѣхъ племенъ русскихъ славянъ, въ отношеніи которыхъ мы не встрѣчаемъ въ источникахъ указаній на существованіе городовъ въ эпоху призванія Рюрика. Несторъ въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ не говоритъ ни объ одномъ городѣ въ землѣ Радимичей и Вятичей: въ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей также не находимъ указаній на существованіе городовъ у этихъ племенъ въ указанную эпоху. Можно-ли изъ этого заключить, что въ періодъ подчиненія этихъ племенъ кіевскимъ князьямъ и въ предѣ-

²¹⁾ См. выше, глава первая, стр. 89—94.

идушее время у нихъ еще не было городовъ? Едва-ли. У иностранныхъ писателей не встрѣчаемъ вообще никакихъ извѣстій въ отношеніи Радимичей и Вятичей, а потому у нихъ не встрѣчаемъ указаній и на города этихъ племенъ. Въ скудныхъ извѣстіяхъ Нестора ²²⁾ также не находимъ повода къ предположенію о несуществованіи городовъ у Радимичей и Вятичей въ эпоху Рюрика. О городахъ Дреговичей наша лѣтопись также не даетъ никакихъ указаній, но мы встрѣчаемъ его у Константина Багрянороднаго. Указаніе лѣтописи на города Уличей и Тиверцевъ явилось случайно, при указаніи на ихъ многочисленность; ни одинъ городъ у послѣднихъ не названъ по имени, а между тѣмъ, землеписецъ Баварскій насчитываетъ 318 городовъ у Уличей и 148 городовъ у Тиверцевъ, существовавшихъ въ IX вѣкѣ. Нравы Радимичей и Вятичей нашимъ лѣтописцемъ представляются одинаковыми съ нравами Древлянъ, Сѣверянъ и Кривичей ²³⁾, у которыхъ несомнѣнно существовали города за долго до времени Рюрика. Наконецъ, Несторъ нигдѣ не говоритъ, что призванные князья строили города въ землѣ Радимичей и Вятичей, а между тѣмъ, русскія лѣтописи, описывая политическія событія позднѣйшаго времени, упоминаютъ здѣсь множество городовъ неизвѣстно кѣмъ и когда построенныхъ ²⁴⁾.

Слѣдовательно, молчаніе историческихъ источниковъ въ отношеніи городовъ у Вятичей и Радимичей еще не даетъ права на заключеніе о дѣйствительномъ несуществованіи городовъ у

²²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 5, 6, 8, 10, 12, 27, 35, 36, 52.

²³⁾ Тамъ-же, стр. 6.

²⁴⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 98; т. II, стр. 30; Ник. сп. ак. изд., т. II, стр. 96. И. Д. Бѣляевъ, въ статьѣ о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, замѣчаетъ: «походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, *доселѣ остававшейся, по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною* и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпримчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ *доселѣ неизвѣстный край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями*, кипѣлъ жизнью и дѣятельностію не меньше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было множество городовъ». Записки Импер. русск. геогр. общ., кн. VI, стр. 45.

этихъ племенъ въ эпоху призванія Рюрика. Скорѣе, напротивъ, скудость извѣстій Нестора объ этихъ племенахъ и указаніе на одинаковый общественный бытъ ихъ съ другими племенами русскихъ славянъ, у которыхъ несомнѣнно были города, въ связи съ позднѣйшими указаніями русскихъ лѣтописей на многіе города въ землѣ Вятичей, неизвѣстно кѣмъ и когда построенные, даютъ право на противное заключеніе: Радимичи и Вятичи, подобно другимъ славянскимъ племенамъ, въ эпоху присоединенія ихъ къ владѣніямъ Олега имѣли многіе города. Но, представляя несомнѣнныя свидѣтельства въ пользу существованія многихъ городовъ у народовъ, призвавшихъ Варягоруссовъ, источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ: когда эти города получили первоначальное бытіе. За исключеніемъ извѣстія о Новгородѣ, по словамъ Нестора, основаннаго при первоначальномъ поселеніи славянъ на берегахъ озера Ильменя, всѣ извѣстія нашей начальной лѣтописи объ основаніи древнѣйшихъ городовъ въ Россіи очень неясны; даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится о построеніи такого-то города, такимъ-то княземъ, въ такомъ-то году и о населеніи этого города стараніями князя, не имѣютъ рѣшительнаго значенія.

О времени основанія В. Новгорода на первыхъ страницахъ нашей начальной лѣтописи встрѣчаемъ три извѣстія. Въ описаніи расселенія славянъ сказано: „Словѣне же сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ и *сѣлаша городъ и нарекоша и Новгородъ*“²⁵). Въ преданіи о путешествіи по славянскимъ землямъ апостола Андрея читаемъ: „поиде по Дѣвпру, горѣ. И приде въ Словены, идеже нынѣ Новгородъ. И видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде въ Ригъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ и рече: дивно видѣхъ землю Словеньску; идущю ми сѣмо, видѣхъ бани древяни, и пережгутъ я вельми, и сѣвлекутся и будутъ нази и обольются мытелью, и возмутъ вѣники и начнутъ хвостатись, а

²⁵) П. С. Р. Л., т. I, стр. 3.

того собѣ добыть, одва вылѣзутъ ле живы и обольются водою студеною и тако оживутъ. *И тако творятъ по вся дни* не мучили ни кимъ же, но сами ся мучать, и творять не мытву себѣ, но мученье“ ²⁶). Наконецъ, въ описаніи событій послѣдовавшихъ за смертью Синеуса и Трувора сказано: „прія Рюрикъ власть всю одинъ: *и пришедъ къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ и прозваша Новгородъ*“ ²⁷). Основываясь на двухъ первыхъ извѣстіяхъ, Карамзинъ замѣчаетъ: „на берегахъ озера Ильмена поселились, собственно такъ называемые, славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ“ ²⁸), и мотивируетъ эту мысль слѣдующимъ доказательствомъ: „я говорю, что Новгородъ основанъ послѣ Р. X., ибо его не было еще въ то время, какъ Св. Андрей, по словамъ Несторовымъ, приходилъ въ Россію: „и приде въ Словени идѣже *нынѣ* Новгородъ“ ²⁹). Мы полагаемъ, лѣтописецъ приведенными словами хотѣлъ обозначить только пунетъ, посѣщенный Андреемъ, не думая сказать, что въ I-мъ вѣкѣ еще не было славянскаго города на берегахъ озера Ильмена, и если изъ сказаній Нестора можно заключать о жизни славянъ на озерѣ Ильменѣ уже въ I-мъ вѣкѣ, то изъ нихъ же должно заключить и о бытіи тамъ многолюднаго славянскаго поселенія, города. Въ томъ убѣждаютъ насъ:

1) Тотъ-же рассказъ Нестора о посѣщеніи береговъ Ильмена апостоломъ Андреемъ. Влагая въ уста Св. Андрея описаніе славянскаго обычая париться въ баняхъ, лѣтописецъ говоритъ: „*и то творятъ по вся дни*“ ³⁰); но бани, въ которыхъ моются и парятся „по вся дни“, то-есть каждый день, апостолъ могъ видѣть только въ значительномъ многолюдномъ городѣ. 2) Народныя преданія. Въ народныхъ преданіяхъ, перешедшихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ книжныя сказки, а отчасти живущихъ

²⁶) Лѣт. по Ипат. списку, стр. 5.

²⁷) Тамъ-же, стр. 11.

²⁸) Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 19.

²⁹) Тамъ-же, примѣч. 70.

³⁰) П. С. Р. Л., т. I, стр. 4.

и до сихъ поръ, сохранилось воспоминаніе о пришествіи на берега озера Ильменя во времена незапамятной древности племени славянскаго, которое, тотчасъ по пришествіи, построило городъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Новгородъ ³¹⁾. 3) Прямое свидѣтельство Нестора: „Словени же сѣдоша около езера Ильменя, прозвавша своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша Новгородъ“ ³²⁾. Что-же касается до названія этого города Новгородомъ, то этотъ вопросъ едва-ли можетъ возбуждать сомнѣнія. Подъ 862 годомъ лѣтописецъ приписываетъ основаніе Новгорода Рюрику: „пришедъ къ Ильмерю, сруби городъ надъ Волховомъ, и прозваша и Новгородъ“ ³³⁾. Это извѣстіе какъ будто противорѣчитъ нашему выводу о построеніи Новгорода славянами при первоначальномъ поселеніи въ предѣлахъ Россіи; но противорѣчіе уже разрѣшено въ нашей ученой литературѣ словами: „лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія—это предположить, что *старый городъ былъ построенъ славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрике*“ ³⁴⁾. Рюрикъ построилъ только укрѣпленія въ Новгородѣ, новую крѣпость. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ слѣдующія обстоятельства: по смерти братьевъ Рюрикъ переселился въ Новгородъ и принялъ достоинство единачо Новгородскаго князя: „прія власть Рюрикъ обою брату и нача владѣти одинъ“. Но этого достигъ Рюрикъ не безъ сопротивленія Новгородцевъ: „оскорбишася Новгородцы“, продолжаетъ лѣтопись, и глаголюще: „яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того-же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ, совѣтниковъ его“ ³⁵⁾. Подобная же драма повторилась и въ 867 году: „того

³¹⁾ Истор. Гос. Рос., Карамзина, т. I, пр. 70 и 91. Костомарова. Слѣд. Рус. Нар., т. I, стр. 3—13.

³²⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 3.

³³⁾ Ипат., Хлѣб., Радз. и Троиц. списки.

³⁴⁾ Ист. Рос. съ Д. вр. Соловьева, т. I, примѣч. 166.

³⁵⁾ П. С. Р. Л., X, 864 г. Ник. см. с. 16.

же лѣта избѣгоша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородскихъ мужей“³⁶⁾. Если же Рюрикъ встрѣтилъ въ Новгородѣхъ сопротивленіе и вражду, то переселеніе его изъ Ладоги въ Новгородъ было фактомъ насилія Рюрика, а не свободного призванія Новгородцами. А при такихъ условіяхъ, Рюрику было необходимо укрѣпиться въ Новгородѣ, построить собственное укрѣпленіе. Это рѣшеніе подтверждаетъ и городище, существующее съ незапамятныхъ временъ подъ Новымъ городомъ, у предмѣстья „Славни“, на мѣстѣ котораго стоялъ, вѣроятно, старый славянской городъ, а равно и то обстоятельство, что со времени Рюрика Ильменскіе славяне стали называться Новгородцами, какъ свидѣлствуютъ всѣ древнѣйшіе еписки Нестора: „отъ тѣхъ Варягъ прозвана Русская земля Новгородцы (Новгородъ по Кенигсб. списку); ти суть людѣ Новгородци отъ рода Варяжска, прежде бо быша Словени“, „Прежъ бо быша Словене до Рюрика перекошася“³⁷⁾, то есть, со времени призванія Варяжскихъ князей Русская земля стала называться Новгородомъ, Новгородцы стали называться этимъ именемъ со времени Рюрика, прежде же назывались Славянами. И такъ, при первоначальномъ поселеніи на берегахъ озера Ильменя, Славяне основали городъ (можетъ быть Славянскъ, какъ говорятъ преданія), который съ 864 года, съ построеніемъ новой крѣпости при Рюрикѣ, сталъ называться Новымъ городомъ, Новгородомъ.

О времени и обстоятельствахъ первоначальнаго основанія Кіева лѣтописецъ передаетъ слѣдующее: „Полянѣмъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими яже и до сѣя братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдъ. И сѣдѣше Кій на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюдуже прозвася Хоривица, створиша городѣвъ, во имя брата ихъ старѣйшаго и нарекоша и

³⁶⁾ Тамъ-же., стр. 17.

³⁷⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 9; варианты.

Кіевъ“. Нѣкоторые, продолжаетъ лѣтописецъ, считаютъ Кіа перевозчикомъ, потому что въ старину былъ подъ Кіевомъ перевозъ черезъ Днѣпръ, называвшійся Кіевымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ, какъ говорятъ, ходилъ въ Константинополь и принималъ тамъ великую честь отъ какого-то царя греческаго. На возвратномъ пути, увидѣвъ берега Дуная, Кій полюбилъ ихъ, срубилъ тамъ городокъ и хотѣлъ остаться; но жители тамошніе не позволили ему поселиться на Дунаѣ, и до настоящаго времени называютъ мѣсто, на которомъ былъ срубить Кіевъ городокъ, „городище Кіевецъ“. Кій возвратился въ свой городъ Кіевъ и здѣсь умеръ; братья его и сестра здѣсь-же умерли. „И по сихъ братья почаша держави родъ ихъ княженіе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане“³⁸⁾. Анализируя это преданіе мы видимъ: 1) Лѣтописецъ не сомнѣвался въ основаніи Кіева во времена незапамятной древности; 2) Несторъ не распространяетъ особаго быта на всѣ племена восточныхъ славянъ, какъ это привыкли дѣлать въ нашей историко-юридической литературѣ со времени Шлецера³⁹⁾. Напротивъ, Несторъ выраженіемъ: „Поляномъ же жившимъ особѣ“, три раза употребленнымъ на двухъ страницахъ, въ этомъ случаѣ, отличаетъ Полянъ отъ другихъ славянскихъ племенъ. 3) Несторъ извѣщаетъ здѣсь о временахъ давно минувшихъ, о которыхъ онъ не могъ имѣть положительныхъ свѣдѣній, а писалъ по догадкамъ или по преданію, всегда эластичному и часто переходящему въ сказки. Обстоятельства, сопровождавшія построение Кіева, приводимыя Несторомъ, могли быть выдумкою: „Можетъ быть“, замѣчаетъ Карамзинъ, что Кій и братья его

³⁸⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 4 и 5.

³⁹⁾ „Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: «Каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Соловьева. Ист. Россіи, т. I, стр. 62. См. еще Погодина, Исслѣд. Замѣч. и Лекц., т. II, стр. 391. Рус. Ист. Сбор. 1840 г., т. IV, кн. II, стр. 159. Горчакова. «О зем. влад. Митр., Патр. и Св. Синода», стр. 127 и др.

никогда не существовали въ самомъ дѣлѣ, и что вымысль народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшій, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Склавицы, Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Либеда, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая пытать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя исторіи и біографіи ⁴⁰⁾. Нельзя не согласиться съ справедливостію этихъ словъ знаменитаго историка. Несомнѣнно то, что въ XI вѣкѣ уже забыли кто основалъ Кіевъ и когда онъ основанъ. Основываясь на прилагательномъ названіи Кіева, думали, что онъ основанъ Кіемъ, но кто былъ этотъ Кій и когда онъ жилъ никто не зналъ. Одни думали, что Кій былъ перевозчикомъ; другіе, и между ними Несторъ, предполагали въ немъ начальника Полянъ, князя, но какъ тѣ, такъ и другіе не могли представить достаточныхъ доказательствъ своему мнѣнію: первые основывались на томъ, что въ старину на Днѣпрѣ былъ перевозъ, называвшійся Кіевымъ перевозомъ, вторые указывали на преданіе, по которому Кій будто-бы ходилъ къ Царюгороду и принималъ тамъ честь отъ какого то царя. Кто же изъ нихъ былъ правъ? Византійскіе историки не подтверждаютъ преданія о свиданіи Кія съ какимъ бы то ни было царемъ греческимъ. Самъ Несторъ, основывая на этомъ свиданіи княжеское достоинство Кія, знаетъ объ немъ очень немного: „приходившю ему къ царю не свѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже скажутъ, яко велику честь принялъ естъ отъ царя, котораго не вѣмы и при которомъ приходи цари“ ⁴¹⁾. 4) Понятіе Нестора объ osobной жизни Полянъ, а съ нимъ, и его свидѣтельство: „каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ“, могли быть слѣдствіемъ сказки о трехъ братьяхъ, будто бы, жившихъ сначала отдѣльно, „на особыхъ горахъ“, а по-

⁴⁰⁾ Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 20.

⁴¹⁾ Лѣт., по Ипат. списк., стр. 6.

томъ, соединившихся и построившихъ общій городъ, названный по имени старшаго брата Кіевымъ. Если преданіе о трехъ братьяхъ не имѣетъ историческаго значенія, то не имѣетъ значенія историческаго свидѣтельства и его слѣдствіе. Если Несторъ не зналъ времени основанія Кіева, то какъ онъ могъ знать быть Полянѣ до времени его основанія? Послѣ-же основанія Кіева, по словамъ самого Нестора, власть надъ Полянами перешла въ руки одного лица („Кій княжаше въ родѣ своемъ“) и его потомства („и по сихъ братьяхъ держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ“) ⁴²⁾. Поляне составили собою особое княженіе, волость, подъ верховною властію князей Кіевскихъ. Слѣдовательно, имѣются основанія, по которымъ свидѣтельство Нестора о первоначальной особой жизни Полянъ не только не должно быть распространяемо на всѣ племена восточныхъ славянъ, но, напротивъ, можетъ быть оспариваемо и въ примѣненіи къ самымъ Полянамъ, а тогда, предположеніе объ основаніи Кіева, подобно Новгороду, тотчасъ по занятіи славянами береговъ Днѣпра уже не будетъ противорѣчить источникамъ.

О Смоленскѣ и Любечѣ начальная наша лѣтопись также упоминаетъ, какъ о городахъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени: Кривичи иже сѣдять наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; „пomme Олегъ, поимъ вои много, Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Вєсь, Кривичи, и приде къ Смоленску, и прія градъ, и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и взя Любечъ и посади мужъ свой“ ⁴³⁾.

Подъ 862 годомъ нѣкоторыхъ списковъ Нестора находимъ свидѣтельства о построеніи Полоцка, Ростова и Бѣлоозера въ княженіе Рюрика ⁴⁴⁾. Но это свидѣтельство опровергается свидѣтельствомъ всѣхъ древнѣйшихъ списковъ Нестора, по которому Полоцкъ, Ростовъ и Бѣлоозеро, какъ Новгородъ и Муромъ, существовали до Рюрика ⁴⁵⁾.

⁴²⁾ См. Сергѣевича «Вѣче и Князь», стр. 44 — 50.

⁴³⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 5, 10.

⁴⁴⁾ Лѣт. Нестора по Кенигсб. списку. Изд. Акад. Наукъ, 1767 г., стр. 16.

⁴⁵⁾ Тамъ-же, П. С. Р. Л., т. I, стр. 9.

Основываясь на „Житіи Блаженной Ольги“, по которому Псковъ основанъ Св. Ольгою, нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ приписываютъ ей основаніе этого города ⁴⁶⁾; но „Житіе Ольги“ сочинено не ранѣе XVI вѣка, а между тѣмъ въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, имѣется слѣдующее свидѣтельство: „въ лѣто 6411 (903) Игоревѣ възрости и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Олгу“ ⁴⁷⁾. Въ самомъ „Житіи“ сказано, что Ольга до замужества своего была бѣдная простая сельская дѣвушка, послѣ же замужества Ольга не могла основать Пскова, въ которомъ сама жила еще до замужества, какъ свидѣтельствуется Несторъ.

Подъ 992 годомъ лѣтописи находимъ свидѣтельство о построеніи княземъ Владиміромъ города Переяславля ⁴⁸⁾; но изъ договора Олега съ Греками видно, что въ 907 году Переяславль, рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, Полоцкомъ, Ростовомъ и Любечемъ, былъ старѣйшимъ городомъ въ русской землѣ ⁴⁹⁾.

Подъ 993 годомъ въ лѣтописи сказано: „Володимерь заложѣ градъ Бѣлгородъ и нарубѣ въ не отъ инихъ городовъ и много людѣй сведе въ оны“ ⁵⁰⁾, но подъ 980 годомъ мы узнаемъ, что Владиміръ еще будучи язычникомъ держалъ въ томъ-же Бѣлгородѣ 300 наложницъ ⁵¹⁾.

Приведенныхъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства разнорѣчія нашихъ источниковъ о времени основанія русскихъ городовъ, упоминаемыхъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтопи-

⁴⁶⁾ «Во времени первыхъ преемниковъ Рюрика должно отнести начало двухъ городовъ: Вышгорода, основаннаго, какъ думаетъ Карамзинъ, Олегомъ и составлявшаго собственный удѣлъ Ольги и Пскова, построеннаго самою Ольгою. Въ „Житіи Блаженной Ольги“ сказано: «посла тамо злата и сребра много на созданіе Церкви Троицы Святой и повѣла при ней людемъ поселитися, не въ долгомъ времени бысть градъ великъ, Псковъ, отъ рѣки Псковы нарицаемой и прославляше имя Пресвятыя Троицы». Площинскій. Сред. или Город. сословіе, стр. 11.

⁴⁷⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт, т. I, стр. 12.

⁴⁸⁾ «Володимерь заложѣ городъ на бродѣ томъ и начере и Переяславль» Тамъ-же, стр. 15.

⁴⁹⁾ Тамъ-же, стр. 53.

⁵⁰⁾ Тамъ-же, стр. 59.

⁵¹⁾ Тамъ-же, т. I, стр. 34.

сей. Изъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Нестора до смерти Ярослава Владиміровича, только начальное построеніе Юрьева, Владиміра Волынскаго и Ярославля можетъ быть отнесено, съ нѣкоторою вѣроятностію, въ эпоху первыхъ Рюриковичей; объ остальныхъ, лѣтописецъ упоминаетъ, при описаніи того или другаго событія, какъ о городахъ, существовавшихъ искони.

За неимѣніемъ прямыхъ указаній въ источникахъ на время первичнаго появленія городовъ въ предѣлахъ Россіи, мы по необходимости должны сдѣлать попытку разрѣшенія интересующаго насъ вопроса на основаніи косвенныхъ указаній источниковъ и сравнительнаго изученія историческихъ явленій.

Теорія историческаго развитія народныхъ поселеній въ Россіи.

Въ современной историко-юридической литературѣ господствуетъ ученіе, по которому въ исторіи развитія славянскихъ поселеній въ Россіи различаются 3 періода: періодъ хуторовъ, періодъ селеній и періодъ городовъ; изъ хуторовъ, путемъ разростанія населенія, образовались села, изъ селеній—города. Это воззрѣніе проведено въ русскую исторію Шлецеромъ и Карамзинымъ. Последний, касаясь политическаго быта древнихъ славянъ, составившихъ государство русское, высказываетъ: „предки наши строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ.... Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою независимую республикою... въ теченіе времени сія дикая простота правовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость,

укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали больше нужды другъ въ другѣ, *сблизились жилищами и завели селенія*“⁵²⁾). Три ступени историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи, въ указанномъ порядкѣ, принимаются и новейшими нашими учеными, и притомъ, не только послѣдователями теоріи родового быта нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика, но и учеными, признающими паденіе родовыхъ началъ въ политической жизни русскихъ славянъ задолго до этой эпохи. Такъ, И. Д. Вѣдяевъ, касаясь первоначальнаго способа образованія древнѣйшихъ русскихъ народовъ замѣчаетъ: „города сіи составились доброю волею жителей страны, которые, будучи увлекаемы выгодами мѣстности, удобствами общинной жизни, *стягивали къ одной точкѣ селенія, родственныя между собою и такимъ образомъ составили города*“⁵³⁾). Н. И. Костомаровъ, на вопросъ: „что такое древнѣйшій русскій городъ и какъ онъ возникъ въ русской славянской?“ отвѣчаетъ: „*съ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенныя между собою составляли села. Частыя опасности отъ иноземцевъ вызвали потребность самозащиты и самосохраненія. Это по неволѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположились близко между собою селъ, строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всемъ имъ вмѣстѣ и для всѣхъ, въ равной степени, служившія въ случаѣ надобности убожищемъ. Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или по русскому на*

⁵²⁾ Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 38, 43.

⁵³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1848 г., стр. 160. Впрочемъ, уважаемый юристъ-историкъ въ позднѣйшемъ сочиненіи высказалъ другое воззрѣніе: «Славяне по своему шаткому, ненадежному положенію на чужой землѣ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами, составляя союзы и общины, въ которыхъ дозволялось поступать всякому и чужеродцу, лишь-бы кто самъ пожелалъ вступитъ въ общину и защищать ее вмѣстѣ съ другими членами общины; такимъ только образомъ, при такихъ условіяхъ общинной жизни, Славяне могли занять и ославянить ту обширную страну, которая теперь называется Россією». Разсказы изъ Русск. Ист., кн. I, стр. 6.

ртію городами ⁵⁴⁾). На трехъ указанныхъ ступеняхъ историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи возникла, такъ называемая, теорія родового быта древнихъ славянъ, проведенная въ исторію русскаго права Эверсомъ ⁵⁵⁾. Періодъ разрозненности славянъ въ хуторахъ и селахъ, по этой теоріи, соотвѣтствуетъ періоду родового быта русскихъ славянъ; эпоха появленія городовъ признается эпохою паденія родовыхъ началъ и возникновенія началъ общинно-договорныхъ въ политической жизни древне-славянскихъ обществъ ⁵⁶⁾.

Намъ исторія славянскихъ поселеній въ Россіи представляется въ обратномъ порядкѣ. Изученіе историческихъ памятниковъ, въ связи съ сравнительнымъ изученіемъ существующихъ въ наукѣ теорій древне-славянскаго общественнаго быта, убѣждаетъ насъ, что общественная жизнь русскихъ славянъ началась съ городовъ, а не съ хуторовъ; изъ городовъ уже, спустя много времени послѣ ихъ первоначальнаго образованія, славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось въ селахъ и хуторахъ.

Славянскіе племена, по сказанію Нестора, общепринятому учеными, выдвигались съ Дуная незначительными партіями и занимали земли уже прежде нихъ занятыя другими народами, неславянскими. Туземцы, естественно, не могли относиться пассивно къ новымъ поселенцамъ въ ихъ странѣ: славяне должны были пробиваться сквозь нихъ, отнимать у нихъ землю. Такое положеніе новыхъ переселенцевъ въ чужой странѣ заставляло ихъ жить съ большою осторожностію и имѣть постоянное средство защиты противъ туземцевъ. Сверхъ того, сами переселенцы не жили мирно между собою ⁵⁷⁾.

Исторія представляетъ намъ возможность наблюдать заселеніе страны колонизирующимъ народомъ, при сказанныхъ условіяхъ.

Изученіе памятниковъ XIV, XV, XVI и XVII столѣтій до-

⁵⁴⁾ Вѣст. Европы, 1870 г., кн. XI, стр. 27.

⁵⁵⁾ Древ. Русск. Право, 1835 г., введеніе особ., стр. 2 и 3.

⁵⁶⁾ Исторія Россіи Соловьева; т. I, стр. 62, 67, т. XIII, стр. 4 и слѣд.

⁵⁷⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 7, 8.

казываетъ, что въ позднѣйшее время въ мѣстностяхъ незаселенныхъ, или заселенныхъ не русскимъ народомъ, города появлялись прежде чѣмъ сельскія поселенія. Южныя, восточныя и юговосточныя окраины московскаго государства заселялись при посредствѣ городовъ и городковъ. По системѣ рр. Дона и Донца, въ низовьяхъ Волги и въ Сибири долгое время одни города составляли русскія поселенія востока и юговостока Россіи. Беремъ, для примѣра, пространство Россіи, прилегающее къ верхнему и среднему теченію рѣки Дона и его притока С. Донца и прослѣдимъ историческія явленія, сопровождавшія заселеніе этого края: Для провѣрки высказанной нами теоріи, эта мѣстность представляетъ особенное удобство. Юго-восточныя пространства древней Россіи, при заселеніи ихъ русскимъ народомъ, представляли условія, подобныя условіямъ, при какихъ заселялись незаселенныя земли въ Россіи вообще при первоначальномъ ихъ занятіи славянами, а потому выводы, получаемые при изученіи исторіи развитія народныхъ поселеній на юго-востокѣ Россіи XV, XVI и XVII вѣковъ могутъ быть безошибочно отнесены къ исторіи развитія народныхъ поселеній въ древней Россіи вообще. Законы народной жизни, при неизмѣнности внѣшнихъ условій, также постоянны и неизмѣнны, какъ законы физическіе, а потому если данная мѣстность въ XVI и XVII вѣкахъ заселялась при условіяхъ, подобныхъ условіямъ заселенія другой мѣстности въ VI и VII вѣкахъ, то явленія сопровождавшія возникновеніе и развитіе народныхъ поселеній будутъ одинаковы тамъ и здѣсь.

Пространства современной Россіи, составляющія восточныя половины Харьковской и Курской губерній, юговосточныя Орловской, Рязанской и Тамбовской и всю Воронежскую губернію до XIII вѣка входили въ составъ Переяславскаго, Черниговскаго и Рязанскаго княжествъ и были заселены городами⁵⁸⁾.

⁵⁸⁾ Подъ 1148 годомъ въ лѣтописи читаемъ: «Глѣбъ Юрьевичъ иде къ Рязани, и бывъ въ градѣхъ Черленаго Яру и на Велицей Воронѣ». Ник. сп., ч. II, стр. 105. Подъ 1177 годомъ: «отбѣжа князь Ярополкъ въ Воронежъ и тамо прехожаше отъ града во градъ отъ многіе печали и скорби не вѣдый камо ся дѣти». Тамъ-же, стр. 236. См. еще: Акты Историческіе.

Владычество татаръ разрушило эти города и совершенно обезлюдило системы Дона и С. Донца: народонаселеніе истреблено или бѣжало во внутреннія пространства русской земли. Въ концѣ XVI столѣтія, рядъ городовъ, простиравшійся отъ города Темникова, на рѣкѣ Мокшѣ на юго-западъ, почти до устья рѣки Сейма ⁵⁹⁾, составлялъ собою конечные пункты русскихъ поселеній на юго-востокѣ. Все пространство на югъ и на юго-востокъ отъ этихъ городовъ представляется современными путешественниками безлюдною пустыней, съ полнымъ отсутствіемъ общественныхъ поселеній, не было ни селъ, ни городовъ, ни людей ⁶⁰⁾.

Вторично юго-востокъ Россіи заселенъ русскимъ народомъ двумя путями: посредствомъ свободной колонизаціи русскаго народа, заселившаго нижнее теченіе Дона, до впаденія въ него р. Богучара ⁶¹⁾, и мѣрами московскаго правительства, повелѣніемъ котораго строились города въ безлюдныхъ мѣстахъ и переводилось въ нихъ населеніе изъ внутреннихъ уѣздовъ. Остановимся на каждомъ изъ нихъ.

Поселенія Донскихъ казаковъ возникали при слѣдующихъ

т. I, № 1 и 3. Воронежскіе акты, т. III, прилож. стр. II. Ист. Гос. Рос., Карамзина, т. V, стр. 67. Кн. Больш. Чертежу, стр. 24—34, изд. 1838 г.

⁵⁹⁾ Темниковъ, Кадомъ, Шатскъ, Ряжскъ, Донковъ, Елецъ, Новосиль, Минскъ, Орелъ, Карачевъ, Дмитріевъ, Рыльскъ и Путивль. Воронеж. Акты Кн. III, прилож., стр. I.

⁶⁰⁾ Діаконъ Смоленскаго епископа Михаила, Игнатій, въ своемъ описаніи хожденія (въ 1389 году) митрополита Пимена въ Царьградъ, представляетъ страну выше впаденія Мечи и Быстрой Сосны въ Донъ, внизъ по этой рѣкѣ, за устья Медвѣдицы и Бѣлаго Яра совершенно безлюдною: «Бысть же сіе путное шествіе, говоритъ онъ, печально и уныливо, бѣше бо пустыня зѣло всюду не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села: аще бо и бываша древне грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ—мѣста точію; пусто жъ все и не населено; ни идѣ бо видѣти челоука, точію пустыни велія и звѣріе множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бѣша вся пустыни великія». Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. V, стр. 67. Въ томъ-же видѣ мы встрѣчаемъ этотъ край столѣтіе спустя въ концѣ XV вѣка, въ описаніи путешествія пословъ Венеціанскаго Контарини и Московскаго Марка Руфа, ѣзжавшихъ въ 1476 году изъ Персіи въ Москву. Зап. Географ. Общ., кн. VI, стр. 214.

⁶¹⁾ Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VIII, стр. 86 и пр. 251—254.

условіяхъ: съ одной стороны, крымскіе татары, а съ другой, ногайскіе всегда готовы были воспользоваться достояніемъ молодыхъ колоній: шайки ихъ непрерывно бродили между устьями Волги и Днѣпра, жгли и грабили безъ пощады все, чѣмъ можно было завладѣть. Противодѣйствовать этимъ условіямъ могли только скученная жизнь и городскія укрѣпленія. Существованіе неукрѣпленныхъ народныхъ поселеній въ сосѣдствѣ съ народами татарскими немислимо. А такъ какъ эти условія длились, пока сошдѣившіе съ Донскими казаками татарскіе народы не вошли въ составъ русскаго царства, то до XVIII столѣтія на Дону не могло быть иныхъ народныхъ поселеній, кромѣ городовъ. И дѣйствительно, сохранился драгоцѣнный для насъ документъ, свидѣтельствующій, что въ концѣ XVII столѣтія на Дону, между устьями Богучара и Аксая, стояло 52 города и не было ни одного селенія ⁶²⁾).

⁶²⁾ «Тетрадь Записная» пѣвчихъ дьяковъ, сопровождавшихъ Петра I подъ Азовъ въ 1694 году. «Маія въ 6-й день поутру приплыли въ первый казачій городокъ Донецкій, а сидятъ онъ на острову Дона рѣки и были тутъ до обѣда; а послѣ обѣда приплыли во 2-й городокъ Казанка, а въ ночи проплыли третій городокъ Мигулинъ, 4-й городокъ Ишанка; поутру проплыли 5-й городокъ Ршетоу, и послѣ обѣда проплыли 6-й городокъ Вешки. А въ ночи проплыли 7-й городокъ Хоперь. Маія въ 8-й день поутру 8-й городокъ Медвѣдицкой. Того-жъ числа послѣ обѣда проплыли 9-й городокъ Роспопинъ, 10-й Клецкой, а въ ночи проплыли 11-й Перекопской, 12-й Кремьяной, Маія въ 9-й день проплыли 13-й городокъ Пердуновъ, 14-й Григорьевской, 15-й Сиротинъ, 16-й Илавла, а въ ночи проплыли 17-й городокъ Качаринъ. Маія въ 18-й день проплыли 18-й городокъ Паншинъ и въ немъ не стояли, а стояли ниже ево. Маія въ 11-й день проплыли 19-й городокъ Голубые; послѣ обѣда 20-й городокъ Пять Избъ; и въ т. ночь проплыли 21-й городокъ Верхній Чиръ, 22-й городокъ Нижній Чиръ. Маія въ 12-й день проплыли 23-й городокъ Кобыльникъ, а ввечеру проплыли 24-й городокъ Есаулы. Маія въ 13-й день проплыли 25-й городокъ Зимовейки, 26-й городокъ Курманъ Яръ, а въ ночи проплыли 27-й городокъ Нагавки. Маія въ 14-й день проплыли 28-й городокъ Курманъ Яръ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 29-й городокъ Нагавкинъ Нижній, 30-й городокъ Терновыя, 31-й городокъ Цыма. Маія въ 15-й день поутру проплыли 32-й городокъ Кумшикъ, а послѣ обѣда проплыли 33-й городокъ Романовскій, 34-й городокъ Корчала Верхней, 35-й городокъ Комышниковъ, 36-й городокъ Быстрианскъ. Маія въ 16-й день поутру проплыли 37-й городокъ Коргола Нижній, 38-й городокъ Михалевъ Верхній, 39-й городокъ Михалевъ Нижній, а послѣ обѣда проплыли 40-й городокъ Трокллинъ, 41-й Кичальникъ, въ немъ

Мы видимъ здѣсь, что народная колонизація заселяла юго-востокъ Россіи при посредствѣ городовъ, скучивавшихъ колонистовъ въ маленькія общины, раздѣленныя одна отъ другой пространствами отъ 2-хъ до 5-ти верстъ.

Посредствомъ городовъ заселяло безлюдныя степи юго-востока и московское правительство. Въ 1586 г., по распоряженію его, вновь укрѣплены и заселены, запустѣвшіе со времени татаръ, Курскъ и Кромы и вновь построены Ливны и Воронежъ; въ 1593 году построены Бѣлгородъ, Осколь и Валуйка; въ первой половинѣ XVII столѣтія основаны: Козловъ, Яблоновъ, Тополи, Верхососенскій, Усердъ, Урывъ, Ольшанскъ, Усмань, Коротоякъ, Орловъ, Сокольскій, Костенскъ, Острогожскъ, Новый Осколь, Землянскъ и др. „Каждый шагъ въ расширеніи государственныхъ границъ сопровождался построеніемъ городовъ“⁶³). Воздвигая города, правительство принимало важныя мѣры въ предупрежденіе внезапныхъ нападеній непріятеля на новыя поселенія: насыпаны на обширныя пространства земляные валы, подѣланы застѣки, устроены стоялые и жилые остроги, сторожи, станицы⁶⁴). Благодаря такимъ предохранительнымъ мѣрамъ правительства, въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія около Воронежа, Ливенъ, Оскола и Бѣлгорода стали мало по малу возникать сельскія поселенія, которыя тѣснились къ городамъ какъ можно ближе, чтобы въ случаѣ внезапнаго нападенія врага можно было съ

зимоваль Стенка Разинъ, 42-й городокъ Ведерниковъ, 43-й городокъ Бабинъ, 44-й городокъ Золотой. Маія въ 17-й день проплыли 45-й городокъ Кочетовъ, 46-й городокъ Семи Корокорой, а послѣ обѣда проплыли 47-й городокъ Раздоры. Маія въ 18-й день поутру проплыли 48-й городокъ Мелеховъ, 49-й городокъ Безсергневъ, а послѣ обѣда проплыли 50-й городокъ Богей, 51-й городокъ Миничъ Маія въ 19-й день послѣ обѣда прошли 52-й городокъ Черкаской...» (рукопись неокончена). Воронежскіе акты, кн. I. № XVI, стр. 47 — 50.

⁶³) См. Костомарова. «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Современникъ, 1860 г., № III, Мартъ, стр. 10. Городскія поселенія, т. I, стр. V. Воронеж. акты, кн. II, Прилож.

⁶⁴) Книги Разрядныя; т. I, стр. 941 — 978. Воронеж. акты, кн. I, стр. 118—126; кн. II, стр. 5, 17, 42, 43, 161 и 168, «О стан. и стор. службъ». Бѣльева. Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 г., № 4.

женами, дѣтьми и имуществомъ укрыться въ „осаду“, въ стѣнахъ города ⁶⁵⁾).

За немногими исключеніями, сельскія поселенія составляли частную собственность, принадлежали помѣщикамъ и были населены ихъ крестьянами, въ противоположность городамъ, въ стѣнахъ которыхъ (въ осадѣ) и возлѣ стѣнъ которыхъ (на посадѣ) сосредоточивались служилые классы и лично свободные посадскіе люди. Издатели Сборника Воронежскихъ актовъ перечисляютъ 87 сельскихъ поселеній, существовавшихъ въ Воронежскомъ уѣздѣ въ XVII столѣтіи; въ актахъ этого сборника находимъ только 39 сельскихъ поселеній, изъ которыхъ древнѣйшія упоминаются только съ 1625 года. Изъ послѣднихъ, 23 прямо называются помѣщичьими, большая часть остальныхъ, по всей вѣроятности, также представляла собою крестьянскія поселенія, потому что акты называютъ многихъ помѣщиковъ и крестьянъ того времени, не называя селъ и деревень, къ которымъ они принадлежали ⁶⁶⁾). Такимъ образомъ, исторія заселенія юго-востока Россіи представляетъ намъ слѣдующія явленія. 1) Въ мѣстахъ незаселенныхъ или заселенныхъ не русскимъ народомъ первоначально возникали города. 2) Съ увеличеніемъ количества городовъ, съ учрежденіемъ пограничной стражи и укрѣпленіемъ государственныхъ границъ, спустя нѣсколько сотъ лѣтъ (въ нижнемъ теченіи Дона) и нѣсколько десятковъ лѣтъ (въ верхнемъ теченіи Дона и С. Донца) послѣ первоначальнаго появленія городовъ въ странѣ, начинаютъ возникать сельскія поселенія. 3) Сельскія поселенія появляются первоначально вблизи городовъ (чтобы можно было при нападеніи врага поскорѣе укрыться въ стѣнахъ города) и удаляются отъ городовъ по мѣрѣ уменьшенія опасности, грозившей со стороны татаръ. 4) Сельскія поселенія населены преимущественно помѣщичьими крестьянами, то есть лицами, которыхъ необходимость заставляла оставить стѣны города и подвергнуть себя опасности отъ внезапнаго нападенія врага.

⁶⁵⁾ Воронеж. Акты, кн. III, прилож. стр. V.

⁶⁶⁾ Ср. Указ. къ Воронеж. актамъ, т. I, стр. 60 — 62; т. II, стр. 65, 66; т. III, стр. 79—81 и соотвѣтствующіе имъ акты въ сборникѣ.

Заручившись указанными фактами изъ исторіи заселенія юго-востока и востока Россіи позднѣйшаго времени, обратимся къ изученію древнѣйшей эпохи. Какъ ни скудны извѣстія источниковъ, тѣмъ не менѣе, они даютъ достаточныя основанія для того, чтобы признать въ первоначальномъ способѣ заселенія Россіи славянами тотъ же способъ, какимъ заселялись степи Россіи въ позднѣйшее время. Занимая чужую страну, славяне должны были поступать такъ, какъ поступали всѣ народы, занимая чужую страну, какъ селились сами славяне на глазахъ исторіи. Острова и побережья Средиземнаго и Чернаго морей заселялись выселками изъ Финикіи, Картегена, Греціи и Рима при посредствѣ колоній-городовъ; римляне, завоевавъ южные берега Британіи, тотчасъ основали тамъ семь колоній-городовъ; въ Америкѣ первоначально появлялись города съ европейскимъ населеніемъ, а потомъ уже сельскіе виды народныхъ поселеній. Также поступали и славяне во всѣхъ случаяхъ, записанныхъ исторіей. „Славяне, пришедши въ Германію, въ самомъ началѣ своего пребыванія въ ней, построили множество городовъ“ ⁶⁷⁾. Кій, по преданію, записанному Несторомъ, желая переселиться на Дунай съ своими соотечественниками, построилъ тамъ городъ Кіевецъ ⁶⁸⁾. Новгородъ, по точному смыслу нашей начальной лѣтописи, основанъ славянами при первоначальномъ поселеніи славянъ на берегахъ озера Ильмена ⁶⁹⁾. Въ историческое время, въ 1181 году, Новгородцы, переселившіеся на рѣку Каму при первоначальномъ поселеніи тамъ основали два города ⁷⁰⁾. Берега Дона заселялись выходцами изъ Россіи при посредствѣ городовъ. Каждый шагъ въ разширеніи государственныхъ границъ Россіи сопровождался построеніемъ городовъ.

Съ другой стороны, исторія не представляетъ фактовъ, гдѣ бы осѣдлый земледѣльческій народъ, по мѣсту своего прежняго жительства, знакомый съ высшею цивилизаціею своего времени,

⁶⁷⁾ Шафарикъ, Слав. Древ., т. I, кн. II, стр. 378.

⁶⁸⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 4.

⁶⁹⁾ См. выше.

⁷⁰⁾ Ист. Гос. Рос., III, п. 32.

какими были славяне при первомъ появленіи ихъ въ исторіи ⁷¹⁾, переселившись въ новую страну, занятую туземнымъ населеніемъ, селился въ этой странѣ не скученно, въ городахъ, а разсыпавшись по странѣ, порвалъ политическую связь между своими членами и сталъ жить „въ хуторахъ“, отдѣльно, на особыхъ мѣстахъ, безъ всякаго политическаго соединенія между собою. Партіи славянъ пришельцевъ въ Россіи, конечно, не расходились по странѣ, какъ это представляется по нынѣ господствующей теоріи историческаго развитія славянскихъ поселеній въ Россіи, а селились такъ, какъ селятся всѣ народы въ подобныхъ обстоятельствахъ, какъ селились сами славяне на глазахъ исторіи. На основаніи изложенныхъ фактовъ, мы предлагаемъ слѣдующую теорію исторіи славянскихъ поселеній въ Россіи.

Партіи славянскихъ переселенцевъ, являясь въ новой странѣ, уже занятой другими народами, не расходились врозь, но для взаимной безопасности ихъ членовъ, селились въ избранныхъ мѣстахъ общинами, оградивъ эти мѣста насыпями, рвами, оградками, стѣнами и тѣмъ превративъ ихъ въ города. Съ нарожденіемъ народонаселенія въ этихъ городахъ, первоначальные размѣры ихъ укрѣпленій дѣлались недостаточными, чтобъ вмѣстить въ себя разросшуюся общину. Это вело къ одному изъ двухъ результатовъ: или увеличивались размѣры стараго города, или, рядомъ съ нимъ, *при городѣ* существовавшемъ, старѣйшемъ, ставилось новое укрѣпленіе, *пригородъ* стараго, въ который перемѣщалась часть населенія общины. Потому то почти во всѣхъ древнѣйшихъ городахъ Россіи, мы встрѣчаемъ по нѣскольку городовъ, какъ ихъ составныхъ частей ⁷²⁾. Если мѣстныя условія не позволяли построить пригородъ вблизи стараго города, или, если населеніе стараго города возрастало до такой степени, что окружающія поля оказывались недостаточными для прокормленія увеличившагося населенія общины, то часть послѣдняго выселялась изъ стараго города въ мѣста болѣе или менѣе отъ него

⁷¹⁾ Русск. Ист. Сбор., т. IV, кн. II, стр. 164. 1840 г., Шафарика. Слав. Дрѣв., т. I, кн. II, стр. 418 и слѣд.

⁷²⁾ См. выше, стр. 44.

отдаенныя. Выходцы изъ старыхъ городовъ, если только выселились они не вслѣдствіе борьбы партій въ старыхъ городахъ и не съ цѣлями административными, селились какъ можно ближе къ митрополіи, чтобы въ случаѣ враждебныхъ нападеній можно было найти защиту въ старѣйшемъ, многолюднѣйшемъ, крѣпчайшемъ, болѣе сильномъ городѣ. Выселокъ, удалившійся отъ своей митрополіи, хотя бы только на три или на четыре версты, огораживалъ новое мѣсто своего жительства и тѣмъ превращалъ его въ городъ, по отношенію къ старѣйшему городу называвшійся пригородомъ. Предгородья или пригороды, лежавшіе вблизи первоначальнаго старѣйшаго города, и пригороды, удаленные отъ митрополіи на болѣе или менѣе значительное разстояніе, имѣли между собою, кромѣ общаго происхожденія, сходство по отношеніямъ къ старѣйшему городу: какъ тѣ, такъ и другіе состояли въ зависимости отъ митрополіи, въ положеніи младшихъ къ старшему, какъ дѣти къ отцу, слуги къ господину, слабѣйшіе къ сильнѣйшему. Только необходимость могла заставить старѣйшій городъ дать колоніи возможность „начати общежителствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители“ ⁷³⁾). Съ пригородомъ могла повториться исторія старѣйшаго города, вызывавшая появленіе пригородовъ пригорода и т. д. Такъ возникала цѣпь городовъ, связанныхъ послѣдовательною подчиненностью старѣйшему городу, составлявшихъ одну политическую общину, пользовавшуюся политической автономіей, съ территоріей, принадлежавшей одному племени. Такъ образовались тѣ племенные политическіе союзы, на существованіе которыхъ до Рюрика указываетъ начальная наша лѣтопись ⁷⁴⁾).

Жизнь въ мѣстахъ и посадахъ еще въ позднѣйшее время, при Рюриковичахъ, представляла много опасностей, и при каждой

⁷³⁾ Ист. Гос. Рос., Карамзина, т. III, прим. 32.

⁷⁴⁾ «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ-же Кривичи иже сѣдять на верхъ Воаги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ отъ нихъ». П. С. Р. Л., т. I, стр. 5.

изъ нихъ, мѣщане должны были оставлять свои мѣста и бѣжать въ стѣны города. Опасности же, при непрерывныхъ движеніяхъ въ земляхъ, занятыхъ русскими славянами, различныхъ европейскихъ и азиатскихъ народовъ, при непрерывныхъ междоусобныхъ войнахъ славянскихъ племенъ, еще не сплоченныхъ въ одно государство, при борьбѣ съ финскими племенами, какъ туземцами, должны были дѣйствовать въ земляхъ русскихъ славянъ непрерывно. Въ виду этихъ опасностей, только нужда могла заставить свободного горожанина оставить городъ и удалиться отъ взаимной защиты сочленовъ общины, подвергнуть себя постоянной опасности, отъ которой болѣе или менѣе гарантировали стѣны города и скученность населенія.

Но если мѣста, лежавшія непосредственно за стѣнами городскихъ укрѣпленій, представляли собою опасныя, а потому неудобныя мѣстажительства, то сельскія поселенія, удаленныя отъ городовъ, тѣмъ болѣе. Жизнь въ сельскихъ поселеніяхъ представляется намъ ^{очень} невозможною при внѣшнихъ условіяхъ общественной жизни древне-русскихъ славянъ, напоминающихъ условія заселенія юго-востока Россіи въ позднѣйшее время. Этимъ объясняется молчаніе нашей древнѣйшей лѣтописи въ отношеніи сельскихъ поселеній Россіи времени первыхъ Рюриковичей: лѣтописецъ молчитъ о селахъ, потому что селъ не было ⁷⁵). Въ X вѣкѣ начальная наша лѣтопись, при безпрестанныхъ упоминаніяхъ о городахъ, называетъ только два селенія: Ольжицы и Берестовое. Но и эти поселенія, какъ кажется, названы лѣтописцемъ селами только потому, что они были таковыми въ его время ⁷⁶). Берестовое совсѣмъ не похоже на древнія села: въ немъ, по словамъ лѣтописи, жили 200 наложницъ Св. Владиміра, при которыхъ необходимо предположить обширный штатъ слугъ и хранителей;

⁷⁵) Ср. Соловьева Истор. Россіи, т. XIII, стр. 7. Горчакова, О земел. владѣн. митроп., патріарх. и св. синода, стр. 195.

⁷⁶) «иде Вольга Новугороду и уставы по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли. . *есть село ее Ольжицы и досель*». П. С. Р. Л., т. I, стр. 25. г. 917. «А наложницъ бѣ у него (Владиміра) 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, а 200 въ Берестовѣ въ селци, еже зовутъ нынѣ Берестовое». Тамъ-же, г. 980, стр. 34.

такое поселеніе, не смотря на его близость къ Кіеву, едва ли могло быть оставлено княземъ неукрѣпленнымъ.

Съ теченіемъ времени, количество славянскихъ городовъ и пригородовъ увеличивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ, укрѣпляются и увеличиваются границы занятыхъ славянами земель; отдѣльные племена соединяются въ одно государство; возникаетъ классъ военныхъ людей, посвящающихъ свою дѣятельность исключительно защитѣ государства; общественная власть получаетъ болѣе силы, а съ нею, и возможности къ защитѣ подчиненнаго ей народонаселенія; вводится болѣе прочный юридическій порядокъ, а съ нимъ, ослабѣваетъ господство физической силы. Эти явленія возникли и развивались въ средѣ русскихъ славянъ на глазахъ исторіи. Сокративъ опасности жизни особнякомъ, они дали возможность зарожденія и развитія сельской жизни, положили начало движенія народонаселенія изъ городовъ въ поля. Мало по малу возникли села, деревни, хутора. Народонаселеніе разсѣвается по странѣ, удаляется далѣе и далѣе отъ городовъ, помѣщенныхъ на вершинахъ горъ, въ мѣстахъ мало удобныхъ для земледѣлія, удаленныхъ отъ воды, находя защиту отъ непріятелей, не столько въ городскихъ укрѣпленіяхъ и мелкихъ союзахъ, сколько въ общемъ государственномъ союзѣ, въ государственной власти и въ служиломъ сословіи, специально посвященномъ охраненію государства и его народа отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей и враговъ.

Первымъ событіемъ, породившимъ важныя слѣдствія въ отношеніи развитія сельскихъ поселеній въ Россіи, было событіе призванія Рюрика и размноженіе его рода, съ правами княжескаго достоинства. Первымъ и важнѣйшимъ слѣдствіемъ призванія Варяго-русскихъ князей было соединеніе разрозненныхъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ до того времени множество независимыхъ другъ отъ друга общинъ-республикъ, воевавшихъ между собою, въ одинъ гражданскій союзъ, въ одно государство, подъ властію одного дома, князей Рюриковичей, получившихъ, а вѣрнѣе, завоевавшихъ право княжить въ земляхъ русскихъ славянъ. Вслѣдствіе соединенія славянскихъ племенъ въ одно государство, уменьшились опасности, происходившія отъ взаимной борьбы сла-

ванъ между собою. Тогда какъ до Рюрика возставалъ городъ на городъ и въ взаимной борьбѣ борящіеся города дѣйствовали какъ независимыя государства съ призваніемъ Рюрика, съ соединеніемъ славянскихъ племенъ въ одинъ постоянный союзъ, случаи взаимной борьбы между славянами должны были уменьшиться, превратиться изъ правила въ исключеніе. Вторымъ важнѣйшимъ слѣдствіемъ дѣятельности Рюриковичей было огражденіе земель, занятыхъ русскими славянами и вошедшихъ въ составъ русскаго государства, отъ нападеній внѣшнихъ непріятелей, чуждыхъ народовъ. Съ самого начала водворенія Рюриковичей въ земляхъ русскихъ славянъ мы видимъ усиліе съ ихъ стороны, направленное къ этой цѣли. Уже Рюрикъ, тотчасъ по занятіи Новгорода, посылаетъ своихъ мужей въ пограничныя пункты Новгородскихъ владѣній и приказываетъ имъ исправить тамошнія укрѣпленія ⁷⁷⁾. Олегъ, по занятіи Кіева, строитъ крѣпости въ Кіевскомъ княжествѣ ⁷⁸⁾. Владиміръ Св. не только строитъ отдѣльныя укрѣпленія на границахъ Кіевского княжества, по рѣкамъ Деснѣ, Востри, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, но огораживаетъ всю пограничную линію отъ набѣговъ скитающихся непріятелей Россіи на югъ и юго-востокъ ⁷⁹⁾. Ярославъ Владиміровичъ ставитъ крѣпости по рѣкѣ Роси ⁸⁰⁾. Суздальскіе князья продолжаютъ ту же дѣятельность на сѣверо-востокъ Россіи ⁸¹⁾. Въ X, XI, XII и XIII столѣтіяхъ наши лѣтописи безпрестанно упоминаютъ о построеніи того или другаго укрѣпленія, тѣмъ или другимъ княземъ. Построеніе городовъ, въ смыслѣ укрѣпленій, обращаетъ на себя вниманіе нашихъ лѣтописцевъ, наравнѣ съ важнѣйшими государственными событіями, потому что въ древности построеніе новыхъ и поддержаніе старыхъ укрѣпленій составляло

⁷⁷⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 9.

⁷⁸⁾ Тамъ-же, стр. 10.

⁷⁹⁾ Тамъ-же, стр. 52. «*Duos dies cum exertitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum, ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit.* Русская Бесѣда, 1856 г., глава I, стр. 12. Послѣд., Еписк. Бруна къ Генриху III.

⁸⁰⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 65.

⁸¹⁾ Исторія Россіи Татищева, кн. III, стр. 76.

государственную потребность первѣйшей важности. Третьимъ слѣдствіемъ образованія общей для русскихъ славянъ княжеской власти было возникновеніе особаго класса лицъ (дружины князя), специально посвящавшаго свою дѣятельность защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ, быстро передвигавшагося съ одного мѣста на другое по требованію обстоятельствъ. Но не смотря на указанныя обстоятельства, молодое государство, возникшее изъ множества до того времени независимыхъ другъ отъ друга республикъ, въ первое время своего существованія не обладало еще достаточнымъ количествомъ средствъ, чтобы уничтожить вполне причины, заставлявшія народонаселеніе до того времени скучиваться исключительно въ городахъ, чтобы обезопасить пространства земли, лежавшія между городами. Слѣдствіями призванія Рюрика и соединенія русскихъ славянъ въ общій гражданскій союзъ эти причины были только ослаблены, но не совершенно уничтожены. Печенѣги и Половцы непрерывно бродили въ русской землѣ, разоряли и подбирали къ своимъ рукамъ все, что не было защищено силою, заставляя славянъ держаться городовъ и не слишкомъ удалаться отъ ихъ защиты. Размноженіе Рюрикова дома и раздѣленіе Россіи на множество княжествъ, ставшихъ почти въ совершенно независимое положеніе другъ къ другу на подобіе славянскихъ республикъ до Рюрика, безпрестанно воевавшихъ между собою, также не могло благопріятствовать развитію общественной жизни въ мѣстахъ открытыхъ, неукрѣпленныхъ. Жизнь въ неукрѣпленныхъ поселеніяхъ, въ первые вѣка русскаго государства, не смотря на указанную дѣятельность русскихъ князей, представляла еще много опасностей; а потому, мало по малу возникшія селенія во внутреннихъ княжествахъ, наиболѣе защищенныхъ отъ внѣшнихъ нападеній, тѣснились къ городамъ, какъ можно ближе, чтобы въ случаѣ внезапнаго нападенія врага, можно было съ дѣтьми и имуществомъ укрыться въ стѣнахъ города. Сельскіе жители жили въ безпрестанномъ страхѣ, ежеминутно ожидая нападеній на свою жизнь и имущество; а при такихъ условіяхъ, жизнь внѣ городовъ представляла мало привлекательнаго, и только крайняя необходимость могла заста-

вить свободного горожанина оставить городъ и поселиться въ открытомъ полѣ. Съ конца XI столѣтія древнѣйшіе списки нашихъ лѣтописей, описывая политическія событія въ центральныхъ русскихъ княжествахъ, начинаютъ упоминать о селахъ, но для того только, чтобы сказать, что подъ такимъ-то городомъ села выжжены, а населеніе ихъ истреблено или разбѣжалось по городамъ, вслѣдствіе жестокости Половцевъ или князей, поссорившихся между собою ⁸²⁾. Разбойническія партіи постоянно двигались въ промежуткахъ между русскими городами, нерѣдко подступая къ самымъ городамъ; незащищенные городами пространства земли, пройденныя непріятелемъ, представляли безлюдныя пустыни: жилища сожжены, народонаселеніе перебито, уведено въ рабство или бѣжало. И подобныя явленія повторялись въ разныхъ мѣстностяхъ древней Россіи почти ежегодно. При такихъ условіяхъ общественной жизни древней Россіи, могла-ли быть возможность развитія общественной жизни въ мѣстахъ открытыхъ, не защищенныхъ оградами, въ поселеніяхъ малолюдныхъ, сельскихъ? Россія первыхъ вѣковъ, по внѣшнимъ условіямъ общественной жизни, безошибочно можно сказать, находилась въ томъ положеніи, въ какомъ исторія застаётъ юго-востокъ Россіи въ XVI вѣкѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сколько нибудь безопасными мѣстами жительства являются только города, а потому какъ тамъ, такъ и здѣсь города являются нормою общественныхъ поселеній, а села исключеніемъ.

Вторымъ важнымъ событіемъ въ развитіи народныхъ поселеній въ Россіи было событіе опустошенія Россіи татарами.

По словамъ Суздальской лѣтописи въ 1237-году „придоша отъ восточныя страны на Рязанскую землю безбожныя татары, и почаша воевати Рязанскую землю и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя ихъ убиша; ихже емше овы распинахуть, другія же стрѣлами разстрѣлаху въ нѣ, а ини опаки руцѣ связывахуть; много же святыхъ церквей огнемъ предаша, и монастырѣ и села пожгоша, имѣнья не мало обою

⁸²⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 92, 95, 96, 147, 154; т. II, 12, 13, 34.

сторону взяша, потомъ поидоша на Коломну“ ⁸³⁾). Карамзинъ, описывая опустошеніе Рязанской земли татарами, говоритъ: „Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юрьевой, гдѣ сей князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Вѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася 5 дней. Въ шестой день татары вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, его супруга, его мать, бояре, народъ были жертвою ихъ свирѣпости. Весеся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ или связавъ имъ руки стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы, оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли іереевъ или кровью ихъ обагрjali алтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепель. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія, ибо кому уже было стенать и плакать“ ⁸⁴⁾). Ингоръ, возвратившись въ область Рязанскую, „нашелъ ее въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами“ ⁸⁵⁾).

Опустошивъ Рязанскую область; обративъ ея города въ кучи пепла, татары направились въ область Суздальскую: „взяша Москву, князя Володимера яша руками, а люди убиша отъ старьца и до сущаго младенца... взяша Суздаль... и люди всѣ изсѣкоша... идоша ко Володимерю... и взяша градъ... отъ уного и до старца и сущаго младенца, и та вся изсѣкоша... оттолѣ, ови же идоша къ Ростову, а инѣи же къ Ярославлю, а инѣи на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣниша все по Волзѣ и до Галича Володимерьскаго, а инѣи идоша къ Переяславлю и тотъ градъ взяша, оттолѣ всю страну ту и города мнози поплѣниша: Юрь-

⁸³⁾ Тамъ-же, стр. 196, Лавр. сп. Троиц. сп., стр. 221, 222.

⁸⁴⁾ Ист. Гос. Рос., т. III, стр. 167 и пр. 359.

⁸⁵⁾ Тамъ-же, стр. 168.

евъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, ту же и сына Ярославля убиша, и до Торжку нѣсть мѣста, идѣже не повоеваша...“ „Взяша градъ Торжекъ и изсѣкоша вся отъ мужеска полу и до женска, тогда же гоняша я окаяніи отъ Торжку Серегерскимъ путемъ полни до Игнача Креста, а все людіе сѣкуще аки траву... отселѣ воротися и приде къ городу Козельску... взя градъ Козельскъ и губи вся и до отрочане ссущихъ млеко; а о князѣ Василии невѣдомы есть, иніи же глаголаху, яко въ крови утопе, понеже бо младъ бѣ. Батый же взялъ Козельскъ и поиде въ землю Половецкую“ ⁸⁶). Опустошивъ восточную половину Россіи, уничтоживъ населеніе волостей Пронской, Рязанской, Коломенской, Московской, Суздальской, Владимірской, Ростовской, Ярославской, Городецкой, Юрьевской, Переяславской, Дмитровской, Тверской, Кашинской, Волокской, Кснятинской, Торжковской, Козельской и т. д., татары обратили свои силы на западъ въ волости придѣпровскія: „оттуда-же (съ земли Половецкой) поча посылати на грады русьскыя и взя градъ Переяславль и люди вся сущая въ градѣ овныхъ избиша а иныхъ плѣниша“ ⁸⁷); — „въ то же время посла на Черниговъ: и градъ взяша и запалиша огнемъ, епископа оставиша жива и ведоша и во Глуховъ“ ⁸⁸). Въ 1240 году „приде Батый Кневу въ силѣ тяжьцѣ... и пріятъ бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена и не убиша его, мужства ради его... приде къ городу Колодязну... люди передашася и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взятъ я... приде къ Володимерю и взя и копьемъ и изби и не щадя, также и градъ Галичъ, *иныхъ грады многы, имъ же нѣсть числа*“ ⁸⁹). Даниилъ, по возвращеніи въ отечество, нашелъ его въ подобномъ состояніи: „Данилови же со братомъ пришедшу ко Берестю, и не возмогоша ити въ поле, смрада ради множества избѣенныхъ: не бѣ бо на Володимерѣ не осталъ живъ“ ⁹⁰).

⁸⁶) П. С. Р. Л., т. I, стр. 196—198, 223, 225. Никон. списк., ч. II, ст. 376 и 378.

⁸⁷) П. С. Р. Л., т. V, стр. 175.

⁸⁸) Тамъ-же, т. II, стр. 176 и 177.

⁸⁹) Тамъ-же, стр. 178.

⁹⁰) Тамъ-же, стр. 179.

Обративъ въ кучи пепла, по словамъ лѣтописей, „безчисленное количество“ русскихъ городовъ въ теченіи 1237—1240 гг., татары и послѣ того периодически опустошали возникавшіе изъ развалинъ города Россіи, уже состоявшей въ ихъ подданствѣ. Такъ, въ 1293 году Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и многіе другіе города были взяты татарами какъ непріятельскіе: жители перебиты или плѣнены; въ 1284 году опустошена, Курская область; въ 1319 году преданы огню и желѣзу города Ростовъ, Кострома, Брянскъ; въ 1327 году опустошены со всѣми пригородами, Тверь, Кашинъ, Торжокъ, жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю; въ 1377 году уничтожены города Нижній-Новгородъ и Рязань; въ 1382 году „отъ Москвы остались только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и обгорѣлыя церкви; ужасное безмолвіе смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, избѣженныхъ саблями татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства“ и т. д. ⁹¹⁾. Разрушая русскіе города, татары въ тоже время запрещали князьямъ возобновлять ихъ укрѣпленія. Объ этомъ находимъ любопытныя свидѣтельства въ Ипатскомъ спискѣ Волынской лѣтописи. Только что успѣли умные и дѣятельные князья Галицкіе и Волынскіе, Даниилъ и Василій, возобновить нѣкоторые изъ городовъ юго-западной Россіи, разрушенныхъ Батнемъ, какъ явился сподвижникъ Батия Бурндай и приказалъ разрушить отстроенные города, что и было исполнено ⁹²⁾.

Въ лицѣ татаръ явилась въ Россіи вражеская сила, противъ которой не спасала скученность населенія въ городкахъ. Совершенно дѣйствительная сила противодѣйствія враждебнымъ нападеніямъ при партизанскихъ войнахъ до-татарскаго времени, малолюдные древніе городки Россіи были совершенно безсильны противъ татарскихъ массъ. Какъ до татаръ народъ искалъ спасенія въ совмѣстной общинной

⁹¹⁾ См. Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. IV, гл. V, VII, VIII, т. V.

⁹²⁾ Въ 1261 году «рече Бурнда Василькови: «оже есте мои мирници, размечете же города свои всѣ». «Левъ размета Даниловъ, Истожекъ, оттолѣ же посла Львовъ размѣта, а Василько пославъ Еремьянцъ размета и Луческъ...» Лѣт. по Ипат. сп., стр. 562, 563.

жизни, въ стѣнахъ города, такъ послѣ татаръ сталъ искать его въ разрозненности, въ болотахъ и лѣсахъ. Какъ до татаръ, въ случаѣ опасности, народъ бѣжалъ въ стѣны города ⁹³⁾, такъ послѣ татаръ, въ подобныхъ случаяхъ, онъ разбѣгался изъ городовъ по лѣсамъ и болотамъ ⁹⁴⁾.

Наконецъ, образованіе военного сословія при Московскомъ правительствѣ, укрѣпленіе государственныхъ границъ и учрежденіе пограничной стражи сдѣлали для государственнаго народонаселенія возможную жизнь въ общинныхъ поселеніяхъ неуверѣливыми, сельскихъ; изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія превратило, при холодномъ оружіи, неприступныя городки древнѣйшихъ временъ въ легко доступныя. Такимъ образомъ, въ Московскій періодъ, съ одной стороны, явилась возможность развитія общественной жизни въ поселеніяхъ неуверѣжденныхъ, въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для поселенія, нежели горныя вершины, съ другой, древніе городки перестали удовлетворять своему назначенію, то есть, не спасали уже своихъ жителей при нападѣніи непріятеля, посредствомъ пушекъ, легко овладѣвавшаго городскими стѣнами, и народъ, оставивъ мѣста прежнихъ поселеній, спустился съ горъ въ долины; мѣста прежнихъ поселеній превратились изъ городовъ въ городища; села сдѣлались общою формою народныхъ поселеній, а города исключеніемъ.

⁹³⁾ «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу... побѣдиша Деревляны, Деревляны же побѣюша и затворишася въ градѣхъ своихъ». Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. I, стр. 24.

⁹⁴⁾ «Мценскъ мѣсто болотистое, гдѣ въ древности была крѣпость, слѣды которой существуютъ и нынѣ. Около этого мѣста до сихъ поръ нѣкоторые живутъ въ палаткахъ и при наступленіи опасности прячутся въ болота какъ за стѣны крѣпости». Записк. О Москвитинѣ Герберштейна. 1866 г., стр. 103.

Выразимъ въ краткихъ положеніяхъ результаты изложенныхъ нами изслѣдованій.

I. Въ существующей историко-юридической литературѣ высказана масса мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу и непримиримыхъ, по общимъ, самымъ существеннымъ, основнымъ вопросамъ исторіи русскихъ городовъ, безъ точнаго рѣшенія которыхъ невозможна научная систематическая разработка частныхъ вопросовъ.

II. Главная причина существующихъ въ ученой литературѣ недоразумѣній по вопросамъ изъ исторіи русскихъ городовъ — въ неустановившемся возрѣніи на значеніе древняго русскаго города, какъ предмета спеціальнаго изученія.

III. Изъ множества значеній, соотвѣтствовавшихъ слову городъ въ историческомъ развитіи русскаго языка, предметомъ спеціальнаго изученія долженъ быть городъ въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія.

IV. Въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, города, будучи учрежденіями общественными, искусственными, придуманными народомъ для общей пользы, имѣли важное значеніе въ составѣ политическихъ учрежденій Россіи древнѣйшаго періода, но не имѣютъ ничего общаго съ городами позднѣйшей Россіи.

V. Въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, города до настоящаго времени оставались внѣ спеціальныхъ историко-юридическихъ изслѣдованій.

VI. Въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи, существующихъ спискахъ городовъ и географическихъ картахъ Россіи древнѣйшаго періода насчитывается около 350 городовъ въ Россіи до татарскаго времени; въ дѣйствительности же ихъ было нѣсколько тысячъ.

VII. Если въ древнѣйшей Россіи было нѣсколько тысячъ укрѣпленныхъ городовъ, то въ настоящее время, на поверхности Россіи, должно быть видимо нѣсколько тысячъ остатковъ древнихъ укрѣпленій; и дѣйствительно, нѣсколько тысячъ сохрани-

Городокъ Звинигородокъ въ Улановской волости, въ дачахъ села Иванова, въ 4-хъ верстахъ отъ него, а отъ села Ястребщины въ 3-хъ верстахъ. Помѣщенъ на высокомъ мѣстѣ; внизу имѣется колодезь съ хорошею ключевою водою. По сказанію старожиловъ, на немъ жили когда-то люди, подъ названіемъ Ляхи. Д. В. Пр. № 439.

Городище въ Тулиголовской волости, въ дачахъ села Тулиголова, въ смѣнѣ къ селу Ярославцу, въ разстояніи отъ Тулиголова до $2\frac{1}{4}$ верстѣ. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, надъ болотомъ; земля на немъ распаивается подъ посѣвы. Д. В. Пр. № 554. Въ дачахъ Тулиголова есть городище. Это валъ, окруженный болотомъ рѣки Рети и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ твердою землею. Ч. Е. И. 1864 г. Приб. стр. 785.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Щербы, въ смѣнѣ къ селу Тулиголову, въ разстояніи отъ села Щербы около $3\frac{1}{2}$ верстѣ, въ урочищѣ Вербоватицѣ. Лежитъ на высокомъ пунктѣ; вокругъ окопанъ канавою, которая отъ древности ея существованія начала обрушиваться. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ той же волости, у того же села, въ смѣнѣ къ селу Полошкѣмъ, за улицею Ковалевскою, надъ рѣкою Ретью. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, окруженномъ рѣкою Ретью. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ Ярославцевой волости, въ самомъ селѣ Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ. Это круглая плоскость на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадь для сада, то найдены были три ядра, величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго. Ч. Е. И. 1864 г. стр. 697.

Городокъ въ той же волости, въ лѣсныхъ дачахъ села Ярославца, въ 5-ти верстахъ отъ него на востокъ, въ урочищѣ „Каменны“. Лежитъ на высокой горѣ, обведенной валомъ; на небольшомъ пространствѣ этого вала нѣтъ насыпи, каковой про-

та русских славянъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія рода, въ томъ значеніи, какое придаютъ этому слову новѣйшіе послѣдователи Шлецера, Карамзина и Эверса ^{*)}).

^{*)} См. Сергѣевича «Въче и Книзь», стр. 44, 45. К. С. Аксаковъ статью о древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности, направленную къ опроверженію основаній школы родового быта древняхъ славянъ вообще, и въ частности воззрѣній гг. Соловьева, Кавелина и Асоянсьева, заключаетъ слѣдующими словами: «русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля». Пол. Соб. Соч., т. I, стр. 124. Патріархальною она и не могла быть, при условіяхъ заселенія Россіи славянами, прибавимъ мы.

... and the ...
... and the ...
... and the ...

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

УКАЗАТЕЛЬ СОХРАНИВШИХСЯ ГОРОДИЩЪ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

Конотопскій уѣздъ.

Городище въ Голенской волости, въ 4-хъ верстахъ отъ села Гайворона и въ 7-ми верстахъ отъ мѣстечка Голенокъ, на берегу рѣки Ромна. Величина площади насыпи болѣе 100 сажень; поверхность площади ровная; на ней сѣютъ хлѣбъ; форма площади кругообразная, помѣщается на западномъ берегу рѣки Ромна (нынѣ болото съ протокомъ); внѣшнія укрѣпленія состоятъ изъ насыпнаго вала вышиною въ 3 сажени; входъ помѣщенъ съ запада. Укрѣпленіе это, по народному преданію, сдѣлано Шведами. Донесеніе Волостнаго Правленія отъ 13-го Августа 1872 года за № 753.

Городище въ Великосамборской волости, при селѣ Великому Самборѣ, около $\frac{1}{4}$ версты отъ него, въ направленіи на юго-востокъ. Дон. Вол. Прав. за № 275.

Городокъ въ той же волости, у самого селенія Гиревки, съ западной его стороны. Лѣтъ за 100 назадъ, какъ говорятъ старожилы, на этомъ городѣ находились капитальныя строенія, неизвѣстно кѣмъ и когда уничтоженныя. Дон. Вол. Прав. за № 275.

*) Составленъ на основаніи трехъ источниковъ: 1) донесеній волостныхъ правленій; 2) свѣдѣній, собранныхъ преосвященнымъ Филаретомъ, напечатанныхъ въ Черниговскихъ епархіальныхъ извѣстіяхъ 1862—1870 гг. и 3) личныхъ нашихъ изслѣдованій.

Кролевецкій уѣздъ.

Городокъ въ Оболонской волости, у села Городища, при въѣздѣ въ него изъ деревни Савинокъ, на берегу рѣки Быстрицы. Городокъ устроенъ, по народному преданію, Шведами въ началѣ прошлаго столѣтія, во время войны короля шведскаго Карла XII съ Русскими, до одержанія надъ нимъ побѣды подъ Полтавою царемъ Петромъ Великимъ. Насыпь эта простирается на разстояніи 100 сажень въ длину и около 15 сажень въ ширину, имѣетъ незначительную сверху площадку, занимающую около 500 кв. сажень; съ лѣвой стороны этой насыпи, въ разстояніи отъ нея не болѣе $\frac{1}{4}$ версты лежитъ небольшое, но глубокое озеро, называемое Старая Десна, съ правой же стороны течетъ небольшая и узкая рѣчка Быстрица, впадающая въ рѣку Новую Десну. Дон. Вол. Прав. № 1112. Въ верстѣ отъ села Городища, на югѣ, имѣется возвышенное мѣсто, окруженное валомъ, извѣстно по нынѣ подъ именемъ городка. Лѣтъ за 100, по словамъ старожиловъ, городокъ окруженъ былъ непроходимыми болотами и лѣсами, которыхъ нынѣ и слѣда нѣтъ. Во время весенняго разлива Десны городокъ представляетъ собою островъ, соединяющійся съ селомъ Городищемъ только узкимъ перешейкомъ. Нынѣ здѣсь кладбище. Это памятникъ древняго укрѣпленія, до-татарскаго городка. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1869 г. Прибавленія, стр. 112.

Городокъ въ Коронской волости, у села Райгородка, на лѣвомъ берегу рѣки Десны. Городокъ этотъ занимаетъ пространства, примѣрно, около 1 десятины, сдѣланъ въ древнее время изъ земли, насыпанной вокругъ валомъ, а въ срединѣ вала ровная площадь; отстоятъ онъ отъ рѣки Десны сажень на 30; помѣщенъ на очень возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно вокругъ большое пространство. По разсказамъ и по образу этого городка, полагать можно, что онъ устроенъ для военныхъ дѣйствій, Дон. Вол. Прав. за № 909. Въ Райгородкѣ на сѣверъ отъ храма, въ верстѣ отъ него, находится городокъ, укрѣпленіе

весьма древнее. Площадь съ трехъ сторонъ,— сѣверо-западной и южной обнесена глубокимъ ровомъ и огромнымъ валомъ, а съ восточной стороны защищена озеромъ; восточный и южный валъ еще цѣлы, но сѣверный почти совсѣмъ розмытъ полою водою Десны. Ровъ вокругъ крѣпости такъ великъ, что въ немъ свободно можно проѣхать одною и даже двумя повозками. Ворота въ крѣпость одни—съ запада. Въ разрушенной Десною сѣверной части вала жители находили серебрянные крестики, металлическіе остатки конской сбруи и мѣдныя подковы. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія, 1869 г. Прибавленія, стр. 26.

Городокъ въ Алтыновской волости, въ селѣ Спасскомъ. Въ Спасскомъ замокъ и городокъ, нынѣ уже почти невидны, а въ верстѣ отъ Спасскаго Лобанова гора, искусствомъ обращенная въ укрѣпленіе. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1868 г. Приб., стр. 1047. У села Спасскаго имѣется насыпь колесообразной формы; высота и глубина оной, съ пріѣзда отъ села Алтыновки до 3-хъ сажень. Дон. Вол. Правл. № 828.

Городище въ той же волости, у села Божка, на правомъ берегу р. Сейма. По описи имѣній Крупицкаго монастыря 1744 года видимъ въ числѣ земель с. Божка городище. И такъ, вблизи нынѣшняго поселенія былъ когда то городъ, съ своимъ языческимъ божкомъ, передавшимъ свое имя поселенію. Черн. Епарх. Изв. 1868 г. Приб. стр. 1050.

Городище въ Понорницкой волости, въ двухъ верстахъ отъ с. Разлетъ, въ урочищѣ „Никольскомъ“, на берегу р. Десны. Мѣсто городокъ окопано ровомъ, глубиною и шириною въ три косыхъ сажня; длина его 44, а ширина 24 сажня; на городѣ нынѣ находится образъ св. Николая. Дон. Вол. Правл. № 846. Въ трехъ верстахъ ниже Разлетъ, на скатѣ горы, городище, называемое „Николка“. Николка, начинаясь отъ подошвы горы въ 20 саженьяхъ, оканчивается круглою площадью въ 80 саженьей, окопанною ровомъ въ три сажени глубины. Съ южной низменной стороны, примыкая къ луку, съ восточной и западной отрѣзано оно отъ сосѣднихъ горъ глубокими оврагами, тогда какъ съ сѣверной, граничащей съ полями, защищено своимъ глу-

бѣжишь ровомъ. И по нѣвѣстному виду своему, городище напоминаетъ сильнаго, укрѣпленнаго города. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 99.

Городокъ въ той же волости, въ с. Крыскахъ. По преданію, на этомъ городѣ жили некогда Шведы. Дон. Вол. Прав. № 846. Внутри нѣвѣстнаго поселенія Крысокъ есть городокъ, гора вышиною отъ подошвы до 50 сажень; три стороны ея весьма круты и обрывисты, съ четвертой стороны, отъ поля, нѣбось на гору; на площадкѣ, по угламъ, еще видны ямы: надобно полагать, что городокъ былъ окруженъ стѣною. Внизу горы недавно было топкое болото. Это памятникъ города, исчезнушаго въ татарину. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 118.

Городокъ въ Покосицкой волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ Фостенскомъ, на берегу р. Десны. Дон. Вол. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Мѣщанскомъ“, въ двухъ верстахъ отъ Фостенскаго городка, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городище въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Хотинскомъ“, въ одной верстѣ отъ Мѣщанскаго городка, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Радичева, въ урочищѣ „Московскомъ“, въ одной верстѣ отъ городка Хотинскаго, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Хоромки“, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городище въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Водопойло“, въ $\frac{3}{4}$ версты отъ городка Хоромскаго, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ с. Псаревки, въ урочищѣ „Распутновщина“, въ одной верстѣ отъ города Водопейловскаго, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730.

Городокъ въ той же волости, у села Мезина, гдѣ сельское кладбище, на берегу р. Десны. Д. В. Пр. № 730. Въ Мезинѣ, въ двухъ шагахъ отъ кладбища, городокъ, въ длину 40

саженей, а въ ширину въ 30 саженой. Это памятникъ древняго до-татарскаго Мезина. — Онъ былъ городкомъ, укрѣпленнымъ мѣстомъ. Черн. Епарх. Изв. 1869 г. Приб. стр. 96.

Глуховской уѣздъ.

Городище въ Есманской волости, въ самомъ с. Есмани, на лѣвомъ берегу р. Есмани. Величина площади этого городища — 300 аршинъ въ окружности; поверхность площади занята кладбищемъ; до 1738 г. стояла на немъ приходская церковь; на возвышенной на 1½ аршина окраинѣ площади городища, по обрывамъ, замѣтны слои насыпи изъ угля и кирпича; форма площади кругообразная; помѣщено на берегу р. Есмани, на незначительно возвышенномъ мѣстѣ, въ разстояніи отъ рѣки на 40 сажень; внѣшнихъ искусственныхъ укрѣпленій не сохранилось; съ восточной и западной сторонъ къ городищу примыкаютъ естественные овраги, идущіе отъ поля къ рѣкѣ; къ рѣкѣ городище обращено сѣвѣрною стороною; входъ въ городище не сохранился; преданій о его основаніи, значеніи, а равно о находкахъ на немъ или возлѣ него, не сохранилось. Сообщ. прех. Священника с. Есмани о. Порфирія, № 285.

Городокъ у села Пустогорода. Напротивъ нынѣшняго с. Пустогорода есть городокъ, лежащій надъ болотомъ; это возвышенная площадь, окруженная валомъ и глубокимъ рвомъ. Здѣсь понынѣ выкапываютъ уголья. Здѣсь-же стоялъ и храмъ Св. Георгія до поздняго времени. По преданію, во время очень давнее, жители городка защищались противъ сильнаго непріятеля съ твердостью. Для защиты своей они наносили бревна и пускали ихъ подъ ноги осаждавшаго врага; это было въ день Св. Георгія. Съ молитвами Побѣдоносцу, они отбили врага; и послѣ того, Пустогородъ долго былъ убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время разореній татарскихъ, но потомъ опустѣлъ и мѣсто стало называться Пустогородъ. Черниг. Епарх. Изв. 1866 г. Прибавленія, стр. 663.

Городокъ Звиннородокъ въ Ульновской волости, въ дачахъ села Иванова, въ 4-хъ верстахъ отъ него, а отъ села Ястребщины въ 3-хъ верстахъ. Помѣщенъ на высокомъ мѣстѣ; внизу имѣется колодезь съ хорошею ключевою водою. По сказанію старожиловъ, на немъ жили когда-то люди, подъ названіемъ Ляхи. Д. В. Пр. № 439.

Городище въ Тулиголовской волости, въ дачахъ села Тулигорова, въ сѣвнѣ къ селу Ярославцу, въ разстояніи отъ Тулигорова до $2\frac{1}{4}$ верстѣ. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, надъ болотомъ; земля на немъ распахивается подъ посѣвы. Д. В. Пр. № 554. Въ дачахъ Тулигорова есть городище. Это валъ, окруженный болотомъ рѣки Рети и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ твердою землею. Ч. Е. И. 1864 г. Приб. стр. 785.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Щербъ, въ сѣвнѣ къ селу Тулиголову, въ разстояніи отъ села Щербъ около $3\frac{1}{2}$ верстѣ, въ урочищѣ Вербоватицѣ. Лежитъ на высокомъ пунктѣ; вокругъ окопанъ канавою, которая отъ древности ея существованія начала обрешиваться. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ той же волости, у того же села, въ сѣвнѣ къ селу Полешкамъ, за улицу Ковалевскую, надъ рѣкою Ретью. Лежитъ на высокомъ мѣстѣ, окруженномъ рѣкою Ретью. Д. В. Пр. № 554.

Городокъ въ Ярославской волости, въ самомъ селѣ Ярославцѣ, на берегу озера Бычка, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ приходской храмъ. Это круглая плоскость на возвышенномъ холмѣ, обведенная валомъ и глубокимъ рвомъ. Когда въ 1841 г. разрывали насыпь вокругъ церковной ограды и ровняли площадъ для сада, то найдены были три ядра, величиною съ большое яблоко; одно изъ нихъ было или казалось въ родѣ стеклянаго. Ч. Е. И. 1864 г. стр. 697.

Городокъ въ той же волости, въ дѣсныхъ дачахъ села Ярославца, въ 5-ти верстахъ отъ него на востокъ, въ урочищѣ „Камени“. Лежитъ на высокой горѣ, обведенной валомъ; на небольшомъ пространствѣ этого вала нѣтъ насыпи, каковой про-

межутокъ называется воротами, куда и въ настоящее время въѣзжаютъ. Д. В. Пр. № 331. По нинѣ въ лѣсныхъ дачахъ Ярославца, въ 5-ти верстахъ отъ нинѣшняго поселенія, есть городокъ. На одномъ изъ холмовъ, образующихъ собою длинную цѣпь надъ глубокою и широкою логовиною, сдѣлана насыпь вышиною въ сажень, обведенная рвомъ, глубокимъ до 2-хъ сажень; огражденная валомъ площадь—въ поперечникѣ 20 саж.; на ней есть яма, которая по преданію осталась послѣ колодца; въ сторонѣ, обращенной къ яру, входъ въ городокъ, между двухъ огромныхъ столбовъ, изъ которыхъ одинъ многіе еще видѣли, лѣтъ за сорокъ назадъ; теперь на мѣстѣ столбовъ остаются углубленія. Ч. Е. И. 1864 г. Приб. стр. 697.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Воргла, въ 2-хъ верстахъ отъ него на югъ, надъ лугомъ рѣки Клевени, недалеко отъ впаденія ея въ рѣку сеймъ. Д. В. Пр. № 331. Варгольское городище помѣщено на высокомъ мысѣ и состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ рядомъ, отдѣленныхъ рвомъ, шириною около 10 сажень; обѣ насыпи съ востока, юга и запада защищены естественными оврагами и крутыми спусками къ болоту, а съ сѣверной стороны, примыкающей къ открытому полю, были отдѣлены валомъ и рвомъ, длиною въ 100 шаговъ. Величина площади обохъ городковъ болѣе 1000 шаговъ въ окружности: одинъ около 500 шаговъ, а другой болѣе 550. Форма площадей неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность площадей ровная и распаивается подъ посѣвы; при распашкѣ, выпашиваютъ глиняные черепки, кости животныхъ и глиняные, проверченныя шарики. Входъ въ оба городка съ сѣверо-запада.

Городокъ въ той же волости, въ селеніи Литвиновичахъ, гдѣ нинѣ стоитъ храмъ Петра и Павла, на берегу рѣки Воргла. Это возвышенная, кругообразная площадь, 70 сажень въ діаметрѣ, окруженная высокимъ валомъ. Ч. Е. Из. 1864 г. Приб. стр. 731.

Городище въ Холоповской волости, у деревни Дорошевки, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ нея по дорогѣ въ село Волокити-

но, на берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065. Это городище помѣщено на высокомъ шилѣ, защищенномъ съ сѣверо-западной и юго-западной сторонъ естественными, глубокими оврагами, а съ юго-восточной крутымъ и высокимъ спускомъ къ берегу рѣки Клевени и только съ сѣверо-восточной стороны примыкающимъ къ открытому полю. Состоитъ оно изъ двухъ насыпей, раздѣленныхъ выкопаннымъ ровомъ, около 4-хъ сажень глубины и 6-ти сажень длины: малаго городища и большаго городища. Величина площади первого около 250 шаговъ въ окружности, а второго около 400 шаговъ. Форма площадей неправильная, съ округленными очертаніями. Поверхность площадей ровная и распаивается подъ посѣвы. Въ 1871 году часть вала малаго городища была разрыта мѣстнымъ помѣщикомъ А. М. Митлошевскимъ, при чемъ были найдены рабочими заостренная кость и желѣзный, сѣданный ржавчиною военный топоръ. На поверхности городища, при распахѣ, найдены крестьянами желѣзный ножъ и желѣзная шпора; сверхъ того, попадаетъ множество различныхъ глиняныхъ черепковъ, костей животныхъ, угля и проверченныя глиняныя шарики. Входъ въ городище съ сѣверо-востока.

Городище въ той же волости, у села Ротовки, въ одной верстѣ отъ него, по направленію къ селу Антихамъ, Путивльскаго уѣзда, на высокомъ берегу р. Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городокъ въ той же волости, между селомъ Ротовкою и деревнею Вязенкою, въ разстояніи трехъ верстъ отъ первого, на высокомъ берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, у села Ховзовки, въ одной верстѣ отъ него, на высокомъ берегу рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, въ разстояніи 5 верстъ отъ села Холопкова и 3 верстъ отъ деревни Будищъ, надъ болотомъ рѣки Клевени. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, въ 3-хъ верстахъ отъ села Викторовъ и въ одной верстѣ отъ хутора Марковичева, надъ болотомъ р. Есмани. Д. В. Пр. № 1065.

Городище въ той же волости, за селомъ Сварковымъ, по дорогѣ на село Есмань, въ одной верстѣ отъ села Сваркова; надъ рѣкою Клевенью. Д. В. Пр. № 1065.

Новгородсѣверскій уѣздъ.

Городокъ—замокъ въ чертѣ города Новгородсѣверска, за соборною церковью, на высокомъ берегу рѣки Десны. Это высокая гора, со всѣхъ сторонъ окруженная глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ, оканчивающаяся вверху кругообразною площадью до 200 аршинъ въ діаметрѣ. Поверхность площади холмистая, какъ будто, была когда-то прорѣзана нѣсколькими перекрещивающимися траншеями. Площадь была обведена вокругъ насыпнымъ валомъ.

Городище въ 2-хъ верстахъ отъ Новгородсѣверска, на высокомъ мысѣ, защищено—съ сѣверо-востока глубокимъ оврагомъ, съ юго-востока и юго-запада крутыми спусками къ Деснѣ, а съ сѣверо-запада примыкаетъ къ полю, отдѣленному отъ площади городища двумя выкопанными рвами и насыпнымъ валомъ. Величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма площади кругообразная; поверхность площади занята еврейскимъ кладбищемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи; входъ обращенъ на сѣверо-западъ.

Городокъ въ Рыковской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Комая, по дорогѣ въ Новгородсѣверскъ, на высокомъ берегу Десны. Окружено съ сѣвера, востока и юга естественными глубокими оврагами и спусками къ рѣкѣ Деснѣ, а съ запада, со стороны примыкающей къ полю, обведено выкопаннымъ рвомъ. Площадь городка занимаетъ пространство до 100 шаговъ въ длину и до 80 въ ширину; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями; поверхность — ровная и распаивается подъ посѣвы. При распахѣ, выпахиваются различныя, глиняныя черепки, кости животныхъ, уголь и битый дикій камень; входъ въ городище съ сѣверо-запада.

Городище въ той же волости, въ одной верстѣ отъ деревни Юхнова, по дорогѣ къ Пироговскому парку, на высокомъ берегу Десны, извѣстномъ въ народѣ подъ названіемъ Путыльской горы. Городище состоитъ изъ двухъ насыпей, лежащихъ въ 50 шагахъ одна отъ другой, раздѣленныхъ оврагомъ. Городки занимаютъ два мыса яйцеобразной формы; только съ сѣверо-западной стороны примыкаютъ къ полю, а съ остальныхъ сторонъ окружены глубокими оврагами и крутыми спусками къ Деснѣ. Отъ поля городки были отдѣлены валами и рвами, нынѣ едва замѣтными, потому что съ давнихъ временъ распахиваются подъ посѣвы. Величина площадей городовъ почти одинакова, каждый около 350 шаговъ въ окружности; форма площадей неправильная, съ круглыми очертаніями; поверхность — ровная. При распахѣ выплываются различные глиняные черепки, кости, уголь, зола и дикій битый камень. По донесенію волостнаго правленія, на этомъ городищѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія найдены были серебрянныя и золотыя обручи, проданныя находчиками донскимъ казакамъ, стоявшимъ въ то время на постой въ деревнѣ Юхновѣ. При раскопкѣ пробной ямы на одномъ изъ городковъ, найдены были нѣсколько глиняныхъ, проверченыхъ шариковъ, различной величины; нѣсколько заостренныхъ костей, нѣсколько глиняныхъ, круглыхъ слѣпковъ, величиною въ кулакъ, и 16 конусообразныхъ глиняныхъ слѣпковъ, съ 5, 6 и 7 правильно расположенными дырочками, неизвѣстнаго значенія.

Городокъ въ той же волости, у села Горокъ, на высокомъ мысѣ берега Десны. Съ трехъ сторонъ окруженъ крутыми спусками, а съ четвертой примыкаетъ къ полю, отъ котораго былъ отдѣленъ выкопаннымъ ровомъ, слѣды котораго нынѣ едва замѣтны, потому что соха уже съ давнихъ временъ, не останавливаясь, проходитъ съ поля на городокъ и обратно. Величина площади городка около 400 шаговъ въ окружности; форма площади сердцевидная; поверхность — ровная. При распахѣ, выплываютъ глиняные черепки, кости, битый дикій камень, кирпичъ и уголь.

Городокъ въ той же волости, въ одной верстѣ отъ села Дегтаревки, по дорогѣ въ село Горки, на высокомъ мысѣ, за-

пищенномъ съ юго-востока, юго-запада и съ сѣверо-запада крутыми спусками въ овраги и къ луку Десны, а съ сѣверо-востока примыкающемъ къ полю. Отъ поля площадь городища защищена насыпнымъ валомъ и глубокимъ выкопаннымъ рвомъ. Форма площади эллипсическая; длина площади около 150 шаговъ, а ширина около 70; поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпашиваютъ глиняные черепки, кости, битый дикій камень, уголь и проверченные глиняные шарикн. Входъ помѣщенъ съ с. с. востока.

Городокъ въ той же волости, въ одной верстѣ отъ деревни Кудлаевки, по дорогѣ въ усадьбу П. Я. Самоквасова, на высокомъ берегу рѣки Малотечны. Съ сѣверо-запада и юго-запада защищено крутыми спусками въ овраги и къ рѣкѣ, а съ сѣверо-востока и юго-востока примыкаетъ къ полю, отъ котораго площадь городка отдѣлена двумя параллельными глубокими вырытыми рвами и насыпнымъ валомъ. Форма площади — правильный кругъ, 120 шаговъ въ діаметрѣ; поверхность площади ровная и распахивается подъ посѣвы. При распашкѣ, выпашиваютъ глиняные черепки, кости, уголь, глиняные круглые слѣпки и битый камень.

Городокъ въ той же волости, у села Стахорщины, въ урочищѣ „Чайчинъ логъ“. Со всѣхъ сторонъ защищено глубокими оврагами и только съ западной стороны узкимъ перешейкомъ примыкаетъ къ полю, отъ котораго отдѣлено выкопаннымъ рвомъ. Величина площади около 350 шаговъ въ окружности; форма — кругообразная, поверхность ровная, поросшая старымъ лѣсомъ.

Городокъ въ той же волости, у села Вагриновки, на лѣвомъ берегу р. Малотечны. Защищено оврагами и выкопаннымъ рвомъ. Величина площади около 300 шаговъ въ окружности; форма неправильная, при округленныхъ очертаніяхъ; поверхность ровная, поросшая лѣсомъ.

Городокъ въ Мамекинской волости, у села Шептаковъ, въ урочищѣ „Селище“, въ разстояніи отъ села на одну версту, по направленію къ городу Новгородѣверску. Д. В. Пр. № 709.

Въ той же волости имѣются древнія земляныя укрѣпленія

еще при слѣдующихъ селеніяхъ: Денъковѣ, Лѣсконогаѣ, Смятѣ, Воробьевкѣ и деревнѣ Домоткановѣ; носятъ они названія городковъ или городищъ въ донесеніи Волостнаго правленія не сказано.

Городокъ въ Слободско-Каменской волости, у села Пушкири, на берегу р. Десны. Имѣетъ видъ круглый. Д. В. Пр. № 392.

Стародубскій уѣздъ.

Городокъ въ Нижневской волости у села Нижняго, на берегу р. Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Душкина, въ разстояніи отъ него на одну версту, въ направленіи на западъ, на берегу р. Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, въ дачахъ села Литовска, въ одной верстѣ отъ него на сѣверъ, въ урочищѣ „Каменный логъ“, у рѣки Титвы. Д. В. Пр. № 456.

Городокъ въ той же волости, на южномъ концѣ села Старыхъ Халеевичъ, — памятникъ укрѣпленія бывшаго когда-то до татаръ. Ч. Е. Из. 1865 г., Приб. стр. 695.

Городокъ въ Стародубской волости, въ селѣ Печеникахъ. Д. В. Пр. № 302.

Городокъ у села Осколокъ, на югъ отъ него, за рѣчкою. Это круглая высокая насыпь, образованная изъ угла горы, только часть которой насыпная. По формѣ укрѣпленія, это — до-татарское укрѣпленіе. Ч. Е. Из. 1866. Приб. стр. 313.

Городокъ въ Лыщицкой волости, у села Найтоповичъ, въ урочищѣ „Калиновка“, у рѣки Березовки. Д. В. Пр. № 259.

Городище въ Янковской волости, между деревнями Невструевымъ и Гориславлемъ. Д. В. Пр. № 536.

Городокъ въ Гарцовской волости, въ селѣ Гарцовѣ. Д. В. Пр. № 340.

Городище въ Гриневской волости, при селѣ Мишковѣ. Д. В. Пр. № 398.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Житалвахъ. Д. В. Пр. № 398.

Городище въ Юдиновской волости, въ селѣ Подсудичахъ, на берегу р. Судости. Д. В. Пр. № 534.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Храповкѣ, на берегу р. Бойны. Д. В. Пр. № 534.

Городокъ у села Синина на берегу р. Вабли. Насыпной валъ до $3\frac{1}{2}$ сажень вышины и до 60 ширины. Это остатокъ до-татарскаго укрѣпленія... Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 733.

Городокъ у села Городища, на р. Варѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Судость. Это насыпь, площадь которой возвышаются надъ окрестностью аршина на 3, засаженная липами однимъ изъ прадедовъ нынѣшняго ея владѣльца. Когда мѣстнаго жителя, идущаго изъ села къ городку, спрашиваютъ: куда идешь? онъ отвѣчаетъ: „въ городище“; а если идетъ изъ господскаго дома говорить, что идетъ въ село. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 736.

Городокъ въ $\frac{1}{4}$ версты отъ усадьбы Чубарова, М. М. Ханенки, въ направленіи къ селу Суворову, на берегу рѣки Судости. Со всѣхъ сторонъ окруженъ оврагами и крутыми спусками къ лугу, и только узкимъ перешейкомъ соединяющійся съ полемъ. Величина площади болѣе 300 шаговъ въ окружности; форма площади неправильная, съ закругленными очертаніями, поверхность ровная и распахивается подъ посѣвы. При распахкѣ, выпахиваютъ различные глиняные черепки, кости, битый камень, уголь, проверченные глиняные шарики и глиняные круглые слѣпки, величиною до кулака.

Городокъ на юго-восточной сторонѣ села Андрейковичъ. Это полукруглый большой курганъ. Выходъ на него съ запада. Старожилы называютъ его городкомъ и говорятъ, что съ этого кургана Казаки села Андрейковичъ бились съ Шведами. На двухъ концахъ городка видны небольшія насыпи; ихъ называютъ могилами своихъ и шведовъ. Безъ сомнѣнія, во время нашествія шведовъ, казаки воспользовались древнимъ городкомъ для своей защиты, но огромный курганъ вовсе несходенъ съ охранительнымъ

ли окопами временъ Петра Великаго. Это — остатокъ до-татарскаго укрѣпленія. Ч. Е. Из. 1866 г. Приб. стр. 244.

Мглинскій уѣздъ.

Городецъ въ Воробейнской волости, въ 200 саженьхъ на западъ отъ села Воробейни, на берегу рѣки Теремушки. На западной сторонѣ села Воробейни находится возвышенная въ видѣ укрѣпленія насыпь, въ простонародіи называемая городецъ. Величина площади насыпи имѣетъ около десятины, видъ имѣетъ шарообразный, съ западной и южной стороны примыкаетъ къ берегу рѣки Теремушки, а съ восточной и сѣверной стороны отрѣзана отъ косогора канавою или рвомъ, имѣющею до четырехъ сажень ширины и до трехъ сажень глубины, высота насыпи около четырехъ сажень со всѣхъ сторонъ, по канавѣ или рву растутъ вѣковныя деревья, поверхность площади насыпи ровная, къ краямъ покатая, имѣетъ длину и ширину до пятидесяти сажень; входъ или въѣздъ на насыпь, какъ замѣтно, былъ съ сѣверо-западной стороны. Въ 1866 году, при паханіи этой насыпи, сдѣлался провалъ въ глубину до полутора сажень, въ которомъ найдены мѣстнымъ священникомъ Іоанномъ Нѣмцовымъ заржавѣлыя ядра, величиною въ гусиное яйцо, свинецъ и ящикъ, который былъ съ порохомъ, побѣлѣвшимъ отъ времени. Въ настоящее время провалъ тотъ до половинѣ засыпался землею. Преданій о немъ въ народѣ никакихъ нѣтъ. Д. В. Пр. № 397. У. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 413.

Городище въ той же волости въ одной верстѣ отъ села Норуна, въ направленіи къ деревнѣ Козловкѣ, при рѣкѣ Усѣ. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 431.

Городокъ въ Алексѣевской волости, при деревнѣ Волжинѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Шумировѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Запольи. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, при деревнѣ Пошковѣ. Д. В. Пр. № 729.

Городище въ той же волости, между деревнею Игрушинимъ и селеніемъ Доманичами. Д. В. Пр. № 729. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 596.

Городище въ Котляковской волости, при селѣ Роговѣ, на берегу рѣки Судости. Батарея, видомъ круглая, со впадиною на срединѣ, имѣющая три отверстія, какъ бы ворота для въѣзда. Д. В. Пр. № 426.

Городище въ той же волости, у деревни Исокотовки, на берегу ручья Калиновки. Круглой формы. Д. В. Пр. № 426.

Городокъ въ Дереманской волости, между деревнями Малышевою и Бѣловскомъ, на берегу рѣки Косты. Д. В. Пр. № 386.

Городецъ въ Старопочепи, на берегу рѣки Косты. Это возвышенная, круто и ровно со всѣхъ сторонъ обрѣзанная, площадь; въ длинѣ ея съ запада на востокъ 43 сажени, а въ ширинѣ 16 сажень. Съ южной и съ сѣверной сторонъ городца поселенія жителей отдѣляются глубокими провальями; по восточной сторонѣ, при подошвѣ горы, протекаетъ рѣка Коста, съ берегомъ болотистымъ и поросшимъ деревьями. На западной сторонѣ, городъ узкимъ перешейкомъ соединяется съ горою; на этомъ перешейкѣ стоятъ храмы—старый обветшалый и новый на каменномъ фундаментѣ, тотъ и другой во имя Св. Николая. Вотъ остатокъ до-татарскаго городка. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 440.

Городище въ двухъ верстахъ къ югу отъ города Мглина. Это мѣсто на высокомъ и крутомъ берегу Судынки, неприступное по положенію съ запада, укрѣплено было съ сѣвера и юга искусственными рвами. Вотъ памятникъ древняго до-татарскаго Мглина. Ч. Е. Из. 1865 г. Приб. стр. 218.

Суражскій уѣздъ.

Городокъ въ Попогорской волости, близъ селенія Поповой горы, на лѣвомъ берегу рѣки Бесяды. На немъ существуетъ кладбище жителей села Поповой горы. Д. В. Пр. № 613.

Городокъ въ той же волости между хуторомъ Щедриннымъ, деревнею Кашковой и селомъ Летягами, на правомъ берегу рѣки Бесяды. При входѣ на городокъ съ поля, сохранились еще два насыпные вала, а также сохранилось и то мѣсто, которымъ былъ входъ на городокъ. Д. В. Пр. № 613.

Городокъ въ той же волости, близъ деревни Балсуновъ, на правомъ берегу р. Бесяды. Д. В. Пр. № 613.

Городецъ въ Голубовской волости, между селеніемъ Голубовкою и колоніей новые Мезиричи, у хутора Сухопаровскаго, на высокомъ берегу рѣчки Влечи. Насыпь кругообразная. Площадь городка распахивается подъ посѣвы. Городокъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сѣнокосами и подлѣ него протекаетъ небольшой ручеекъ. На немъ, по преданію стариковъ, еще въ недавнее время жили два старика, а также, по преданію, на немъ находились постройки, забранныя жителями посада Ардони. Д. В. Пр. № 466.

Городокъ въ Лялической волости, въ самомъ селѣ Ляличахъ. На немъ съ давнихъ временъ существуетъ владбище. Д. В. Пр. № 608.

Городокъ въ той же волости, у хутора Лагутовки. Д. В. Пр. № 608.

Городокъ въ Верещацкой волости, у села Верещакъ, въ $\frac{3}{4}$ версты отъ него, въ направленіи къ деревнѣ Увелью, на высокомъ берегу рѣки Виховки, въ урочищѣ „Мостовой“. Поверхность городка распахивается подъ посѣвы; занимаетъ пространство на $\frac{1}{2}$ десятины. Д. В. Пр. № 448.

Городище въ той же волости, у деревни Янова, на берегу рѣки Столбунки. Окружено тремя насыпными валами; занимаетъ пространство на $\frac{3}{4}$ десятины земли. Д. В. Пр. № 448.

Городокъ въ той же волости между селомъ Яловкою и деревнею Увелью, на берегу рѣки Виховки, въ урочищѣ „Каменка“. Окруженъ тремя насыпными валами; занимаетъ пространства земли на $\frac{1}{2}$ десятины. Д. В. Пр. № 448.

Городокъ въ Гордѣевской волости, въ деревнѣ Корецкомъ заводѣ, на берегу рѣки Ипути. Д. В. Пр. № 470.

Городокъ въ Овчинской волости, у села Новый Дроковъ,

на берегу рѣки Ипути. Насыпь въ два аршина высоты; поверхность ровная; величиною около десятины; распахивается подъ пашню; по сказанію стариковъ, сдѣланъ Шведами. Д. В. Пр. № 738.

Городокъ въ той же волости, у хутора Софеевкова. Окопанъ кругомъ канавою; нынѣ заросшій лѣсомъ; сдѣланъ, по преданію, Шведами. Д. В. Пр. № 738.

Новозыбковскій уѣздъ.

Городокъ въ Новобобовичской волости, между селеніями Новыми и Старыми Бобовичами, въ 1^{1/2} верстѣ отъ послѣдняго, на правомъ высокомъ берегу рѣки Ипути. Небольшая мѣстность, окопанная съ незапамятныхъ временъ отъ поля землянымъ валомъ, который однимъ концемъ упирается въ крутой берегъ рѣки Ипута, а другимъ въ огромный оврагъ, впадающій въ ту же рѣку Ипутъ. Ворота въ городокъ и нынѣ видны. Площадь ровная, на которой въ настоящее время сѣютъ хлѣбъ. Въ городкѣ этомъ, по преданію старожиловъ, проживалъ не такъ давно какой то однопорецъ. Д. В. Пр. № 416.

Городокъ въ Браховской волости, у села Буразнова, въ двухъ верстахъ на сѣверо-востокъ, на берегу рѣки Снова. Городокъ изображаетъ фигуру почти круглую; онъ устроенъ на отлогой плоскости. Насыпь сдѣлана кругомъ выше сажня, на подобіе крѣпостныхъ валовъ; діаметръ площади до 20 сажень, а въ ширину немного уже; кругомъ вала канава, ширины вверху сажени около трехъ, а внизу около сажени; глубина канавы въ 15 аршинъ. Устройство городка доказываетъ, что онъ былъ запитою при военныхъ дѣйствіяхъ. Преданія объ немъ различны: одно гласитъ, будто бы, въ древнія времена былъ здѣсь городъ, подъ названіемъ Лебединъ, отъ чего онъ и получилъ названіе городокъ; другое преданіе, что, будто бы онъ устроенъ во время шведской компаніи. Около городка, при распахѣ, вырывается

мелкій кирпичъ, известка, черепки глиняной поливанной посуды и кости. Д. В. Пр. № 542.

Городокъ въ той же волости, въ деревнѣ Вобки. Насыпь длиною 125, а шириною въ 60 аршинъ, вышиною въ 20 аршинъ, поверхность ея ровная и окружена со всѣхъ сторонъ рвомъ, земля на ней сверху черноземъ, а въ срединѣ пепельная. Преданіе говорить, что этотъ городокъ сдѣланъ княземъ Мосальскимъ, и что въ немъ, будто-бы, есть желѣзная дверь, засыпанная землею отъ древности. Д. В. Пр. № 542.

Сосницкій уѣздъ.

Городокъ въ Александровской волости, въ деревнѣ Шкробовѣ, на берегу рѣки Бречи; кругообразной формы; обсыпанъ валомъ и окопанъ рвомъ; пространства внутри имѣетъ до 300 сажень; поверхность поросшая лѣсомъ. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, у деревни Буды, въ $\frac{1}{2}$ версты отъ нея; окопанъ вокругъ тремя рвами и обведенъ тремя земляными валами; пространства внутри имѣетъ до 300 сажень; лежитъ надъ водянымъ протокомъ, называемымъ Продъ; внутри ничего замѣчательнаго нѣтъ; канавы и валы заросли мелкимъ лѣсомъ. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости въ Шишковской лѣсной дачѣ, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ деревни Буды. Городокъ называется Калядинъ, окопанъ въ окружности тремя канавами и обсыпанъ тремя земляными валами; пространство внутри имѣетъ до 300 сажень; внутри его ничего замѣчательнаго нѣтъ; состоитъ подъ сѣнокосомъ; валы и канавы позаросли мелкимъ лѣсомъ. Около этого городка находится водяной колодезь, въ настоящее время заваленный. У этого городка найдены были мѣстными жителями молотокъ изъ красной мѣди. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, у деревни Верхолѣсья, въ Александровской лѣсной дачѣ; называется второй Калядинъ; окопанъ въ окружности рвомъ глубиною не болѣе полутора аршинъ;

пространство имѣть до 1200 сажень; внутри его ничего замѣчательнаго нѣтъ, состоитъ подѣ сѣнокосомъ и лѣсною разослѣю. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ той же волости, въ лѣсной дачѣ села Киселевки, въ урочищѣ „Городище“, подѣ водянымъ протокомъ; называется Уснѣжинъ; вокругъ окопанъ канавою и обсыпанъ землянымъ большимъ валомъ, внутри пространства имѣть отъ востока къ западу 150 аршинъ, а отъ юга къ сѣверу 56 аршинъ. Д. В. Пр. № 520.

Городокъ въ Волынской волости, между селомъ Кудровкою и деревнею Ляшковцами, въ шести верстахъ отъ перваго, надѣ рѣкою Убедью. Вокругъ окопанъ. Д. В. Пр. № 1272.

Городокъ въ Перелюбской волости въ урочищѣ „Нарвенки“, при слияніи рѣкъ Снови и Ревны, въ семи верстахъ отъ деревни Шишковки; окруженъ болотомъ. Д. В. Пр. № 444.

Городище въ Менской волости внутри мѣстечка Мены. По преданію, валъ, окружавшій древній городъ Мену. Д. В. Пр. № 583.

Городище въ той же волости у села Феськовки, на берегу рѣки Мены, круглой формы, окопанъ ровомъ. Д. В. Пр. № 583.

Городниціи уѣздъ.

Городище въ Любечской волости, въ мѣстечкѣ Любечѣ, на срединѣ его. Д. В. Пр. № 1598.

Городокъ въ той же волости, у деревни Новоселовъ, въ урочищѣ „Боблово“, у озера Людвита. Д. В. Пр. № 1598.

Городокъ въ Моценской волости, у села Сеньковки. Д. В. Пр. № 1110.

Городокъ въ Яриловичской волости, въ болотѣ Замглай, близъ линіи Кіевского шоссе, противъ третьей версты отъ замглайской станціи на Кіевъ, отъ линіи въ правую сторону на 300 сажень, по направленію на Лоевъ; кругомъ окопанъ и обсыпанъ валомъ, вышиною въ полтора аршина; пространствомъ,

приблизно, на 100 квадратных сажень; какъ площадь этого окопа, такъ равно и валы заросли густымъ, дровянымъ лѣсомъ. По преданію, въ этомъ городкѣ нѣкогда укрывалась шайка разбойниковъ въ 300 человекъ. Д. В. Пр. № 661.

Городокъ въ Тупичевской волости, у села Великаго Листвена, въ разстояніи не болѣе одной версты, по направленію къ селенію Смичину. Вышина насыпи не менѣе 4-хъ аршинъ, длина же и ширина простирается до 100 сажень. Д. В. Пр. № 599.

Городище въ той же волости, у села Звиничева, при болотѣ рѣки Замглай; квадратной формы, длина и ширина до 50 сажень, вышина до 8 аршинъ, съ 2 воротами или входами въ оныя. Д. В. Пр. № 599.

Два городка въ Петрушинской волости, у села Малаго Листвена, на берегу рѣки Бѣлоуса, пространствомъ каждый на полдесятины и одинъ отъ другаго отстоятъ на три сажня. Д. В. Пр. № 347.

Черниговскій уѣздъ.

Городище въ Седневской волости, въ мѣстечкѣ Седневѣ на берегу рѣки Снови. Д. В. Пр. № 864.

Городище въ Салтыково-Дѣвицкой волости, между селомъ Ковчинымъ и мѣстечкомъ Салтыковой Дѣвицей, въ 5 верстахъ отъ перваго и 4 верстахъ отъ послѣдняго, надъ рѣкою Убѣдью. Городище обнесено вокругъ большими насыпными валами въ три ряда, имѣло 6 вѣздовъ, какъ это вполне и нынѣ замѣтно. Вѣзды направлены: два на востокъ, два на югъ, одинъ на западъ и одинъ на сѣверъ. По срединѣ городища находится ровная площадь, которая нынѣ пахется сохами, при чемъ вырываются пуговицы, пряжки, кожи и старая монета. Городище занимаетъ пространство около 5-ти десятинъ. Д. В. Пр. № 410. Верстахъ въ трехъ отъ Салтывской Дѣвицы на западѣ, нынѣ видна большая земляная крѣпость древняя, расположенная надъ рѣкою Убѣдью, нѣкогда судоходною. Это памятникъ до-татарскаго го-

рода, откуда Салтыкъ перевелъ жителей на нынѣшнее мѣсто. Ч. Е. Из. 1864 г. Приб. стр. 216.

Городокъ въ Козлянской волости, у деревни Гушино. Надъ лугомъ, имѣеть форму неправильно-овальную, въ основаніи имѣеть длины съ восточной стороны около 60 сажень, съ сѣверной до 30 сажень, съ западной до 35, съ южной до 20; вышиною, — съ восточной стороны около 5 сажень, а съ прочихъ около 4-хъ сажень; вокругъ насыпи канава; на западной сторонѣ, за канавою, вдоль всей насыпи насыпной валъ не болѣе двухъ аршинъ вышины. Д. В. Пр. № 588.

Городище въ той же волости въ селѣ Шестовицѣ. Надъ лугомъ; валъ въ основаніи до 6 сажень, а площадь вала наверху два сажня; въ длину насыпь около полуверсты; вышиною болѣе двухъ сажень, насыпь эта имѣеть фигуру дугообразную и обоими концами упирается въ рѣчку, которая протекаетъ подъ самымъ селомъ Шестовицею. Д. В. Пр. № 588.

НВ. „Въ дачахъ села Козла, на южной сторонѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ села есть мѣсто, наз. „Княгиня“, имѣеть форму полуострова, съ 3-хъ сторонъ окружено естественными оврагами, впирающимися въ болото, Бока этого мѣста были сдѣланы насыпною землею; пространство этого мѣста, примѣрно, десятинь на 6, — пашется, и при паханіи, вырываютъ разныя мѣдныя и желѣзныя вещи и черепки глиняной посуды. Но называется это мѣсто городищемъ или нѣтъ въ донесеніи не сказано“.

Городокъ въ Редьковской волости, у селенія Редьковки, въ урочищѣ „Бѣлые“, на берегу рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, у селенія Редьковки, въ урочищѣ около „Затона“, на берегу рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, при селѣ Неданчицахъ, въ урочищѣ „Высокая Гряда“, близъ р. Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, въ четырехъ верстахъ отъ села Неданчицы, въ урочищѣ „Заводы“. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Губичахъ, въ урочищѣ „Днѣпризь“, близъ рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 388.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Мысахъ, въ урочищѣ „Дощищи“, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Д. В. Пр. № 338.

Городокъ въ той же волости, при деревнѣ Мысахъ, въ урочищѣ „Ульево“ близъ рѣки Днѣпра. Д. В. Пр. № 338.

Городокъ въ Пакульской волости, у села Пакуль, въ урочищѣ „Росали“, на берегу рѣки Рѣчицы; окопанъ рвомъ; площадь городка длины и ширины по 10 квадратныхъ сажень; обсаженъ вокругъ грушами. Д. В. Пр. № 576.

Городокъ въ Халавинской волости, въ селѣ Рогощѣ, на берегу рѣки Бѣлоуса. Круглый, окопанъ рвомъ. Д. В. Пр. № 662.

Городище въ Березинской волости, при деревнѣ Дурняхъ, на берегу Старой Десны. Высокая гора, песчаная, пространствомъ десятинъ на 5. На немъ жители находятъ, выдуваемыя вѣтромъ изъ подъ песка черепки разнаго рода, желѣзные орудія, треугольныя ратища, кресты, ножи и мѣдныя кольца. По преданію на этомъ мѣстѣ жили, и потому оно носитъ названіе „городище“. Д. В. Пр. № 607.

Городище въ той же волости, въ городѣ Березнѣ. Д. В. Пр. № 607.

Городокъ въ той же волости, въ селѣ Брусиловѣ, при слияніи Снова съ Десною, на правомъ берегу первой. Д. В. Пр. № 607.

Остерскій уѣздъ.

Городище въ Броварской волости, при селѣ Выгуровщинѣ, на сѣверѣ, въ разстояніи отъ села на $\frac{1}{4}$ версты. Насыпь вышиною 12 аршинъ, мѣрою вокругъ на одну десятину, и кругомъ обведена канавою въ четыре аршина глубины, для входа въ городищѣ имѣются признаки существовавшихъ воротъ. Д. В. Пр. № 1353.

Городище въ той же волости, внутри селенія Выгуровщины. Такая же самая насыпь, какъ и предыдущая, на ней нынѣ существуетъ дворъ Кіево-Михайловскаго монастыря. Д. В. Пр. № 1353.

Городище въ Остерской волости, въ трехъ верстахъ отъ села Крыхаева, по направленію къ юго-востоку, въ урочищѣ „Киськово“. Насыпь обнесена землянымъ валомъ, въ вышину до шести аршинъ, на пространствѣ около 1 версты, со всѣхъ 4-хъ сторонъ. Съ юго-восточной стороны имѣеть въѣздъ, — предполагать должно, что въ прежнее время тамъ были ворота. Площадь поросла кустарникомъ. Д. В. Пр. № 1519.

Городокъ въ Сорокопицкой волости, при деревнѣ Сивкахъ, у рѣки Днѣпра, въ урочищѣ „Прикалѣ“. Обнесенъ валомъ, вышиною въ 2½ аршина. Д. В. Пр. № 682.

Городокъ въ той же волости, въ 5 верстахъ отъ деревни Новаго Глыбова, при устьи рѣкъ Днѣпра и Припяти. Обнесенъ валомъ, вышиною въ 3 аршина. Д. В. Пр. № 682.

Козелецкій уѣздъ.

Городокъ въ Ново-Быковской волости, въ мѣстечкѣ Новомъ Быковѣ, во дворѣ г-жи Протасовой. Круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Д. В. Пр. № 524.

Городокъ въ той же волости, у села Петровки, въ усадьбѣ г. Васильчикова, на берегу рѣки Супоя, Круглой формы, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Д. В. Пр. № 524.

Городище въ Ново-Басановской волости, въ мѣстечкѣ Новой Басани, на р. Недрѣ. Д. В. Пр. № 521.

Городокъ въ той же волости, въ селѣ Ядловкѣ. Въ настоящее время на немъ приходская церковь. Д. В. Пр. № 521.

Городокъ въ Бобровицкой волости, въ центрѣ мѣстечка Бобровицы. Въ родѣ крѣпости, въ которой жители прятались отъ непріятелей; кругомъ этого городка была вода; городокъ имѣеть въ окружности 2 версты, высоты 3 сажня. Д. В. Пр. № 725.

Городище въ той же волости, близъ мѣстечка Бобровицы, въ разстояніи отъ него на 1½ версты. Окруженъ двумя валами съ промежутокъ воротъ. Д. В. Пр. № 725.

Городокъ въ Ярославской волости, въ селѣ Заворичахъ, возлѣ болота „Трубойла“. Круглой формы. Д. В. Пр. № 621.

Нѣжинскій уѣздъ.

Городище въ Талалаевской волости, въ селѣ Дорогинѣ, на берегу рѣки Удаи. Д. В. Пр. № 802. Ч. Е. Ив. 1862 г. Приб. стр. 680.

Городище въ Плосковской волости, въ 2-хъ верстахъ отъ села Плоскаго, въ направленіи къ юго-востоку, при болотахъ: „Пески“ и „Голо“. Занимаетъ земли болѣе 8 десятинъ; въ немъ видны двое развалившихся земляныхъ воротъ, изъ которыхъ одни называются Кіевскими, а другіе Нѣжинскими; оно оковано неизвѣстно кѣмъ и когда, тремя глубокими рвами, съ такимъ же числомъ земляныхъ валовъ, довольно возвышенныхъ. Площадь поросла лѣсомъ. Д. В. Пр. № 609.

Городокъ въ Монастырищенской волости, между мѣстечкомъ Монастырище и селомъ Зайдайки, на рѣкѣ Удаѣ, на разстояніи отъ мѣстечка Монастырище въ $\frac{1}{2}$ верстѣ. Круглой формы, обнесень землянымъ валомъ; занимаетъ пространство до $\frac{1}{2}$ десятины; въ срединѣ этой насыпи, имѣющей ровную площадь, существуетъ колодезь, устроенный съ незапамятныхъ временъ и поддерживаемый мѣстными жителями для водоюза; вокругъ городка, замѣтно, былъ широкій ровъ; сообщеніе съ городкомъ производится по плотинамъ. Д. В. Пр. № 872.

НВ. I. Въ дачахъ мѣстечка Монастырища въ $\frac{1}{2}$ версты отъ хутора Панскаго Колодца, а отъ мѣстечка Монастырища въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ на западъ, — земляныя насыпи, носящія въ народѣ названія „два брата“, частію уже разрыты. Представляютъ видъ древняго укрѣпленія; въ немъ валы разбросаны въ разныхъ направленіяхъ, а между ними, по срединѣ довольно глубокое углубленіе. Д. В. Пр. № 872.

НВ. II. Тамъ-же въ дачахъ мѣстечка Монастырища, въ 2-хъ верстахъ отъ хутора Веприка, и отъ мѣстечка Монастырища въ 3 верстахъ на югъ, земляная насыпь, кругомъ возвышеннаго мѣста, носящая въ народѣ названіе „Разгребельный“, представляю-

щия тамъ видъ небольшого укрѣпленія, судя по довольно широкой и глубокой въ срединѣ оного площади. Д. В. Пр. № 872.

НВ. III. Въ дачахъ села Вакасаки, въ 6-ти верстахъ отъ него на юго-западъ, — земляныя насыпи, носящія въ народѣ названіе „Товавъ“, совершенно схожія съ насыпями „два братъ“, о которыхъ было говорено выше, съ тою разницею, что насыпи здѣсь сравнительно большія и устройство ихъ сдѣлано, какъ бы для защиты съ южной стороны, тогда какъ насыпи „два братъ“, сдѣланы, какъ бы, для защиты сѣверной стороны. Д. В. Пр. № 872.

Городокъ въ Носовской волости, въ мѣстечкѣ Носовѣѣ. Это городокъ, по преданію, въ прежнее время былъ крѣпостію для защиты отъ набѣговъ непріятеля; высота его въ настоящее время не болѣе 3-хъ, а въ иныхъ мѣстахъ 4-хъ аршинъ; середина этой крѣпости — центръ мѣстечка Носовки, гдѣ находится церкви и базарная площадь. Д. В. Пр. № 747.

Городище въ Володько-Дѣвицкой волости, у села Дѣвицы. Площадь его поросшая лѣсомъ. Д. В. Пр. № 735.

Борзенскій уѣздъ.

Городокъ въ Борзенской волости, между селеніями Ядугами и Омами, у рѣки Лоши. Д. В. Пр. № 466.

Городокъ въ Шаповаловской волости, ~~у~~ хуторѣ Дочѣ, у почтовой дороги изъ города Борзны на мѣстечко Батурино, съ южной стороны, надъ болотомъ. Д. В. Пр. № 419.

Городище у Вѣлой Вѣжи. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. стр. 429.

Городище въ Иванъ Городѣ. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. стр. 585.

Городище въ Сиволожи. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. 293.

НВ. Древнее укрѣпленіе въ городѣ Борзнѣ. Ч. Е. Из. 1868 г. Приб. стр. 129.

